

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

На правах рукописи

Махмуд Хемин Тахир Махмуд

***ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В.Г. КОРОЛЕНКО-ПУБЛИЦИСТА***

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент О.В. Шаталова

Елец – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА I. Исследование персонологических аспектов публицистики как коммуникативно-прагматическая задача современной науки.....	22
1.1. Языковая личность публициста: формирование и развитие теории и методологии исследования.....	22
1.2. В.Г. Короленко – личность в публицистике: реализация поступка в слове.....	31
Выводы по первой главе.....	53
ГЛАВА II. Основные лингво-риторические черты образцовой языковой личности публициста (на примере анализа статей В.Г. Короленко).....	56
2.1. Стилистические маркеры в структуре языковой личности В.Г. Короленко.....	56
2.1.1. <i>Антитеза в публицистическом тексте и в реальной действительности.....</i>	<i>58</i>
2.1.2. <i>Метафоризация как прием идейно-тематической актуализации в публицистике.....</i>	<i>74</i>
2.1.3. <i>Принцип эмоциональной объективированности реальности через олицетворение абстрактных понятий.....</i>	<i>87</i>
2.2. Полифония как основа организации внутритекстового диалога в статьях В.Г. Короленко.....	102
2.2.1. <i>Основные принципы организации и языковые характеристики образов, определяющих коммуникативные позиции в публицистическом полилоге.....</i>	<i>102</i>
2.2.2. <i>Средства и способы языковой реализации образа автора-повествователя.....</i>	<i>118</i>

2.3. Коммуникативно-прагматическая реализация позиции публициста в «кризисной» публицистике.....	143
Выводы по второй главе.....	162
Заключение.....	167
Библиография.....	177
Словари и справочники.....	194
Список источников.....	197
Приложение.....	199

ВВЕДЕНИЕ

Язык, по традиционным представлениям, принятым в науке, – основное средство коммуникации. Первичным способом использования языка индивидуумом и обществом является, несомненно, устная речь, далее в системе развития языка развивается процесс письменной фиксации речи. Долгое время в языкознании было принято считать, что язык – это абстрактная система, далёкая от вопросов функционирования языка в речи, от говорящего лица, а отношения между языковыми знаками с их значениями произвольное. Однако современной наукой признается тесная связь языкового знака, символа и закреплённого за ним содержания. Это оказывается существенным для изучения языка как средства самовыражения личности и развития общества.

Обозначенные аспекты функционирования языка в современном языкознании исследуются интеграционным способом – при взаимодействии различных направлений: социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики и др.. Сосуществование различных подходов в исследовании языка и объединение усилий ученых дает плодотворные результаты для планомерного развития науки о языке. Известно, что в большинстве случаев провести четкую границу между многочисленными аспектами изучения языка не удастся. Однако взаимопроникновение различных направлений дает возможность для комплексного, объемного, разностороннего рассмотрения языковых явлений.

Развитие науки о языке шло по двум основным направлениям: первое непосредственно связано с прояснением устройства языка, его системы, для второго свойственно изучение особенностей его функционирования, то есть изучение речи. В настоящее время наиболее активно усилия лингвистов направляются на изучение речи (устной, и письменной) в двух «регистрах» (функциональных стилях) – стиле сообщения и стиле воздействия как важнейшего средства человеческого общения, то есть в коммуникативном плане. На смену исследованиям, построенным на формальных критериях,

пришло стремление к учету «человеческого фактора» в языкознании, так как для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей, мыслящей личности. Следовательно, средой функционирования языка является человеческое общество. Речь человека – это отражение его кругозора, мировоззрения, понимания картины мира, это живая речевая культура личности.

Еще в 1927 году Н.С. Трубецкой писал: «Личность неразложима и неповторима, а потому не может быть вполне познана средствами человеческого рассудка. И все же она может и должна быть предметом научного и философского изучения: изучаться при этом могут либо общие законы существования личности и отношения личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной данной личности. Изучением всего этого занимается целый ряд наук. Но координировать эти науки должна особая наука о личности – **персонология**, которая как особая форма научного мышления утверждалась [Трубецкой 1995] с 90-х гг. XX в., считается новым направлением лингвистики [Нерознак 1996; Лингвоперсонология... 2006; 2009 и т.д.].

Обозначая новое направление сложным термином «лингвоперсонология», наука закрепляет взаимообусловленность развития, бытования и формальной репрезентации, объективированности в реальной действительности языка и личности. Лингвоперсонология становится комплексной дисциплиной, которая, в соотношении с теорией языковой личности, формирует широкие возможности исследования, описания, определения перспектив моделирования личности. Так, появляются работы, систематизирующие и каталогизирующие уже собственно исследования, посвященные изучению языковой личности как объекта персонологии [Мельник 2011]. Особенно значимым и перспективным лингвоперсонологический подход становится при попытке изучения взаимодействия личности / индивидуума и общества.

Средой взаимодействия личности и общества, в которой, во-первых, в равной степени проявляются и индивидуальные черты личности, и характеристики, отражающие определенные групповые черты (маркеры социума), а во-вторых, активно протекают процессы общественного развития, является сфера публицистики.

Личность публициста представляет значительный интерес для персонологического исследования. Одной из самых знаковых персон эпохи расцвета русской публицистики является Владимир Галактионович Короленко, чье литературное творчество многократно становилось предметом внимания ученых. О творчестве В.Г. Короленко подготовлены литературоведческие диссертации [Бочарова 1994; Кочергина 1997; Фортунатов 1998; Завельская 1999; Скреминская 2003 и др.]. Актуален интерес к диалогическим отношениям «автор – читатель» в произведениях В.Г. Короленко [Воронович 1992], описываются диалектные явления речи персонажей его очерков и художественных произведений [Фолимонов 2001, 2014], отдельные концепты, зафиксированные в конкретных произведениях [Иванова 2013] либо частные аспекты лингвистического подхода к исследованию произведений В.Г. Короленко [Чиговская 2004]. Однако научные работы, осуществляющие комплексный лингвистический подход к исследованию личности В.Г. Короленко-публициста, в современной науке отсутствуют.

Лингвоперсонология не может не учитывать возможности, которые дает при описании личности когнитивистика. Данное направление является одной из теоретических отраслей современной лингвистики, охватывает знание и мышление в их языковом взаимодействии, т.е. когниция тесно связана с наукой о языке. Язык в большем приближении, чем культура, дает ученым-когнитивистам ключ к пониманию речевого поведения. Именно язык и речь обеспечивают естественный доступ к сознанию и мышлению, причем не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому что, по утверждению Е.С. Кубряковой, «мы

знаем о структурах сознания только благодаря словесному пространству» [Кубрякова 1995]. Когнитивно-функциональный подход к языку рассматривает языковой знак как сущность, в которой объективировано единство мышления и коммуникации. Следовательно, когнитивная лингвистика ставит своей целью анализ содержания, облачаемого в форму речевых актов, отражение того, что именно репрезентируется в сознании человека. Таким образом, исследование когнитивного уровня языковой личности к с обращением к единицам, представляющим мыслительные особенности, является существенной задачей, разрешение которой позволит расширить спектр персонологических характеристик личности публициста.

По мнению многих современных лингвистов, употребление и применение форм и приемов современного русского языка в речевой практике означает границы мира нашего современника и соотечественника: «Речь определяет множество психологических нитей, ведущих к состоянию и коммуникативным интенциям собеседников, к приоритетам современного общества в целом» [Мурашов 2005: 13]. Следовательно, одной из задач современной лингвистической прикладной науки является определение того речевого варианта, который мог бы выступать образцом, формировать определенные языковые приоритеты, с одной стороны, соответствующие современным требованиям и устремлениям носителей языка, тенденциям развития и общества, и личности, а с другой, сохраняющие исконные духовно-нравственные потенции, соответствующие русской ментальности.

Исследование языка как метода / приема понимания другого и его мира стало концептуальной теорией, которая обрела терминологическую соотнесенность к концу XX столетия, когда наблюдения за речевым поведением человека позволили ученым охарактеризовать его языковую личность. Впервые этот термин употребил В.В. Виноградов, хотя теологические направления философии использовали термин «личность» еще в XIX в., хотя уже к концу этого периода слово «личность» стало приобретать все более широкий контекст употребления, стало

использоваться в устойчивых сочетаниях [Марков 2008: 343]. Далее другие лингвисты развивали эту идею, определяли аспекты исследования языковой личности. Значительный вклад в разработку теории языковой личности внес Ю.Н. Караулов. (В связи с тем, что концепция Ю.Н. Караулова получила признание и утвердилась в качестве канонической в рамках современной лингвистической науки, изложение ее основных постулатов в нашей работе целесообразным не представляется).

Наукой, начиная с 30-х гг. XX в., активно разрабатывается концепция языковой личности. И хотя понятие «языковая личность» появляется в научной среде благодаря работам В.В. Виноградова в приложении к личности писателя, но уже в последующих работах ученого данное понятие переходит в сферу междисциплинарных исследований (см. исследования Г.О. Винокура, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и др.).

Попытки изучения языковой личности, основанные на трехуровневой модели личности, представленной в концепции Ю.Н. Караулова, охватывают достаточно широкий типологически спектр характеров. Так, привлекали внимание исследователей в качестве объектов для исследования такие филологи, как А.А. Реформатский [Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216 с.], Ю.М. Лотман [Парсамова 2004], Д.С. Лихачев [Шаталова 2009; 2012], Б.Н. Головин [Лаврова 2006], И.Л. Андроников [Шаталова 2013], О.Б. Сиротинина [Куприна 1998], В.В. Степанова [Плеханова 2008].

Актуализирован в современной научной среде интерес к языковой личности писателя: в различных работах анализируются особенности речевых произведений А.П. Чехова [Кудинова 2000], Н.С. Лескова [Леденёва 2000], Ф.М. Достоевского [Залогина 2004], В.В. Набокова [Каракуц-Бородина 2000; Фатеев 2006], Б. Акунина [Минькова 2005], Б.В. Заходера [Шевченко 2005], Л.Н. Толстого [Алексеева 2009], В. Полозковой [Елистратова 2012], М.И. Цветаевой [Шевченко 2014], С. Довлатова [Хлупина 2015; Немька 2017] и др. Характеризуя языковую личность писателя, исследователи рассматривают преимущественно определенный элемент вербально-

семантического уровня или исследуют тематически ограниченный материал. Также делается акцент на таком аспекте исследования языковой личности в художественном тексте, как соотношении с культурологическими аспектами научного подхода к личности [Глушкова 2015]. Подобный подход, как представляется, формируется влиянием когнитивных исследований на различные направления современной науки, что далеко не всегда отражает собственно лингвистические параметры исследования языковой личности.

Языковые личности диалектоносителей проанализированы в диссертациях последних десятилетий [Лютикова 2000; Иванцова 2002; Казакова 2004; Прокофьева 2012; Гальцова 2018].

В работах, в целом направленных на описание и системный анализ языковой личности, достаточно широко представлен спектр методологических подходов: выделены релевантные для изучения языковой личности писателя признаки автора-экстраверта и интроверта [Ляпон 1995; Иванцова 2010], эгоцентрической и социцентрической языковой личности [Карасик 2002]. Известны результаты психолингвистического [Кулишова 2001] и лингвосоционического [Комиссарова 2002; Залогина 2004; Замилова 2013] анализа языковой личности. При этом достаточно четко прослеживаются тенденции развития определенных направлений в исследовании языковой личности: например, в диссертационном исследовании Л.М. Комиссаровой [Комиссарова 2002] обосновывается лингвосоционический метод изучения персоналии на примере языковой личности поэтов «серебряного века», а в работе А.В. Замиловой [Замилова 2013] на основе методологии лингвосоционического анализа объективируется возможность моделирования современной языковой личности, реализующейся в коммуникативном пространстве Интернета. То есть можно констатировать достаточно высокий уровень мобильности научных тенденций (значительное количество работ посвящается сегодня уже анализу понятия языковой личности в научной литературе,

систематизации исследовательских концепций, посвященных языковой личности [Власкина 2009 и др.]).

Отдельным направлением исследования языковой личности является изучение личности общественного деятеля [Чернавская 2006; Иссерс 2008; Грачева 2015, Лавринова 2015], поскольку процессы «регулирования деятельности человека или группы людей при помощи речи, а также общей прагматической установки на оптимизацию речевого воздействия» [Иссерс 2011: 22] являются значимым фактором бытования и развития современной коммуникативной среды, а, следовательно, и общественных отношений в целом.

В то же время говорящая личность (и рядовой носитель языка, и выдающийся общественный деятель) предъявляет миру (коммуникативной среде) свое понимание жизни, принципов существования и бытия, истории, которое вербализуется в определенных языковых образах и знаках, что в свою очередь позволяет говорить о влиянии языковой личности на формирование, во-первых, определенной языковой среды, а во-вторых, на развитие концептуальных идей в ограниченной коммуникативной среде.

В условиях современной коммуникации возникает насущная потребность определения черт публициста образцового типа, чья речь соответствует параметрам современного литературного языка и может служить ориентиром для моделирования речевого поведения.

Говоря об образцовой речи в рамках публицистического дискурса нельзя забывать о том, что специфическая природа публицистики определяется ее идеологической направленностью, в рамках которой задача коммуникативного воздействия на читателя / слушателя превалирует над всеми остальными прагматическими функциями. Следовательно, исследование комплексного образа публициста, в том числе на примере конкретного персонологического воплощения в лице В.Г. Короленко, невозможно без обращения к текстам, созданным в рамках общественно-политического дискурсивного направления. Принципиально значимым

фактором выбора предмета исследования для данной диссертационной работы была бесспорная связь общественно-политического дискурса с русской литературой. (Предваряя дальнейшее исследование, заметим, что В.Г. Короленко известен и как писатель, и как публицист, а в период его художественного творчества и социально-политической деятельности формально литература выполняла функции, которые позже в рамках дифференцирующих классификаций были «переданы» общественно-политическому дискурсу).

Соблюдая некоторые перспективные для дальнейшего исследования условия, считаем также возможным акцентировать роль литературы в формировании общественно-политического дискурса. Этот аспект является историческим для русской литературы и общественной мысли, но может быть принципиально значимым для развития публицистики других стран в качестве примера.

Литература как фиксированная форма отражения сознания личности и народа всегда является глубоким и утонченным источником для понимания любой нации, ее культуры и обычаев. Литература – зеркало, в котором отражается история народа, но в то же время возможность развития народа определяется жизнестойкостью народа. Литература отражает и одновременно формирует реальность, предлагая образцы для подражания. Некоторые произведения оставляют след в культуре и обществе, открывают новые горизонты, расширяют кругозор человека, помогают развитию процесса мышления у человека, оказывают сравнимое с религиозными книгами влияние (нельзя не вспомнить учения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, отразившие тонкость русского национального духа и запечатлевшие их для современников и потомков).

Литература дает возможность проникнуть в глубину души других народов. Так, Григорий Гачев в своей книге «Ментальности народов мира» вспоминает о том, как он, не имея возможности выехать из СССР, читал о разных странах и культурах, описывал их и сравнивал «национальные образы

мира». Это стало способом путешествовать – умом и воображением. Когда же у него появилась возможность повидать некоторые из стран, обнаружилось, что «основные интуиции оказались верными» [Гачев 2008: 12-13], т.е. литература в своей способности компрессии информации формирует такие образы, которые приобретают универсальный характер, что облегчает их восприятие представителями других народов, носителями других культур.

«Не помню, кто сказал первый, что сущность того воздействия, которое литература оказывает на общество, сводится к внушению. Во всяком случае это мысль, не подлежащая теперь спору, и относится она не к одному лишь роману и не к одной лишь прямой проповеди. То, что мы называем «прессой» в самом общем значении этого слова, играет ту же роль», – отметил уникальную роль литературы и публицистики в развитии общества В.Г. Короленко. Обозначенное взаимодействие и даже взаимозависимость художественной литературы и публицистики особенно ярко проявляется в деятельности мастеров слова, писателей и публицистов, второй половины XIX века [Фокеев 2009].

В соответствии со сказанным личность Владимира Галактионовича Короленко вызывает значительный интерес с точки зрения как истории формирования публицистики и, следовательно, языковой личности публициста, так и с позиций актуализации вопросов, связанных с формированием национального самосознания, самоопределения. К тому же, как отмечают современные исследователи, в частности В.В. Блохин [Блохин 2010], общественно политические взгляды и собственно общественная деятельность В.Г. Короленко не изучалась специально, тем более не проводилось исследований, в которых бы языковая репрезентация личности публициста соотносилась с его практической деятельностью.

Обозначенное соотношение языковой личности В.Г. Короленко с деятельностью – и с формально общественной, организационной, и с функционально-риторической (в терминологии М.М. Бахтина – с речевыми

поступками) – оказывается существенным для нашей работы именно в связи с актуальностью многих затрагиваемых В.Г. Короленко вопросов для современной международной политики.

Так, В.Г. Короленко, будучи философом и активным общественным деятелем, подчеркивает бесспорность национального самоопределения. Но считает обязательным объективную оценку собственных характеристик и призывает представителей различных наций ко взаимоуважению: *«Национальность наша есть факт, первичный, сопровождающий нас от рождения и налагающий на нас свой отпечаток, естественно, неизбежно и непосредственно. <...> Это факт, который, конечно, не может не сказаться в нашем душевном строе и во всем поведении. Он не должен мешать нам видеть свои недостатки и чужие достоинства,..»* («Несколько мыслей о национализме»). Писатель предостерегает от смешивания чувств национального достоинства с национализмом, который может ослепить человека и нацию в целом, заставляя закрывать глаза на собственные недостатки и не замечать достоинств других народов. Не менее существенны оценки В.Г. Короленко и по другим социально-политическим и экономико-правовым вопросам.

В условиях современного бытования мирового сообщества определяющими становятся принципиально различные направления межнационального и межкультурного взаимодействия. С одной стороны, это интеграция культур, формирование общих культурно-эстетических и коммуникативно-этических представлений у разных народов, проживающих в регионах с различными религиозными, нравственными и социально-политическими традициями. С другой стороны, происходит радикальная поляризации национальных и межнациональных отношений, образуется зона коммуникативного конфликта, разрешение которого возможно исключительно гуманистическими мерами – выявлением общего коммуникативного контента, приоритетной зоной которого является общественное, публичное общение. В обозначенной ситуации исследование

мировоззрения и особенностей языковой репрезентации общественного деятеля уровня и интеллектуально-психологической типологии, соразмерной В.Г. Короленко, личность которого отражена полно и объемно в его художественных и публицистических произведениях, представляется, безусловно, **актуальной**.

Актуальность: данная тема избрана в соответствии с актуализацией вопросов развития языковой личности и ее проявления в различных коммуникативных условиях. Разработка теории языковой личности публициста, проявляющейся в период исторических преобразований, позволяет определить возможности развития (как направления личностного самоопределения индивидуума) и моделирования (как социально-идеологической задачи) образцовой языковой личности в современных коммуникативных условиях.

Научная новизна диссертационного исследования:

1) на материале текстов В.Г. Короленко уточнена методика анализа языковой личности публициста: обоснован факт того, что необходимо обращение к персонологии, учет психологических и социальных условий бытования личности для понимания специфики речевой репрезентации личностно-психологических, социальных и идейно-политических интенций публициста;

2) языковая личность В.Г. Короленко, публициста и общественного деятеля, охарактеризована в основных чертах как языковая личность *интеллигента*; определены показатели психологического типа, обусловившие основные интенции публициста – активного участника процесса формирования социально-политического и идеолого-нравственного дискурса периода исторических преобразований в стране;

3) произведено соотношение личностно-коммуникативных качеств с вербально реализованным образом публициста: обозначены лексико-семантические и грамматико-синтаксические приоритеты речи

В.Г. Короленко, позволяющие делать выводы о коммуникативных и функционально-прагматических интенциях речи публициста;

4) выделены и охарактеризованы значимые лингвистические приемы идиостиля В.Г. Короленко-публициста: антитеза, метафора, олицетворение;

5) охарактеризован прием *полифонизма / полифонии* текста как основной в реализации публицистических интенций В.Г. Короленко;

6) выявлены тенденции трансформации идиостиля В.Г. Короленко в соотношении с принципами ориентированности на адресата и на специфику социально-политической обстановки.

Цель исследования: выявить и охарактеризовать специфические, получившие вербальную репрезентацию особенности речи публициста, активно влияющего на формирование и развитие общественного мировоззрения, в соотношении с индивидуальными эмоционально-психологическими и интеллектуальными чертами личности В.Г. Короленко.

Задачи исследования:

1) на основе данных различных научных дисциплин определить роль писателя-публициста в формировании социально-культурных приоритетов;

2) изучить специфику формирования и развития теории языковой личности в современной науке, представить концентрированно основные тенденции теории языковой личности, значимые для методологии исследования языковой личности публициста и достижения поставленной цели диссертационного исследования;

3) расширить спектр методических приемов, традиционно используемых в практике исследования языковой личности, за счет риторических приемов, существенных для публицистических текстов;

4) охарактеризовать личность В.Г. Короленко с социологических, культурологических и психологических позиций по имеющимся в современной научной среде данным;

5) выявить основные приемы языковой репрезентации личности В.Г. Короленко на основе анализа его публицистических произведений;

б) определить функциональное назначение языковых приемов и средств реализации личностных интенций В.Г. Короленко в коммуникативной прагматике публицистического текста.

Теоретическая значимость работы диссертационной работы состоит в том, что наблюдения и выводы, содержащиеся в ней, вносят определенный вклад в разработку теории языковой личности, а также расширяют научные представления о способах репрезентации языковой личности, реализующейся в публицистической среде.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования материалов при изучении языковых личностей других публицистов и в характеристике отдельных аспектов языковой личности В.Г. Короленко, представленной в художественной прозе и в эпистолярном наследии. Методика анализа языковой личности и выводы о языковой личности В.Г. Короленко могут найти применение в подготовке выпускных квалификационных и курсовых работ обучающихся по программам высшего образования (уровень «бакалавриат» и уровень «магистратура»), в диссертационных исследованиях в области персонологии, в теории языковой личности, в функционально-коммуникативной лингвистике русского языка. Материалы могут использоваться в практике вузовского преподавания современного русского языка, лингвистического анализа публицистического текста, языка публицистики, а также при подготовке и проведении курсов по выбору при обучении по программам высшего образования по направлениям «филология», «языкознание», «журналистика», «педагогическое образование» и др.. Результаты исследования могут быть востребованы в практике преподавания социологии, теоретической и практической журналистики, психологии и других дисциплин общественной направленности.

Материалом диссертационного исследования являются публицистические тексты В.Г. Короленко: комплексно проанализировано

более 30 статей, получили статистическое описание 18 статей. Статистические данные представлены в Приложении №1.

Предмет исследования – особенности языковой личности В.Г. Короленко, запечатленные в его публицистических текстах и получившие репрезентацию в конкретных языковых формах.

Объектом исследования являются единицы различных уровней языковой личности В.Г. Короленко и частотные в речи публициста лексические явления, грамматические формы, тропы, фигуры, а также некоторые текстовые категории, характерные для идиостиля В.Г. Короленко, отражающие специфику публицистического дискурса.

Основная гипотеза исследования. Особенности языковой личности В.Г. Короленко репрезентируются посредством индивидуализированного выбора лексических, грамматических и стилистических средств языка, который предопределяет характер идиостиля публициста.

Методология и методы исследования определяются принципами современной антропоцентрической лингвистики: в работе применялись метод сплошной выборки, метод лингвистического описания, элементы компонентного анализа, концептуального анализа, контекстуального анализа, статистического анализа, биографический метод, сравнительно-сопоставительный метод.

Организация и этапы исследования:

1) изучение аспектов жизни и творчества В.Г. Короленко, знакомство с его публицистическими произведениями, формирование исследовательской базы (систематизирование и структурирование материалов);

2) изучение научной литературы по теории языковой личности, персонологии, теории коммуникации; уточнение методики исследования языковой личности публициста;

3) обсуждение проблематики и основных направлений исследования на научно-практических семинарах и конференциях, организуемых ведущей кафедрой, консультации со специалистами;

4) исследование публицистических текстов В.Г. Короленко на предмет репрезентации языковой личности, выявления характерологических черт языковой личности;

5) подготовка докладов для представления на конференциях различного уровня (вузовского, регионального, всероссийского, международного), стадийное представление результатов исследования широкой научной общественности;

6) подготовка материалов для публикаций;

7) систематизация и структурирование полученных результатов исследования, подготовка и оформление текста диссертационного исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формированию объективного представления о языковой личности В.Г. Короленко-публициста способствует привлечение достоверных мемуарных свидетельств о его социально-психологической личности, информации о его социально-политической деятельности, а также об историко-общественной ситуации.

2. Лексико-семантические и грамматико-синтаксические приоритеты речи В.Г. Короленко-публициста позволяют обозначить обусловленность речевой репрезентации его личности такими социально-психологическими чертами личности, как стремление к добру, отстаивание принципов истины и свободы личности, стремление к борьбе против произвола и деспотизма власти, за справедливость, а также эмоциональность восприятия действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные реалии, четкость определения личностной позиции и стремление к соблюдению диалогического принципа в общении.

3. Спектр основных стилистических тропов и фигур, используемых в речи В.Г. Короленко-публициста, определяется характерологическими параметрами (социальный статус, уровень образования, культурная ориентированность) целевой аудитории и может изменяться в соответствии с

изменением историко-политических условий и, как следствие, с изменением типологической характеристики массового адресата.

4. Основными стилистическими приемами публицистических выступлений В.Г. Короленко являются антитеза, метафора и олицетворение, которые позволяют, во-первых, акцентировать внимание читателя / адресата на несовпадении / противостоянии значимых нравственных явлений и реалий социальной действительности, во-вторых, вписать предлагаемый взгляд автора-публициста на проблему в систему приемлемых для адресата образов и представлений, в-третьих, усилить эмоциональную составляющую текста.

5. Олицетворение как один из основных приемов в речи В.Г. Короленко-публициста позволяет объективировать в материальных образах абстрактные категории и явления общественной жизни, что способствует эмоциональности и доступности передачи концептуальных подходов публициста, а также обеспечивает динамичность повествования.

6. Полифония – одна из основных форм организации внутритекстового диалога в статьях В.Г. Короленко – выполняет двойную функцию: формирование диалогичности как фактора равноправия позиций при обсуждении значимой проблемы и демонстрация объективности и убедительности приоритетной для автора-публициста позиции.

7. Введение некоторого количества участников полилога в текст формирует цельный образ, выражающий одну коммуникативную позицию, за счет чего создается убедительность выражаемой позиции; неопределенное количество участников полилога в публицистическом дискурсе В.Г. Короленко представляет 4 значимые коммуникативные позиции: автор-повествователь, воображаемый собеседник / оппонент, человек из народа, авторитетное лицо.

8. При изменении социально-политических и коммуникативно-прагматических условий характера целевой аудитории количественный приоритет антитезы, метафоры, олицетворения в речи В.Г. Короленко-публициста нивелируется усиленной эксплуатацией эпитета, градации,

сравнения, полифоническая организация повествования нивелируется – актуализируется прием вопросно-ответной формы, что свидетельствует о трансформации речи публициста, адаптации к народной речи.

Степень достоверности работы обеспечивается исследованием авторских текстов, обращением к данным толковых словарей, а также ряда специальных словарей при анализе языковых средств. Объективность исследования достигается благодаря данным, полученным при применении метода статистического анализа, результаты которого представлены в Приложении: в процессе работы была проведена статистическая оценка / обработка 18 статей В.Г. Короленко. Семантический, грамматико-синтаксический и стилистический анализ данных единиц позволяют определить основные идейно-тематические и лингво-прагматические особенности языковой личности публициста.

Выводы о личности В.Г. Короленко, о специфике его персоны как публициста подтверждаются мемуарными источниками, содержащими фактуальную информацию о психологических, интеллектуальных и моральных качествах личности публициста (отзывами, характеристиками современников), и данными литературоведческих и общественно-исторических материалов, касающихся его деятельности.

Апробация результатов исследования.

Основные положения работы изложены в 15 научных статьях, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК. Автор принимал участие в Международной научно-практической конференции «Русский язык как иностранный: прошлое, настоящее, будущее» (г.Москва, 2015 г.), Международной научной конференции «XIX Царскосельские чтения» (г.Санкт-Петербург, Пушкин, 2015 г.), Международной научно-практической конференции «Журналистика и культура» (г.Пенза, 2014 г.), Международной научно-практической конференции «Инновационные исследования проблемы внедрения результатов и направления развития» (г.Пермь, 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Вопросы филологии в

современных исследованиях» (г.Елец, 2018 г.), Международной научной конференции «V Селищевские чтения» (г.Елец, 2016 г.), Международной научно-практической очно-заочной конференции «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков» (г.Липецк, 2017 г.), Международной научной конференции «Россия и мир: экономические, правовые и социальные аспекты развития» (г.Липецк, 2016 г.), Международной научно-практической конференции интегративного характера «КОНГРЕСС МАГИСТРАНТОВ» (г.Липецк, 2018 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Слово. Словарь. Словесность: язык революции – язык советской эпохи» (г.Санкт-Петербург, 2017 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы современной лингвистики: на стыке когници и коммуникации» (г.Тамбов, 2015 г.), областной научной конференции «От учительского института – к классическому университету: опыт и перспективы развития системы высшего образования» (г.Елец, 2014 г.), областной научной конференции «Актуальные проблемы гуманитарных исследований» (г.Елец, 2015 г.), VII научно-практической конференции с международным участием «Запад и Восток в диалоге культур» (г.Липецк, 2017 г.), в научно-практических конференциях студентов, аспирантов и преподавателей ЛГПУ (г.Липецк, 2015 г., 2017 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка публицистических материалов В.Г. Короленко и приложения.

ГЛАВА I. Исследование персонологических аспектов публицистики как коммуникативно-прагматическая задача современной науки

1.1. Языковая личность публициста: формирование и развитие теории и методологии исследования

Исходя из целей и задач исследования, актуальным понятием для нашей работы представляется понятие языковой личности. В данном случае понимание и всестороннее описание термина «языковая личность» оказывается на стыке интересов многих антропологических и языковых наук.

Понятие языковой личности оформилось в современном языкознании в XX веке, однако с течением времени не только не теряет своей актуальности, но и приобретает дополнительные направления изучения в соотношении с социолингвистикой, психолингвистикой, коммуникативной лингвистикой, прагмалингвистикой, культурологией, социологией и другими дисциплинами, в пределах которых развивается интегрированное изучение человека, которое невозможно без обращения к языку как средству репрезентации интеллектуальных и эмоциональных интенций личности. Именно поэтому все чаще термин «языковая личность» используется для обозначения феномена (культурно-лингвистического), который объединяет в себе социальный, психологических и лингвистический аспекты, или, по оценке одного из исследователей, языковая личность – это «обобщенный образ носителя того или иного языка, языкового сознания и культуры, обладающий особенностями восприятия и вербального отражения действительности» [Полонский 1999: 22].

Изначально толкование понятия языковой личности дал В.В. Виноградов, который на основе исследования текстов художественных произведений предложил описание отдельных аспектов языковой личности персонажа и автора [Виноградов 1959; Виноградов 1980]. В работе «О языке художественной прозы» [Виноградов 1980] выдающийся ученый, анализируя

особенности функционирования русского литературного языка во взаимосвязи с говорящим на данном языке обществом, предлагает такой взгляд, при котором каждый текст (и художественный, в частности) отражает языковую систему некоторой социальной группы определенного периода. В.В. Виноградов отмечает изменения в литературном строе языка начала XX века, происходящие в соответствии с социально-политическими изменениями действительности: «Литературно-книжная речь постепенно уступает решительному натиску городского просторечия, разных профессиональных диалектов и жаргонов» [Виноградов 1980: 58].

Однако В.В. Виноградов не ограничивает среду формирования языковой личности только влиянием социальной среды, так как, по его мнению, значительное влияние на формирование личности (в данном контексте речь идет о личности писателя, автора художественного текста) оказывает опыт предыдущих веков, запечатленный в творческих сочинениях: «Преемник воспитывается не только итогами мысли предков, извлекаемых из общения с людьми (мыслями, как говорится, носящимися в воздухе, никому, в частности, не принадлежащими), но и произведениями прежних веков, слагаемых этих итогов, взятыми порознь, произведениями современников и предшественников в их особенности» [Там же: 147]. «Изучение языка литературного сочинения должно быть одновременно и социально-лингвистическим, и литературно-стилистическим. Понимание языковых форм современной ему действительности является постулатом изучения. Ведь в структуре литературно-художественного произведения потенциально заключены символы всей языковой культуры его эпохи», – считает ученый [Там же: 68].

Таким образом, в личности автора художественного произведения как носителя общего литературного языка отражается, с одной стороны, язык общий, коллективный, свойственный определенному социуму и конкретной эпохе, а с другой, язык индивидуума. Поэтому, по мнению В.В. Виноградова, речевая деятельность личности – это «результат выхода ее [языковой

личности] из все сужающихся концентрических кругов тех коллективных субъектов, формы которых она в себе носит, творчески их усваивая» [Там же: 90].

Обозначенное соотношение индивидуально-авторского идиостиля пишущей личности с социально-историческим контекстом представляется особенно значимым исследование личности публициста для изучения языка конкретной эпохи и принципов функционирования языка в обществе, так как именно публицист чаще всего оказывается тем, кто в силу развития своей языковой культуры непосредственно связан с народными массами, и в то же время тем, кто может влиять на эмоциональное состояние народных масс.

Расширение концептуальных подходов к изучению говорящей (пишущей) личности находим в работах Ю.М. Лотмана, который считал, что язык художественного произведения «выступает в роли определенной художественной модели мира, поскольку именно язык моделирует универсум, являясь вторичной моделирующей системой» [Лотман 1998: 61]. Произведение отражает мировоззрение писателя / автора как носителя определенной культуры, носителя знания об окружающем мире, действительности, общественных отношениях, а также его личностное восприятие всех обозначенных фактов. При этом письменный текст формирует у читателя определенное представление об обозначаемых фактах, независимо от того, принадлежит ли читатель к той же социокультурной среде, что и автор, или нет. Текст становится материальным носителем определенных ценностей именно в процессе выполнения им коммуникативной функции [Зеленская 2000: 26]. (Обозначенный факт приобретает особое значение в условиях научно-исследовательского интереса в межкультурной коммуникации). «Обладая способностью концентрировать огромную информацию на «площади» очень небольшого текста <...>, художественный текст имеет еще одну особенность: он выдает разным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания, он же дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию

сведений при повторном чтении», – пишет Ю.М. Лотман [Лотман 1998: 35]. Обозначая непосредственную связь текста (с включенной в текст языковой личностью) с читателем, можно использовать сопоставление текста с живым организмом, воплощенное А.М. Шахнаровичем в оригинальной метафоре: «Всякий фрагмент языкового материала содержит в себе, как живая клеточка, все основные свойства, присущие языку в целом» [Шахнарович 1993: 76]. Тем более важным оказывается данное замечание в приложении к публицистическому тексту, который по своей сути является еще более связанным с социумом и происходящими в нем процессами, но в то же время обладает всеми возможностями обобщения и метафоризации, свойственных художественному тексту.

Максимально приближая процесс соотношения текста и отраженной в нем языковой личности к собственно определению параметров языковой личности, Ю.Н. Караулов утверждает, что «за каждым текстом стоит система языка», но в то же время «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов 2003: 27]. Поддерживая идею антиномии индивидуального и социального в тексте, Ю.Н. Караулов в своей работе «Русский язык и языковая личность» говорит о возможности создания в пространстве одного текста множества различных индивидуальностей, проявляющихся в речи, то есть множества языковых личностей. Данный подход оказывается особенно актуальным для публицистики: с одной стороны, в публицистическом дискурсе проблема выявления и характеристики личности автора текста разрешается однозначно путем открытого обозначения. Однако, с другой стороны, условия формирования и бытования публицистического текста в коммуникативной среде способствуют тому, что личность автора – так же, как и, например, в художественном дискурсе, может оцениваться по-разному:

- писатель, реально существующий человек (в тех случаях, когда публицист выступает по вопросам, касающимся его личной жизни, биографии, например, как в заметке В.Г. Короленко «О “России” и о

революции» – полемическом выступлении публициста в ответ на адресный памфлет);

- повествователь (традиционная для публицистики форма «перволичного» нарратива, когда говорящий напрямую адресует речь аудитории, открыто демонстрируя личную позицию);

- концентрированное представление некоего взгляда на действительность (так называемая авторская позиция, выявление которой возможно только методом контекстуального, даже подтекстового анализа).

(В качестве предварительного замечания обозначим тот факт, что публицистические тексты В.Г. Короленко позволяют говорить о представлении всех трех обозначенных «ипостасей» личности автора. Именно это требует детального рассмотрения языковых форм репрезентации личности публициста, позволяющего, в том числе, и квалифицировать ту или иную форму проявления).

Именно Ю.Н. Караулову принадлежит каноническое для современного этапа развития лингвистики определение языковой личности как совокупности способностей и характеристик человека, которые обуславливают его стремление создать и принять речевые произведения и различаются структурно-языковой сложностью, глубиной и отчетливостью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью [Караулов 2003: 3]. «Носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использованных в них системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире называется **языковой личностью**» [ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РЯ: 671]. Языковая личность в общении проявляет такие характеристики, как ценностные ориентиры, познавательные способности, специфику мировоззрения и понимания картины мира, на что оказывают влияние многочисленные факторы: личностное окружение, специфика общения, религия, наука, окружающая среда и так далее. Все эти

аспекты будут отражаться в речи говорящего. Таким образом, в концепции Ю.Н. Караулова находит подтверждение факт того, что в речи говорящей личности отражаются общественно-исторические условия воспитания и развития личности, особенности психологии и другие качества личности.

Необходимо отметить, что тенденции в изучении языковой личности в науке XX века шли в направлении от исследования речевой реализации пишущего индивидуума (писателя, автора) к исследованию обобщенной, абстрактной личности носителя языка. Данные исследования соотносились с психологическими особенностями развития личности. Так, кафедрой психологии МГПИИЯ был обоснован «лингвopsихологический контекст анализа и интерпретации речевых процессов» [Зимняя 2001: 10], в рамках которого под руководством Н.В. Витт проводились исследования эмоциональной регуляции и эмоциональных особенностей речи, при этом большое значение придавалось процессу решения вербальных задач как показателя интеллектуальной активности [Витт 1984], изучались особенности выражения в тексте индивидуальных особенностей человека [Кривченко 1992; Калентьева 1998]. Обозначенные аспекты в определенной степени обосновывают принципы репрезентации эмоциональных и интеллектуальных особенностей личности в речи, что позволяет в терминологических словарях давать следующее определение: языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности» [НСМТиП 2010]. (С сожалением необходимо констатировать, что подобный подход привел к употреблению в современной гуманитарной исследовательской среде и особенно в работах методического характера понятия «языковая личность» по отношению фактически к любому объекту исследования, владеющему языком в той или иной степени. На наш взгляд, это недопустимо, поскольку при данном подходе границы языковой личности

размываются, спектр критериев расширяется, утрачивается объективность оценивания языковой личности).

Сходное толкование языковой личности как «человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» дает в своих исследованиях Г.И. Богин [Богин 1982: 1]. С данной позицией соглашается и В.В. Красных [Красных 2002], а также исследователи, подходящие к изучению языковой личности с позиций персонологии, отмечая, что «языковой личностью можно считать любого индивида, реализующего свою языковую компетенцию в устной и письменной речевой коммуникации» [Нерознак 2005: 587]. Согласно стилистическому энциклопедическому словарю русского языка, языковая личность «есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [СЭС 2003]. Основными средствами постижения языковой личности являются «выявление и характеристика мотивов и целей, движущих ее развитием, поведением, управляющих ее текстопроизводством», а описание языковой личности через текст «предполагает выявление ценностных координат личности, ее установок и мотивов» [Немыка 2017: 26-27].

Естественно, что изучение собственно языковой репрезентации личности основывается на последовательном анализе, квалификации, систематизации конкретных единиц языка – лексических, синтаксических и стилистических. При анализе лексических особенностей проявления языковой личности В.Г. Короленко в публицистических текстах применялись приемы лексико-семантического и когнитивного анализа [Бондарко 1996; Попова 2007; Шапочкин 2013], поскольку именно когнитивный аспект анализа языковых явлений определяет соотношение значимых для русского языкознания: язык и мышление, главные функции языка, роль человека в языке и роли языка для человека [Кубрякова 2004: 11]. Следовательно, без обращения к семантике и когнитивистике невозможно

говорить об относительно цельном представлении языковой личности в современных коммуникативных условиях.

Достаточно значимым приемом исследования языковой личности является количественно-статистическая характеристика текста, так как «в современной науке количественные методы, применение которых породило целые направления изучения графико-фонетических, лексико-семантических, синтаксических композиционных художественного текста приобретают все большую значимость. В зарубежной лингвистике стилистические исследования, включающие статистические исследования, выделены в самостоятельное направление, получившее название “стилометрия”» [Шаталова 2017 (I): 28].

Исследование грамматико-синтаксической организации языковой личности и отдельных аспектов стилистики проводилось на основе комплексной методики, предложенной в работах О.В. Шаталовой, в основу которой были положены принципы «1) частотности; 2) функционально-коммуникативной обусловленности; 3) семантической и прагматической валентности» [Шаталова 2012: 53], признанной и получившей развитие в исследованиях лингвистов [Лыков 2015]. Обращение к синтаксическому анализу языковой реализации личности позволяет обнаружить «коммуникативное взаимодействие различных синтаксических конструкций в рамках текста, формирующих специфическую авторскую интонацию» [Шаталова 2012: 63], что особенно важно для публицистического дискурса, который по своей природе полифоничен, поскольку не имеет возможности целесообразного и продуктивного существования без изначально предполагаемой аудитории как «сотворца» текста.

Значительный вклад в изучение языковой личности внес В.И. Карасик, который утверждал, что языковая личность – это, прежде всего, носитель языкового сознания, «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002: 7]. Он рассматривал

языковую личность с позиций языкового сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Языковое сознание раскрывается в речевой деятельности, т.е. в непосредственных процессах письма, говорения и понимания. В своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасик говорит о пяти аспектах организации речи носителя языка: языковая способность, коммуникативная потребность, коммуникативная компетенция, языковое сознание (понятие, восходящее в своей основе к работам известного психолога А.Р. Лурия [Лурия 1998: 24]), речевое поведение [Карасик 2002: 8].

Для нашего исследования языковой личности публициста особо значимыми являются такие составляющие личности, как коммуникативная компетенция и ее отражение в речевом поведении.

Коммуникативная компетенция определяет принципы функционирования языкового сознания при выборе средств общения. Речевое поведение – это фактор реализации прагматического поступка в слове / речи. Поэтому определение, данное В.И. Карасиком: языковая личность – это носитель языкового сознания, «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002: 7] – на наш взгляд, объединяет коммуникативные и речепродуктивные направления в изучении личности.

Помимо названных категорий в современной научной среде существует значительный массив исследований различных коммуникативных категорий, которые обозначаются как обязательные для хорошей речи. Это находит отражение в многочисленных работах выдающихся ученых, таких, как М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротина, Е.А. Земская, Г.А. Золотова, Л.И. Карасик и др.. Однако, на наш взгляд, в условиях современной реализации публицистической позиции в формате международного общения (что значимо для нашего исследования) с учетом особенностей интеллектуального, образовательного, психологического

развития личности адресанта-индивидуума и адресата-общества / народа представляются значимыми для личности публициста именно такие коммуникативные категории, как коммуникативная компетенция и речевое поведение.

1.2. В.Г. Короленко – личность в публицистике: реализация поступка в слове

Вторая половина XIX века в истории России может быть обозначена как время формирования современного национального сознания, осознания национальной идентичности титульной нации параллельно процессу самоопределения многочисленных народов многонациональной / поликультурной страны. Этот исторический духовный опыт является безмерно полезным для других народов и стран, чья современная история может быть соотнесена с процессами, происходившими в России полтора века назад. Так, в частности, территория современного Ближнего Востока в различных государственных либо культурно-национальных формациях по условиям геополитического и духовно-нравственного развития общества может быть соотнесена с Россией второй половины XIX века, что позволяет еще раз акцентировать актуальность проводимого нами исследования.

В российском обществе обозначенного периода происходила своеобразная проверка и координация разных идеологических направлений, которые определяли политическое и культурное развитие народа и государства. Об этом свидетельствуют и произведения художественной литературы, признанные мировым сообществом в качестве образцов интеллектуально-духовной культуры.

Несомненно, что в этот период наиболее ярко проявляется роль интеллигенции – писателей и общественных деятелей, а часто и совмещающих эти две ипостаси – в определении и закреплении национальных приоритетов, в становлении общественных институтов.

Свойственная же интеллигенции как интеллектуально и духовно развитому сословию способность наблюдать за происходящим в обществе, анализировать состояние социально-экономических и политических реформ либо, напротив, нереализованность назревших изменений общественного уклада, находит реализацию в публицистике. (По условиям, характеризующим обозначенный исторический период, публицистика реализуется прежде всего в виде журналистики, хотя позже эти понятия будут разведены по своим целям, задачам и формам представления информации и позиции передающего информацию. По отношению к деятельности В.Г. Короленко нам представляется уместным использовать термины «журналистика» и «публицистика» как синонимичные, взаимозаменяемые в определенном контексте).

Журналистика – способ динамичной и активной оценки реальности, считает своим долгом критику и корректировку новых явлений социальной действительности либо, наоборот, явлений, которые устарели, недействительны в исторически изменившихся условиях. Публицистика позволяла оценивать те или иные события, факты общественной деятельности с различных позиций. При этом, естественно, публицистика проявлялась в различных формах. С одной стороны, это была публицистика философская – размышляющая об общечеловеческих и внеисторических категориях бытия и часто включенная в ткань художественных произведений. С другой стороны, эстетическая публицистика изыскивала не ориентированные социально идеалы, способные коррелировать умонастроение и деятельность личности и общества. Активная политическая публицистика была направлена на критику государственного устройства, на решение глобальных задач законодательной деятельности.

Ни к одному традиционному направлению охарактеризованной публицистической среды не принадлежал Владимир Галактионович Короленко – один из ярких представителей общественной мысли II половины XIX века – начала XX века, поскольку его, по широте рассматриваемой

проблематики и по глубине представления ситуации, с одной стороны, с полным правом можно было отнести к каждому обозначенному направлению. Однако при всей универсальности деятельности В.Г. Короленко обладал качеством, определяющим его личностную и профессиональную уникальность – это его желание и способность использовать силу и значимость публицистического слова для решения конкретных задач различного масштаба: «Он боролся против различных проявлений реакции, произвола и несправедливости. В нем отлично сочетались качества выдающегося художника слова и не менее выдающегося публициста. В творчестве Короленко публицистика занимает значительное место. Газетная статья, очерк, заметка служили ему постоянным и верным оружием в неутомимой борьбе против деспотизма и бесправия низовых слоев. В своих статьях писатель проповедовал идеалы истины, свободы и добра, бичевал произвол чиновников и власти», – такова довольно обобщенная, но яркая в своей емкости и образности характеристика Короленко-публициста [Данюк 2014: 16].

Таким образом, подтверждается концептуальная идея Ю.Н. Караулова о том, что в языковой личности отражаются **ценностные ориентиры** (если говорить о личности В.Г. Короленко, то это истина, свобода, добро), **специфика мировоззрения** (борьба против произвола и деспотизма власти, за справедливость и права низовых слоев общества), **познавательные способности** (выдающийся художник слова и исследователь действительности, тонкий наблюдатель, способный к анализу и общению).

Если оценивать биографию человека: события, факты, поступки, отношения с другими людьми и оценочные высказывания – как некое формальное средство, позволяющее делать некоторые заключения о характере человека, его личностных приоритетах, то нельзя не заметить, что биография и публицистическое творчество В.Г. Короленко неразрывно связаны. Невозможно говорить о его языковой личности, не вспоминая

конкретные факты жизнедеятельности, где каждый поступок определяется идейными представлениями и отражает общественную позицию.

В.Г. Короленко – выходец из благополучной семьи уездного судьи, который, как отзывались о нем современники, был удивительно честным, порядочным и неподкупным человеком. И хотя достаточно длительный период в развитии социальных наук отрицался факт индивидуального влияния на формирование личности, однако в современных исследованиях зачастую как раз влияние семьи, авторитет родителей обозначается как определяющий фактор в процессе становления личности [Дробышевская 2015; Наумова 2012 и др.]. При таком подходе можно говорить о том, что такие моральные качества, как честность, порядочность, профессиональная объективность были ориентирами В.Г. Короленко с самого детства. (Возможно, положительный пример семьи Короленко может оказывать влияние на формирование общественной активности в рамках современной семьи как составляющей конкретного социума).

В полной мере осознавая значимость образования для личностного развития, считая качественное образование залогом профессионального становления, семья прилагала все усилия, чтобы дети могли учиться в гимназии. Владимир Короленко закончил Ровенскую реальную гимназию с серебряной медалью, а затем не раз пытался получить высшее образование, так как обучение в университете было не только средством социальной адаптации, но и возможностью активного самообразования, общения с социально активными и разносторонне образованными людьми. Заметим, что во II половине XIX века именно университетская среда была основным местом формирования, развития и представления широкой общественности различных социально-политических и философских идей, что не могло не привлекать пытливого в духовных поисках молодого человека.

В юности В.Г. Короленко много и увлеченно читал произведения Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, изучал труды В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова. Произведения русской классики

раскрыли перед ним возможности узнать большой мир и определить свое положение в нем: *«Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература»* [Короленко 1954: 277]. В системе университетского обучения он старался реализовать потребности профессионально-научного развития и участия в общественной жизни страны. Возможно, именно поэтому не один раз с пути последовательного постижения наук он сходил на суровую, жесткую тропу общественной деятельности, наполненной непримиримой борьбой с любой несправедливостью и унижением человека. В то же время нельзя недооценивать влияние собственно текстов великих русских писателей, их внешнего языкового оформления на впечатлительного, чуткого к словесности юношу: богатство русского языка, представленное в сочинениях классиков и выдающихся современников Короленко, несомненно, влияло на его эмоциональное восприятие информации, формировало языковой вкус и языковое чутье, что впоследствии проявится уже в авторских текстах Короленко.

В 1876 году В.Г. Короленко был исключен из Петровской горной и лесной академии за подачу прошения от имени студентов с протестом против режима, царившего в учебном заведении, в результате чего был сослан в Вологодскую губернию, Усть-Сысольск. Позже ссылка была заменена поселением в Кронштадте под надзором полиции. Этот, на первый взгляд, формальный акт, имеющий отношение к особенностям быта, социального положения В.Г. Короленко, оказался определяющим для последующего развития его духовного мира. Как впоследствии он писал в разных произведениях, определяющей минутой жизни стала для него встреча по пути в ссылку с крестьянином, вышедшим ему навстречу. *«Меня вдруг охватило какое-то особое ощущение глубокой нежности и любви к этому человеку, нет, ко всем этим людям, ко всей деревне с растрепанными под снегом крышами, ко всей этой северной бедной природе. <...> И над всем как будто поднялся облик этого высокого, но точно изможденного*

богатыря, подходящего с величавым поклоном и приветливым словом к незнакомому гонимому человеку» [Короленко 1954: 175].

Длительные размышления в удалении от возможности общественной деятельности привели к тому, что, привлеченный идеей «хождения в народ», В.Г. Короленко овладевает сапожным ремеслом, проживая среди простых русских крестьян, пытливо не только вглядываясь в быт бедняка, но и пытаясь определить причины беспросветности окружающей действительности. Поскольку именно в этот период народническая художественная литература и публицистическая очеркистика ориентированы на то, чтобы всесторонне исследовать и объективно осветить народную жизнь, раскрыть специфику зависимости жизни народа от социально-экономического состояния страны [Фокеев 2009], то народное творчество становится одним из источников в описании народной жизни.

В 1879 году он опубликовал «Эпизоды из жизни “искателя”», после издания которого был выслан в город Глазов Вятской губернии и переведен на поселение в деревню Березовские Починки. Это был первый рассказ В.Г. Короленко, о котором он сам впоследствии отзывался достаточно критично. Но уже в этом произведении намечаются основные мотивы и эмоциональное отношение писателя к действительности и к людям, о которых он в дальнейшем будет писать. А в названии и эпиграфе – отрывке из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» – в целом обозначена основная, волновавшая на тот момент публициста идея поиска жизненных ценностей, определения направления.

Возможно, именно тогда в структуре языковой личности В.Г. Короленко начинает формироваться контент средств (лексических, грамматических, стилистических), которые явно соотносятся с фольклором и в качестве идейно-образных элементов проникают в тексты того периода и в более поздние. (Достаточно подробно влияние элементов народной речи на содержание и стилистическое оформление очерков В.Г. Короленко представлено в исследованиях С.С. Фолимонова, а также в докладах,

представленных для обсуждения на Короленковских чтениях в г. Глазове разных лет). На наш взгляд, проникновение в глубины народной речи, овладение нормами диалектов и просторечия помогает впоследствии публицисту находить общий язык с разными слоями населения, решать продуктивно коммуникативную задачу донесения определенных взглядов как до образованных интеллигентов, так и до неграмотных крестьян.

В 1880 году в журнале «Слово» В.Г. Короленко опубликовал очерк «Ненастоящий город», темой которого являлась жизнь одного из городков того времени, в изобилии «разбросанных по корявому лицу нашей матушки Руси». Содержание очерка составили наблюдения автора за «бытом и нравами» города Глазова. Особое внимание писатель уделял исследованию хозяйственно-экономической жизни, общественных отношений и быта горожан. Именно «Ненастоящий город» стал первым из серии произведений В.Г. Короленко, которые находятся между беллетристикой и публицистикой. С одной стороны, в этом проявляется своеобразие писательского почерка В.Г. Короленко, определяются основные контуры идиостиля. С другой, в таком подходе сказывается влияние демократической беллетристики на формирование публицистики 60-80 годов XIX века [Фокеев 2009]. На уровне лингвистической организации текстов, отражающих особенности языковой личности В.Г. Короленко, это проявляется во включении различных фольклорных элементов в повествование. Понимание экспрессивных возможностей фольклорных языковых форм, а также того факта, что не только лексические фольклорные единицы, но и грамматические конструкции (повтор, параллелизм и др.) обладают выразительностью и убедительностью в восприятии народа, привело к тому, что впоследствии – при изменении социальной и коммуникативной ситуации Короленко активно использует именно этот языковой багаж. *«Понятно, – писал Короленко родным в связи с публикацией «Ненастоящего города», – успех этого моего детища ободряет меня, и теперь я с большим удовольствием принимаюсь за следующие очерки»* [Короленко 1935: 145]. Хотя нужно признать объективно,

что данный период творческой деятельности В.Г. Короленко может быть охарактеризован именно как время накопления впечатлений (в том числе и языковых), выработки основных принципов и идей, которые будут получать реальное воплощение в языковых образах в дальнейшем.

Таким образом, писатель начал жизненный путь с резкого протеста против бесправия и боролся против угнетения и несправедливости за счастье человека. Его первые шаги в публицистике были обусловлены не столько литературным талантом, сколько общественной активностью и революционными побуждениями. Необходимо отметить в то же время, что мировоззрение В.Г. Короленко – активного сторонника революционных преобразований в России – от убеждений видных представителей народничества, которые в основном были настроены аполитично, отличалось тем, что он верил в силу права и законности, исповедовал принципы конституционности, поскольку именно право было для него незыблемой ценностью и основой общественной жизни.

Активная общественная деятельность В.Г. Короленко, подкреплённая публицистическими выступлениями в печати, в последнее десятилетие XIX века имела фактически всероссийскую значимость и может в современных политических условиях служить не только примером выражения активной личностной позиции, но и образцом для конкретной организации деятельности. Так, например, в 1890-1891 годах В. Г. Короленко вел активную борьбу с дворянскими хищениями. В статье «История темных денег» писатель разоблачил махинации председателя нижегородской уездной земской управы М.П. Андреева на сумму, образовавшуюся из остатков пожертвований частных лиц и от смет на городские училища в размере 5 000 рублей. Их необходимо было передать в распоряжение городской управе еще в 1884 году. Переписка городской управы с председателем земской управы в течение пяти лет не дала результата, и было положено с 1888 года не вносить в общую смету процентов с полагающегося капитала. В 1889 году Андреев на очередном собрании заявил о том, что ему удалось отстоять деньги от

посягательства городской управы и предложил признать сумму вместе со всеми причитающимися процентами принадлежащими земству. Земское собрание было тронуто поступком Андреева и покрыло деяние. После этого было принято решение построить на эти деньги сельскохозяйственную школу, а виновника «отпустить с миром» [Шаховская 1912: 123]. Дело имело громкий резонанс и повлекло за собой крупные проверки и возврат общественных денег.

Не менее значимым было вмешательство В.Г. Короленко в дела парходного общества «Дружина» и Нижегородского Александровского банка, чему был посвящен ряд статей в виде самостоятельного расследования: «Тревожные признаки», «Банк и гласность», «Устав и практика», «Недоимки и продажа залогов», «Ревизия 1884 года». Выводы, представленные писателем в статьях, были убедительны и четки, поскольку реалистичное освещение народной жизни, демонстрация зависимости положения и нравственного состояния народа от социально-экономических условий, тонкие наблюдения над психологией и воззрениями народных масс и личности подкреплялись данными, объективированными методом «живых цифр» и документальными свидетельствами. Таким образом, литературно-публицистическая деятельность В.Г. Короленко была напрямую связана с прагматикой деятельности журналиста, выполняющего своеобразную функцию общественного наблюдателя. Его вмешательство в конкретные социально-бытовые, экономико-политические или морально-нравственные ситуации позволяло практически разрешать проблемы определенного региона. Однако широкое печатное освещение данных проблем через газеты и журналы в разных регионах формировало общероссийскую среду, в которой публицист получал право влияния на мнение народа и на коррекцию общественной ситуации, отношения к тем или иным формам общественной жизни.

Деятельность В.Г. Короленко носила системный характер, а публицистическое освещение проблемных сторон жизни России получало

отражение в виде системных материалов – циклов очерков. Такой подход позволял поддерживать постоянную связь между публицистом и читателем, формировать непрерывный «информационный канал», получавший периодически и форму «обратной связи», так как в ответ на публикации В.Г. Короленко ему лично или на адрес редакций приходили «корреспонденции», которые он использовал в своих последующих материалах в качестве источников, свидетельств очевидцев. Таким образом, в статьях В.Г. Короленко формируется принцип представления разных точек зрения: и от лица автора, и от повествователя из народа, и так называемый «коллективный герой» (о чем подробнее – ниже).

В качестве примера сочетания публицистического творчества и общественной деятельности В.Г. Короленко можно также привести следующую ситуацию. Зимой 1892 года В.Г. Короленко провел в одном из уездов Нижегородской губернии, сильно пострадавшей от голода, наступившего после неурожайного лета. Поводом для поездки стала организация столовых для голодающих: на средства, пожертвованные благотворителями, он открыл 45 столовых. В это время главной задачей писатель считал знакомство с жизнью народа, ее изучение и накопление материала для публицистических выступлений. Результатом поездки стал цикл очерков, в основе которых лежали ежедневные скрупулезные записи автора. Первоначально они печатались в «Русских ведомостях» под названием «Очерки и заметки из дорожного дневника», а затем в переработанном, дополненном комментариями и размышлениями виде – в журнале «Русское богатство» за 1893 год под названием «В голодный год».

Деятельность публициста как человека, занимающего активную общественную позицию, была для В.Г. Короленко не просто занятием, а жизненной позицией. Именно поэтому свое идеологическое несогласие с какими-либо социальными условиями, государственными порядками, принципами власти он выражал в публицистических выступлениях: статьях, рассказах, корреспонденциях – и подкреплял реальными поступками,

несмотря на то, что мог пострадать. Так, В.Г. Короленко отказался от присяги Александру III, за что был сослан в Якутию. Период жизни вдали от центральной России, знакомство с бытом и нравами местного населения, дало публицисту новый опыт, позволило оценить масштаб проблем российской действительности по другим углом зрения. Его материалы наполнены не только информацией, не знакомой читателю центральной прессы, но и серьезными размышлениями, построенными на сопоставлении и обобщении различных фактов.

Такая активная работа укрепила общероссийскую известность и авторитет В.Г. Короленко. Знакомство с А.П. Чеховым, Н.Г. Чернышевским, М. Горьким определило его официальное положение в кругу писателей. Поездка за границу (в художественном очерке «Без языка» ярко отражены эмоциональные впечатления и интеллектуальные переживания публициста) дала пищу для очередных размышлений В.Г. Короленко, показала с новой силой масштаб, ресурсы России и неправомерное, неразумное, даже вредоносное для народа использование этих возможностей. И каждый шаг, движение души, направленное на исправление социальной действительности, находит отражение в повестях, рассказах, но прежде всего – в статьях, очерках: *«Я корреспондент, и горжусь этим званием. <...> Я не желал создавать неверного представления, будто я сначала писал одну беллетристику, а потом одну публицистику. Моя работа сразу же пошла двумя путями, – разъяснял он. – Правильно или неправильно было такое раздвоение, но я никогда не представлял себе иначе своей литературной работы. Это была у меня вторая натура, и иначе я не мог»* [Короленко 1913: 311].

В.Г. Короленко гордился званием публициста, так как оно было для него синонимом гражданина, борца за дело народа. Около 700 статей (среди которых есть мелкие заметки и большие публицистические статьи, короткие корреспонденции и политические очерки), более двух десятков псевдонимов и около 50 названий журналов и газет, в которых печатался писатель,

говорят о той огромной работе, которую проделал Короленко-публицист. *«Долго ли мне прослужит воображение для художественной работы, – не знаю, но мечтаю о том, что до конца жизни буду воевать пером»*, – писал он в 1907 году брату [Короленко 1960: 258-259].

И это в те годы, когда прогрессивные журналы и газеты были единичным явлением, когда были закрыты «Отечественные записки». Именно тогда Короленко, работая в провинциальной прессе, актуализирует роль публицистики: *«Я желал бы, чтобы голос печати звучал как труба на горе, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду, до самых дальних углов, заронить в наименее чуткие сердца, самые беспечные души»* [Русские... 1917]. Он активно участвовал даже в дискуссиях, посвященных вопросам журналистской этики, которая, по мнению В.Г. Короленко, базируется на чувстве нравственности, на «развитии нравственного чутья» [Цит. по: Жиликова 2014], так как считал лично себя ответственным за то, чтобы новая, набиравшая мощь и приобретающая влияние сила – журналистика – развивалась на основе принципов объективности и порядочности. (Позже он посвятит несколько «адресных» публикаций журналистам, которые меняли свои убеждения, переходили публично на сторону своих бывших оппонентов не в силу пересмотра своих взглядов, а в зависимости от политической ситуации. Подобное поведение В.Г. Короленко открыто осуждал, предостерегая и журналистов, и властные структуры от всего негативного, что может повлечь за собой в общественной сфере беспринципность и непоследовательность).

И хотя много Короленко пишет о мелких, на первый взгляд, незначительных событиях жизни, всегда и везде он умеет в незначительном местном материале вскрыть общие закономерности, в маленьком факте усмотреть типические пороки общества. Поэтому местный материал приобретал общий интерес, а публицистика Короленко имела предельно громкий резонанс в общественной жизни России. «Среди русских культурных людей, – писал М. Горький, – я не встречал человека с такой

неутомимой жаждою правды, справедливости, человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь» [Горький 1955: 50].

Осознавая роль публицистики в формировании общественных взглядов и одновременно ответственность публициста за каждый речевой поступок, В.Г. Короленко поднимает голос за свободную от цензуры печать: *«Давно перестав быть «ссылным», я стал работником русской печати, и должен сказать, что все это время я продолжал чувствовать себя в том бесправном положении»* [Русское богатство]. По его мнению, только не зависящий от официальных установок и социальных предрассудков человек может объективно оценить и представить какую-либо ситуацию, чтобы не допустить несправедливой или непропорциональной трактовки событий. Это право на свободное высказывание Короленко считал абсолютным, влиять на которое не должны не только властные структуры, но даже историко-политические события. *«Доступность для гласности и критики – это теперь неизменное условие, к которому должны привыкать наши правители»*, – писал он в 1905 году [Короленко 1914: 360].

В то же самое время писатель подчеркивал: не всякая свобода слова должна поощряться. *«Тот, кто станет призывать к грабежу, убийству или поджогам, несет по-прежнему тяжкую ответственность перед законом...»* [Короленко 1914: 361]. Таким образом, рассуждая о целеполагании публицистики, ее коммуникативно-прагматическом воздействии на общество, Короленко подчеркивал необходимость внутреннего морального критерия в структуре личности публициста, который бы не позволял человеку, выступающему публично, отступать от норм этики и нравственности. Обозначенный подход к жизни и профессиональной реализации не только направлял перо В.Г. Короленко, но и руководил его поступками. Выход из Академии наук (вместе с А.П. Чеховым) в знак протеста против лишения звания почетного академика М. Горького –

беспрецедентный в русской и мировой культурной истории шаг, который может быть оценен как реальный поступок русского интеллигента.

Проявляя подчас отчаянную смелость, В.Г. Короленко вмешивался в запутанные судебные дела, помогал выйти на свободу несправедливо осужденным людям разных национальностей, при этом все этапы практического вмешательства в судебные процедуры он подробно описывал в корреспонденциях разного типа, издававшихся в газетах и журналах по всей России – и в столицах, и в провинции. Это не только предавало огласке многочисленные случаи нарушения закона, но и давало определенные прецеденты в разрешении споров по тем или иным вопросам, актуальным для разных регионов России.

Представляя свою позицию, осознавая личностную ответственность за совершающееся в стране, В. Г. Короленко открыто вступал в диалог с представителями власти. Так, в письмах к первому наркому просвещения РСФСР А.В. Луначарскому [Короленко 1990] он открыто заявил о протесте против расправ над людьми без суда и следствия в трагических условиях гражданской войны (письмо первое), предупреждает о возможном развитии неподконтрольных сил внутри общества, спровоцированных несправедливой или жестокой политикой (письмо второе), сетует на непонимание власти того, насколько губителен принцип разрушения для общества (письмо третье) и т.д.

В каждом письме как «человек, много присматривавшийся к народной жизни и выработавший некоторое чутье к ее явлениям», В.Г. Короленко обозначает и частные случаи несправедливости по отношению к конкретным людям, и обобщенные наблюдения о закономерностях в происходящих тогда исторических реформах. И хотя в этой начавшейся по инициативе В.И. Ленина переписке [В.Г. Короленко в воспоминаниях современников 1962: 508] звучал только голос публициста, так как А.В. Луначарский не ответил ни на одно из шести писем, но В.Г. Короленко продолжал писать,

искренне надеясь на силу убеждающего слова. До самой смерти Короленко оставался несломленным «рыцарем добра и справедливости».

Основная проблематика публицистики В.Г. Короленко этого периода – начала XX века – это вопросы национальной политики и межнациональных отношений (угнетение слабых национальностей, разжигание межнациональной розни), социальное неравенство и различные возможности социальной адаптации у представителей разных слоев населения.

Проблема национализма сегодня в мире по масштабу едва ли имеет равновеликую. Актуальность данной проблемы для современной международной политики и несомненная прагматическая значимость взглядов В.Г. Короленко на данный вопрос обуславливают его детальное рассмотрение в рамках нашего диссертационного исследования. Это оказывается тем более значимым в контексте нашего исследования, что по вопросам межнационального взаимодействия и взаимоотношения публицист в течение всей жизни придерживался абсолютно устойчивой позиции: выступал против национализма и шовинизма во всех его проявлениях независимо ни от каких социально-исторических условий. Нами привлекались материалы статей, опубликованных в конце XIX в. – в пореформенной России, в начале XX в. – опубликованных в идеологически новой, революционной Российской Федерации, а также материалы, не публиковавшиеся при жизни В.Г. Короленко, но сохранившиеся в архивах: мы обращались к изданию «"Была бы жива Россия!": Неизвестная публицистика. 1917-1921 гг». Составитель и комментатор С. Н. Дмитриев, изданным в издательстве «Аграф» в 2002 году).

В статье В.Г. Короленко «Несколько мыслей о национализме», посвященной особенностям общественных умонастроений, по сути очень тонко прослеживается размежевание двух семантических компонентов в пределах одного на тот момент слова. Выдающийся публицист обозначает тот факт, что первичное значение слова «национализм» связано с осознанием связи человека с местом своего рождения, общности с окружающими. Но

далее В.Г. Короленко с горькой иронией отмечает: *«И есть ультрарусские, сугубо русские, “истинно-рррусские” патриоты, которые носят ковчег своего патриотизма, как бретер носит ковчег своей чести, – тенденциозно, нарочито озираясь на соседей, толкаясь и вызывая... Этот вид выпяченного, гипертрофированного и нездорового патриотизма называется в последнее время “национализмом” в его особом **современном** значении».*

Очень важным и показательным в данном случае является именно тот факт, что для публицистики конца XIX – начала XX века это значение является новым, современным, противостоящим тому – первичному – значению, которое можно было приравнять к понятию «патриотизм» и которое довольно долго порождало дискуссии на тему подлинного и ложного национализма: «По мнению Н.С. Трубецкого и Л.Н. Гумилева, истинный национализм заключается не в заимствованиях у чужих этносов и в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании, которое является средством борьбы с собственным эгоцентризмом. Выводом из этих постижений является утверждение своей самобытности, стремление быть собой. Путем углубления самопознания нации приходят к сознанию равноценности всех людей и народов. При таком подходе выявляется, что национализм не предполагает ни ненависти к другим народам, ни даже какой-то особой, пламенной любви к своей нации. Это стремление к самоидентификации, нахождению своего места в многонациональном мире, знание важности и обусловленности традиций в своей жизни, нежелание смешения, растворения, унификации» [Буттаева 2011: 88].

Таким образом, понимание явления «национализм» невозможно без соотношения с понятиями «нация», «национальный». Однако особенности развития социально-политических отношений в период смены веков определили переход от таких основополагающих категорий в определении «нации / национальности / национального / национализма», как общность языка и культуры и – впоследствии – общность территории к таким категориям, как политическая и экономическая общность [Соколов 2014:

138-144]. В результате национализм приобретает соотносительные направления с решением политических и экономических задач, которые обозначаются как имеющие значимость для всей нации в ее современном толковании – основная часть населения, имеющая общие экономико-правовые и – частично – культурные и религиозные взгляды. То есть синонимами слова «национальный» становятся «государственный, общественный, направленный на интересы определенной значимой группы лиц».

При подобном подходе неизбежно развивается неравноправие, что отражается и в семантике слова «национализм», в толковании которого в принципе уже не прослеживается связи с «народным, общенародным, патриотическим». Историко-политические события периода второй мировой войны и последующие межнациональные и межэтнические конфликты в мире актуализировали и усилили сущностное наполнение понятия «национализм», связанное с противопоставлением наций. Развитие политики конца XX века в России и в мире привело к тому, что в значении слова «национализм» появляется сема целенаправленного «разжигания национальной вражды»: в современном толковом словаре иноязычных слов, изданном на границе XX и XXI вв. «национализм» характеризуется как «идеология и политика, направленные на разжигание национальной вражды путем утверждения превосходства одной нации над другими» [Крысин 2000: 465]. Комплексное толкование 1 значения слова «национализм» в русском языке, сформировавшееся в XX под влиянием историко-политических и социальных событий и принятое в XXI веке, таково: «национализм – это идеология и политика, основывающаяся на идеях национального превосходства и исключительности какой-либо нации и противопоставлении своей нации другим, оправдывающая господство одних наций над другими, направленная на разжигание национальной вражды, а также проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идей национальной замкнутости».

Таким образом, понятие национализма в современной языковой среде имеет исключительно отрицательную коннотацию, так как отражает такие межличностные и общественные отношения, которые могут приводить только к уничтожению гуманистических ценностей. Проблема национализма сегодня является уже далеко не научно-лингвистической, а общественной, философской, политической.

Значимость национальной проблемы для российской истории и действительности позволяет с опорой на определение Ю.В. Степанова: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 12] – выделить самостоятельный концепт «национализм» в картине мира. Данный концепт является устойчивым и в своих значениях – и денотативном, и коннотативном – полностью отражает семантику, связанную с поддержанием государственных, социально-политических интересов, ушедшую от соотношения с народными, родовыми, ментальными характеристиками этносов.

Исследование семантики и его исторического развития понятия «национализм» показывает, что В.Г. Короленко одним из первых в социально-философской среде замечает следующее: особенности развития социально-политических отношений в период смены веков определили переход от таких основополагающих категорий в определении «нации / национальности / национального / национализма», как общность языка и культуры и – впоследствии – общность территории к таким категориям, как политическая и экономическая общность [Соколов 2014: 138-144].

Опасность подобного подхода публицист осознавал очень четко. Он понимал, что в период исторических преобразований, особенно в тех случаях, когда происходят радикальные изменения общественного устройства, национализм может привести к кровавым последствиям, поэтому

старался максимально нейтрализовать «реактивность социального воздействия» данной проблемы.

Так, в многочисленных выступлениях в 1917 году В.Г. Короленко подчеркивал многонациональность и единство народов и народностей России в борьбе с общим врагом: *«Решим же великий вопрос об этой власти с полным разумением и как братья, помня, что весь русский народ без различия народностей и племен грудью на фронте или трудом в тылу защищал общую родину и что родная земля, на защиту которой лилась лучшая молодая кровь, впитала в себя наряду с кровью великороссов также и кровь поляков, украинцев, евреев»* («Речь на митинге в Полтаве») и предупреждал о том, что *«грубая национальная заносчивость и тщеславие, по-украински выходят так же некрасивы, смешны и вредны, как и по-русски или по-немецки»* («Украинский шовинизм»).

Однако, несмотря на предостережения публициста, в результате историко-политического развития действительности в России национализм приобрел соотносительные направления с решением политических и экономических задач, которые сегодня обозначаются как имеющие значимость для всей нации в ее современном толковании – основная часть населения, имеющая общие экономико-правовые и – частично – культурные и религиозные взгляды. То есть синонимами слова «национальный» становятся «государственный, общественный, направленный на интересы определенной значимой группы лиц». При подобном подходе неизбежно развивается неравноправие, что отражается и в семантике слова «национализм», в толковании которого в принципе уже не прослеживается связи с «народным, общенародным, патриотическим». Таким образом, понятие национализма в современной языковой среде имеет исключительно отрицательную коннотацию, так как отражает такие межличностные и общественные отношения, которые могут приводить только к уничтожению гуманистических ценностей. Проблема национализма сегодня является уже

далеко не научно-лингвистической, а общественной, философской, политической.

Нельзя не поразиться тем, насколько эти проблемы актуальны для современной мировой конъюнктуры, что делает творчество В.Г. Короленко значимым для развития современных общественных институтов. Притом точность данных общественным явлениям характеристик настолько высока, что при переложении его наблюдений на реалии современной действительности можно только заменять некоторые формальные номинации, а семантические, прагматические и коммуникативные параметры представляемых явлений будут полностью соотноситься с фактурой окружающей реальности. Например, в качестве лингво-прагматического эксперимента заменим понятие «русский» на любой национальный номинатив: *«И есть ультра <арабские / французские / шотландские / американские / курдские и т.д.>, сугубо <арабские / французские / шотландские / американские / курдские и т.д.> , “истинно-<арабские / французские / шотландские / американские / курдские и т.д.>” патриоты, которые носят ковчег своего патриотизма, как бретер носит ковчег своей чести, – тенденциозно, нарочито озираясь на соседей, толкаясь и вызывая... Этот вид выпяченного, гипертрофированного и нездорового патриотизма называется в последнее время “национализмом” в его особом современном значении»*. Нам представляется очень значимым и продуктивным способом коррекции определенных политических ситуаций знакомство с работами и идейными воззрениями В.Г. Короленко как лиц, облеченных властными полномочиями в решении межнациональных конфликтов, так и самой широкой общественности разных стран, способной оценить прецедентность наблюдений выдающегося публициста для современной коммуникативной среды. Мы убеждены в позитивной силе воздействия СЛОВА на разум и эмоции.

Способность объективно и адекватно оценивать состояние общества, взаимодействие разных сословий в пределах одного государственного строя

позволяла В.Г. Короленко удивительно прозорливо оценивать международную обстановку. Написанное им столетие назад актуально, страницы его текста читаются как характеристика современной политической среды и места России на международной арене: *«Но отсюда возникает новый вопрос огромного рокового для нас значения: Много ли стоит теперь голос нашего отечества в совещании народов?»* В этом вопросе заключается не только попытка объяснить читателю сущность происходящих событий, но и искреннее переживание гражданина, сына своего Отечества за престиж страны, за возможность объективной оценки деятельности России как государства на международной арене: *«Своим призывом Россия взяла на себя заступничество за дело всего человечества. Не сепаратный мир с изменой союзникам, не мир во что бы то ни стало для себя, а основа прочного мира для всей Европы – такова цель, выдвинутая русским призывом»* («Война, отечество и человечество», август 1917 г.). В ситуации глобальных исторических преобразований публицист считает своим долгом отойти от вопросов частных, хотя и важных для улучшения реальной действительности, но уступающих по значимости проблемам мирового порядка. Голос публициста возвышается над обыденностью, выступающий от лица народа и от себя лично становится трибуном.

При этом значимым показателем личности В.Г. Короленко как публициста является такая черта характера, проявляющаяся в каждом публичном акте, как честность и объективность, нежелание приспособливаться к политической конъюнктуре, какой бы она ни была. Так, отстаивая демократические принципы развития общества и государства в течение нескольких десятилетий, В.Г. Короленко поддержал и активно действовал в рамках своей публицистической работы на стороне революционных сил в 1917 году. Он много выступал публично как в печати, так и на митингах в поддержку новой власти, что отражено, например, в статьях «Падение царской власти», «Речь на митинге в Полтаве», «Речь перед солдатами Полтавского гарнизона» и др..

Однако он открыто и прямо осуждал переход в политический лагерь бывших противников, называл подобное откровенным отступничеством от идейных взглядов, если подобные действия были обусловлены социально-политической выгодой. Например, статья «Торжество победителей» написана как открытое письмо-предупреждение А.В. Луначарскому о деятельности Иеронима Ясинского. То есть В.Г. Короленко не мог принять двоедушие, лицемерия, поэтому открыто выступал против подобного поведения, даже если оно проявлялось в поступках «братьев по перу». На наш взгляд, данные тезисы концепции публицистической деятельности, которые теоретически отражены в статьях и других «корреспонденциях» (по собственному выражению публициста) В.Г. Короленко, а практически нашли отражение в его реальных поступках, должны быть знаменем современной журналистики.

Не менее значимой и требующей пристального внимания современных исследователей является и форма подачи публицистического материала в текстах В.Г. Короленко. В основу языка своей публицистики он положил общенародный язык – как самый доступный, живой, яркий и образный. Мастерски используя сокровищницу устной народной речи, он вводил в статьи народные пословицы, поговорки и устойчивые выражения, диалектизмы.

В то же время писатель вел беспощадную борьбу с казенным языком официальной прессы, ратовал за очищение его от жаргонизмов, стандартных оборотов (типа «заострил внимание», «поставил вопрос на очередь дня») – от лживой подделки под живой народный язык. И сегодня, когда русский язык, русская языковая культура переживает сложный период влияния тех же «врагов», обращение к личности В.Г. Короленко может стать определенным стимулом для коррекции современной публицистической среды, для определения облика современного публициста, проявляющегося как в поступках, так и в речи.

На основе анализа биографических материалов, высказываний современников о деятельности и особенностях психологической и интеллектуальной организации личности В.Г. Короленко в соотношении с принципами коммуникативной прагматики (см. исследования Н.Д. Арутюновой, В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой, Е.А. Земской, Г.А. Золотовой, Л.И. Карасика) были выделены основные персонологические черты личности В.Г. Короленко-публициста:

1) эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности;

2) актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя;

3) диалогическая направленность речи;

4) четкость обозначения авторской позиции: стремление к воплощению в действительность идеалов добра и свободы в соответствии с высшими гуманистическими истинами.

Данные черты языкового поведения В.Г. Короленко репрезентируются посредством языковых средств.

Выводы по I главе

1. Спектральный анализ направлений формирования и развития теории и методологии исследования языковой личности в современной науке позволяет выявить основные тенденции, связанные не только с развитием собственно лингвистической науки, но и образованием лакунарных зон интегрированного исследования личности, определяемых соотношением социолингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, культурологии, социологии и других дисциплин.

2. Современное определение категории языковой личности строится на концептуальных подходах, разработанных таким выдающимся ученым, как

В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.В. Бондарко, А.М. Шахнарович, З.Д. Попова, и уточненными в отдельных аспектах современными исследователями Г.И. Богиным, В.В. Красных, О.В. Шаталовой, Е.В. Урысон, Г.Ф. Самигулиной, К.Ф. Лыковым и др.

3. В основу концептуального подхода к описанию языковой личности в рамках данного диссертационного исследования было положено учение о трехуровневой организации языковой личности Ю.Н. Караулова с обоснованием и практическим приложением дополнительного аспекта грамматико-синтаксической характеристики личности.

4. Опираясь на положение о сложности категории автора, представленной в тексте, в диссертационном исследовании представлено гипотетическое предположение, что языковую реализацию позиции АВТОРА / ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ в тексте, которая может быть описана методом анализа языковых маркеров, оказывает влияние ПИСАТЕЛЬ, реально существующий человек, обладающий определенными морально-нравственными, интеллектуальными и психологическими характеристиками, которые проявляются не только в речи, но и в формальных поступках, отношениях, оценочных проявлениях. (Данное предположение вполне подтверждается и тезисами персонологической концепции В.П. Нерознака).

5. Изучение биографических материалов, мемуарных записей современников В.Г. Короленко, фактов жизни и творчества, представленных в работах современных исследователей, системный анализ данных материалов, структурирование, выявление характерных тенденций в поступках – формальных и вербальных – позволили выявить такие личностные интенции публициста, как нравственные **ориентиры** (истина, свобода, добро), **специфика мировоззрения** (борьба против произвола и деспотизма власти, за справедливость и права низовых слоев общества), **познавательные способности** (выдающийся художник слова и исследователь действительности, тонкий наблюдатель, способный к анализу и общению).

6. Изучение тематики и идейно-философской направленности выступлений В.Г. Короленко позволило выявить основные идеологические приоритеты публициста: это проблемы личной и гражданской свободы человека, социального неравенства, правового образования личности, межнациональных взаимоотношений, легитимности государственной власти, свободы и объективности журналистики.

7. Обозначенные аспекты определили развитие основных персонологических характеристик личности В.Г. Короленко-публициста, таких как: эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности; актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя; диалогическая направленность речи; четкость обозначения авторской позиции: стремление к воплощению в действительность идеалов добра и свободы в соответствии с высшими гуманистическими истинами.

8. Частичный анализ речевых произведений В.Г. Короленко, соотносимых с вопросами определения основных личностных характеристик публициста (с привлечением словарей, справочной и методической литературы к анализу текстов), позволил сделать первоначальные выводы о взаимозависимости личностных характеристик и поведенческих интенций публициста и языковой реализации личности, что стало предметом детального рассмотрения в главе II данного диссертационного исследования.

ГЛАВА II. Основные лингво-риторические черты образцовой языковой личности публициста (на примере анализа статей В.Г. Короленко)

2.1. Стилистические маркеры в структуре языковой личности В.Г. Короленко

Языковая личность, как уже отмечалось, по сложившейся в канонической лингвистике традиции (см. исследования Ю.Н. Караулова и др.), исследуется через репрезентацию определенных языковых категорий, получающих в речи говорящей личности приоритетные позиции. Таким образом, характеризовать языковую личность можно через вербально-семантический уровень организации языковой личности, который является, в терминологии Ю.Н. Караулова, «нулевым». Основными элементами вербально-семантического уровня организации языковой личности являются формальные средства выражения тех или иных значений слов, грамматические, парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений.

Для репрезентации личности публициста одним из основополагающих средств является, несомненно, образно-стилистический ресурс языка. Исследование приоритетных в речи публициста тропов и фигур позволяет выявить эмоционально-психологические черты личности, очертить границы экспрессивной рецепции, обозначить образные очертания действительности, выстраиваемой публицистом, то есть в определенной степени выявить и охарактеризовать тезаурусный уровень организации языковой личности.

Тезаурусный, то есть когнитивный уровень языковой личности, отражает понятийную картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей человека, которые определяются национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией. Именно тезаурусный

уровень содержит знания человека о мире: отражает ценностные ориентиры личности, оценочные представления о культуре, науке, законах социального развития. Таким образом, тезаурус отражает индивидуальную картину мира личности, или мировоззрение (сознание, мышление, память индивида), которое выражается с помощью лексикона. Тезаурусный уровень считается базовым в структуре языковой личности, так как он напрямую связан с психологическими особенностями личности, поскольку хранит актуальную для индивида информацию (энергетический код внешнего мира [Никандрова 2010]) и представляет внутреннюю систему психологических приоритетов. Определение основных характерологических параметров тезаурусного уровня языковой личности позволяет сделать наблюдения и сделать выводы о мотивационно-прагматическом уровне развития личности, который включает устойчивые коммуникативные потребности, оценки, мнения, предпочтения, цели и мотивы реализуемых социальных действий.

Таким образом, характеристика лексико-семантического уровня организации языковой личности является первым этапом в выстраивании целостного представления о реализации личности публициста в создаваемых им текстах.

В речи В.Г. Короленко-публициста, зафиксированной в статьях конца XIX – начала XX вв., наибольшую формальную (по количественно-статистическому признаку) и коммуникативно-прагматическую (по идейно-тематической насыщенности высказываний) значимость приобретают такие тропы, как антитеза, метафора и олицетворение. Исследование особенностей эксплуатации данных тропов Владимиром Галактионовичем Короленко, с одной стороны, подтверждает их экспрессивные и образные возможности, зафиксированные в многочисленных теоретических трудах и художественных исследованиях.

С другой стороны, формально-статистическая оценка и прагматическая характеристика антитезы, метафоры и олицетворения в текстах В.Г. Короленко позволяет специфические особенности речевой манеры

публициста. Это, в свою очередь, определяет некоторые возможности говорить об особенностях его мировидения.

В статьях В.Г. Короленко метафора, антитеза и олицетворение, как средства стилистической выразительности, расширяют свое коммуникативно-прагматическое функционирование (в соотношении с каноническими, обозначенными в словарях и справочниках возможностями), приобретают форму категорий, объективирующих отношения личности с окружающей действительностью.

2.1.1. Антитеза в публицистическом тексте и в реальной действительности

Современная реальность, с точки зрения философии, социологии, психологии, предстает в образе взаимосвязанных, взаимозависимых, взаимообусловленных противоречий. Человек в таких условиях должен научиться видеть, оценивать, понимать диалектику противопоставленных явлений. Факты и явления объективной действительности по всем признакам, главным и второстепенным, обычно сопоставимы, что в образной системе В. Шекспира, например, которая является одной из мировых культурных координат, приобретает характер главенствующего приема [Корнилова 2008]. (Для нашей работы обращение к восприятию антитезы как догмы мировой культуры является принципиальным, так как, по нашему мнению, идейно-тематические взгляды В.Г. Короленко носят универсальный характер, соотносятся с мировыми философскими концепциями, а в некоторых случаях и превосходят их в глубине разработанности тех или иных вопросов и в эмоциональной образности представления обсуждаемых проблем языковыми средствами). Так, в «Мадригале» (W. Shakespeare. A madrigal) юность и старость противопоставляются по различным концептуальным параметрам:

Grabbed age and youth can't live together
Youth is full of pleasure, age is full of care;
Youth like summer morn, age like winter weather;
Youth like summer brave, age like winter bare;
Youth is full of sport, age's breath is short;
Youth is nimble, age is lame;
Youth is hot and bold, age is weak and cold;
Youth is wild, age is tame;
Age, I do abhor thee, youth I adore thee;
Oh, my love, my love is young.

При этом сама возможность противопоставления двух явлений по одним и тем же критериям подчеркивает их общую природу. В то же время противостояние / противопоставление – это ядро движения, развития, так как явления, обозначенные в своем противопоставлении, получают наиболее яркое отражение в системе образов, воспринимаемых человеческим сознанием (личностным и общественным): «Отношения противопоставления, контраста в перцептивном плане более значимы, чем отношения сопоставления: они легко распознаются и, следовательно, быстрее воздействуют» [Самигулина 2013: 75].

Следовательно, антитеза может быть обозначена как один из самых актуальных аспектов философского, социально-политического, культурологического и филологического мировосприятия. Для нашего исследования принципиально важно, что определенные явления языка помогают прояснить ключевые аспекты современной политической и социальной действительности. Так, международные отношения в современной политике и социальной действительности – это прежде всего диалог культур, который может осуществляться как на основе противопоставления и агрессивного неприятия, так и на основе гармоничного сосуществования. В современных политических условиях активизации отношений между Россией и странами Ближнего Востока,

принципиальное взаимовлияние культур может носить прогрессивно-позитивный характер, так как опыт, накопленный одним народом, может стать органичным звеном в развитии современной культуры другого народа. Иллюстрируя обозначенный тезис, прежде всего нужно говорить о русской классической литературе, которая в своей основе является формой представления общественной мысли. Следовательно, анализ литературного опыта России может стать отправной точкой для определения современных приоритетов социально значимого направления литературы и публицистики других стран, в частности – Курдистана.

Русская литература XIX века имеет универсальный характер, объект ее рассмотрения не является русским человеком и только. Круг представляемых характеристик шире: в центре внимания рассматриваемый человек в универсальном понимании, несущественным оказывается аспект, к какой культуре относится тот или иной персонаж, какому кусочку земного шара принадлежит. К примеру, в Курдистане русская классическая литература очень популярна: курдский писатель Шерзад Хассан говорит, что «читать Ф.М. Достоевского нужно для понимания русского человека и России, но Раскольников живет в каждом обществе» [Хассан].

В русской же литературе, которая отличается высокой степенью философичности, полярность соотносимых понятий кладется в основу жизнеопределяющих направлений. Так, наиболее великие русские писатели в своих знаменитых произведениях в заголовки выносили противопоставленные категории: Л.Н. Толстой «Война и мир», Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», А.П. Чехов «Толстый и тонкий», К.М. Симонов «Живые и мертвые» и др.

Антитеза порой перерастает в оксюморное сочетание, что лишь усиливает аспект диалектического бытования противоположных / противостоящих явлений жизни: Н.В. Гоголь «Мертвые души», Л.Н. Толстой «Живой труп», Ю.В. Бондарев «Горячий снег» и др.. (Заметим, что антитеза и оксюморон как ключевые приемы для объективации основного конфликта

художественного произведения функционируют в произведениях как XIX века, так и XX века. Это свидетельствует о том, что прием противопоставления является знаковым для русскоязычного сознания в принципе и не обусловлен влиянием каких-либо исторических или социальных условий).

Одним из наиболее видных публицистов-идеологов России периода активного развития литературы, впоследствии признанной классической, публицистом, близким по ментальному восприятию действительности представителям современной интеллигенции Курдистана, несомненно, является Владимир Галактионович Короленко, который в своих статьях, очерках, заметках беспощадно обнажал противоречия современной ему действительности с целью устранения недостатков социального развития и формирования условий для гармоничного развития личности и народа.

Одним из частотных приемов идиостиля В.Г. Короленко-публициста является использование антитезы. Антитеза как средство художественной выразительности характеризуется и оценивается по-разному [Корюкина 2012]. Одни исследователи говорят, что в основе антитезы лежит лексическая антонимия [Ахманова 1966: 49; Жеребило и др.]. Другие утверждают, что это стилистический прием противопоставления понятий, явлений, положений, образов, состояний, гипотез, предметов и т.п. [Тимофеев 1974: 18]. Таким образом, антитезу можно считать понятием, объединяющим философско-психологические параметры действительности и языковые способы их представления.

В публицистике антитеза направлена на тщательный анализ фактов общественной жизни страны, народа. В сочинениях В.Г. Короленко антитеза выполняет сложную функцию контрастного обозначения явлений действительности, поскольку «способна выступить ключевым приемом в арсенале тех средств, которыми пользуются в структурировании текста, начиная от его заголовка и заканчивая его финальной частью» [Гиеова 2008: 131-134]. И действительно, антитеза как основополагающий принцип

организации публицистического пространства реализуется В.Г. Короленко начиная с заголовка – ключевого элемента текста. При этом публицист использует оригинальный прием, противопоставляя по содержанию и эмоциональной нагрузке заголовки и подзаголовки. (Заметим факт того, что подзаголовок способен особенно возбудить внимание читателя сам В.Г. Короленко отмечал в статье «О суде, о защите и о печати», имеющей подзаголовок «По поводу одной книги»).

Так, статья «Бытовое явление», опубликованная в 1910 году, является одной из самых важных в представлении мировоззрения публициста (сам В.Г. Короленко спустя десятилетие вспоминал представленные в ней факты и идеи в письмах А.В. Луначарскому, когда речь шла об оценке критической исторической ситуации в России). В заголовке – «Бытовое явление» – подчеркивается трагизм сложившегося положения, так как к статье имеется подзаголовок – «Заметки публициста о смертной казни». Семантико-коммуникативная диспропорция оппозиции «смертная казнь – бытовое явление» определяется несколькими аспектами. Во-первых, лексическое значение слова «смерть» – «1. прекращение жизнедеятельности организма; 2. *перен.* конец, полное прекращение какой-либо жизнедеятельности» [Ожегов] никак не соотносится с понятием «быт» – «жизненный уклад, повседневная жизнь» [Ожегов]. Во-вторых, словосочетания «смертная казнь» и «бытовое явление» – это обороты официально-делового стиля, своеобразные канцелярские клише [Барлас 1978; Кожина 1988; Голуб], которые используются в документах разного типа. Эти обороты содержательно не могут быть посвящены одной теме, а также рассмотрение дел, связанных с использованием данных оборотов даже формально должно производиться разными ведомствами / организациями / государственными структурами. Поэтому при совмещении в одном контексте выражений «бытовое явление» и «смертная казнь» формируется специфическая эмоциональная тональность, в которой выявляется недопустимость,

абсурдность подобного мировосприятия, когда смерть становится обыденностью.

Оппозиционное сопоставление «смертная казнь – бытовое явление» можно перевести в формат философского силлогизма «смертная казнь есть бытовое явление», что является определяющей позицией для организации всей линии содержания статьи. В этом недопустимом сочетании (фактически, в оксюмороне) отражается стремление В.Г. Короленко определить текстообразующее противостояние, которое уже внутри статьи, в основном содержании, реализуется в виде нескольких тематических оппозиций.

Аналогичный прием применяет В.Г. Короленко и в двойном наименовании – заголовок и подзаголовок – статьи «Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России)». В качестве оппозиционных явлений обозначаются такие значимые для русской (и общечеловеческой) культуры категории, как «власть» и «люди». Семантическое содержание понятия «люди» соотносится с философско-психологическими и социально обусловленными понятиями «народ» и «личность», которые в публицистическом и художественном дискурсе традиционно противопоставляются власти [Гаврилова 2006]. Обозначенная антитеза усиливается за счет включения в наименование фактологических определений «царская» и «простые». Данные эпитеты в своем самостоятельном бытовании образуют коммуникативную оппозицию (бинарную оппозицию), что характерно не только для литературно-публицистической среды, но и для народного творчества [Соловьева 2014]. Следовательно, антитеза, заложенная в сопоставлении сложных понятий «царская власть» и «простой народ» приобретает многократно усиленное значение, подкрепленное многовековыми когнитивными представлениями народа и обострившееся в пореформенной и постреформенной России [Кузнецов 2013].

Естественно, что прагматический акцент заголовка – противостояние «царской власти» и «простого народа» – как бы исходно, априори понятное и

принятое народом, рядовым носителем языка, изначально в определенной степени нивелирует масштаб и возможное непонимание / неприятие простым народом конкретного «события» – «падения царской власти». И поскольку коммуникативная задача статьи – объяснить именно народу, массе, естественность, закономерность происходящих в 1917 году политических и социальных изменений в жизни России, то заголовок в значительной степени уже подготавливает восприятие проблемы под нужным публицисту углом зрения.

В заголовке статьи, также опубликованной в 1917 году, обозначается оппозиция таких категорий, которые являются значимыми как для отдельной личности, так и для народа в целом, а также для международного сообщества – «Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени». Понятие «человечество» в контексте статьи обозначает универсальные параметры межнационального и межкультурного взаимодействия, а также необходимые принципы – гуманизм, всеобщую заинтересованность в развитии. (В современном русском языке более подходящим по контексту представляется понятие «человечность», так как слово «человечество» используется для обозначения всего населения планета Земля, а не для обозначения абстрактного свойства). Под «отечеством» в данном случае подразумевается специфическое, национальное, что объединяет народ внутри страны и составляет основу патриотизма в его лучшем содержании. Эта антитеза, актуальная в начале XXI века как никогда, обозначает противоречие, разрешением которой должна стать гармонизация и системное взаимодействие обозначенных категорий.

Подзаголовок данной статьи – «Письма о вопросах нашего времени» – так же, как в ситуации с заголовком и подзаголовком статьи «Бытовое явление», подчеркивает соотносительность понятий высокой философии и идейности (*война, человечество, отечество*) с реалиями повседневной действительности: использование повседневно-прагматического понятия «вопросы» и личного местоимения «нашего», с одной стороны, предельно

приземляют, в чем-то даже бытовизируют обсуждаемую проблему. Но, с другой стороны, именно подобное соотношение подчеркивает, что вопросы общечеловеческой морали должны быть близкими и доступными для осмысления каждого человека.

Также подзаголовок – «Письма о вопросах нашего времени» – своеобразно ориентирует читателя на то, что обсуждение вопросов гуманизма и национализма не является однозначно и быстро разрешаемым, а требует длительного обсуждения, возможно, в серии / цикле очерков. Подобная форма общения с читателем – последовательный и системный разговор на одну или несколько соотносимых тем – позволял публицисту формировать определенное коммуникативное пространство, в котором публицист мог подробно представить свою позицию, а читатель, размеренно – от очерка к очерку – размышляя как бы вместе с автором, делая свои умозаключения, включался в контент представлений публициста. При этом отношения оппозиционности жизнеопределяющих категорий, представленные в заголовках статей, развиваются в тексте, демонстрируя образ мыслей публициста и корректируя направление размышлений читателя: читатель, следует за ходом рассуждения публициста, может постепенно воспринимать предлагаемые аргументы и, возможно, менять свое мнение по тому или иному аспекту обсуждения.

Наблюдения позволяют выявить в публицистических выступлениях В.Г. Короленко достаточно устойчивую и последовательно раскрываемую систему оппозиционных понятий, вступающих в отношения по принципу антитезы. Во-первых, это историко-политическая антитеза **прошлого** и **будущего**, которые соотносятся с **историческим** и **новым** временем в истории России: ... Она [Государственная Дума] должна была отметить грань русской жизни, стать в качестве посредника между её **прошлым и будущим**; Среди этого затишья **историческая Россия** встречалась с **Россией будущей**; ...**бескровная, но полная глубокого драматизма борьба новой Думы со старой исторической властью** («Бытовое явление»). При

этом две грани облика России конкретизируются, описание углубляется, делается более рельефным через выстраивание соотносительной антитезы. Прямое противопоставление понятий «*прошлое – будущее*», «*историческая – будущая*», «*старая – новая*», которые по своей семантике являются нейтральными, не окрашенными эмоционально, усиливается за счет использования эпитетов: «*бескровная, полная драматизма*». Утверждается, что старое, историческое – это отсталое, а новое, будущее – светлое, гуманистически направленное, реально преобразующее действительность: *...Вопрос состоял в том, в какую сторону двинется с неё русская политическая жизнь, куда переместится центр её тяжести. Вперёд, к началам гуманности и обновления, или назад, к старым приёмам произвола...; ...Чувствовали всё-таки святость милосердия и останавливались перед ужасом восьми казней...; Всюду на свете введение конституций сопровождалось хотя бы временными облегчениями: амнистиями, смягчением репрессий.* («Бытовое явление»); *Старый* (здесь – в значении – «бывалый, опытный») *декабрист*, очевидно, не вполне доверял устойчивости *реформаторских* течений, знал, что *старое* еще постоит за себя, и, кроме официальных сотрудников, вербовал для *предстоящей* борьбы своего рода членов тайного союза благоденствия («Легенда о царе и декабристе»). (Коммуникативная оппозиция прошлого / старого и будущего / нового функциональна значима для идиостиля В.Г. Короленко даже в том случае, если идеологические оценочные приоритеты публициста определенным образом корректируются событиями реальной действительности: *Старые* газеты не подчинялись указке, *новые* продолжали традиции старой русской печати («Торжество победителей»)).

Проблема *старого* и *нового* в жизни России увязывается В.Г. Короленко и с явлениями патриотизма и формирующегося в конце XIX – начале XX вв. национализма. Говоря о воинствующем и не всегда четко оформленном в идейном плане национализме, публицист прибегает к метафоре *своего* и *чужого*, которые часто соотносятся с исконными –

славянофильскими – идеями, но противоречат принципам народного мировосприятия: *«Он [факт] не должен мешать нам видеть свои недостатки и чужие достоинства...; Но это не должно заставлять нас любить и прославлять недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужие достоинства, потому что они чужие...»* («Несколько мыслей о национализме»).

Гражданская и человеческая позиция публициста предельно ясна: он, обнажая вопиющее противоречие между равнодушием властей к судьбе отдельного человека, выступает сторонником гуманистического развития общества, в котором личность будет свободной. Подобный подход подчеркивается соотношением контекстных антонимов:

- *Мать ушла на волю, которая ей была, вероятно, не лучше этой башни* (о месте заключения смертников) («Бытовое явление»);
- *И у всех существует, с одной стороны, подавляющая бедность, с другой – излишнее богатство; И оттого вышло, что одним народам просторно на белом свете, другим тесно. У одних есть хорошие земли, природные богатства. Другие оттерты и затеснены...* («Война, отечество и человечество»).

Трагично противостояние равнодушной к судьбе народа власти и искренне верящего в верховную власть народа (идеология «наивного монархизма») [Пихоя 2005; Трепавлов 2013; Чистов 1967], поскольку «возникновение политической власти воспринималось людьми крайне непосредственно и конкретно. В результате концептуализированы были отдельные, наиболее конкретно и непосредственно ощутимые «явления» власти. Это могли быть начало, главенство, порождение, держава, владычество-обладание, мощь, правда-управление и т.п.» [Ильин 1997: 29]. «Народ – тело, царь – голова; Не всяк царя видит, а всяк за него молит; Бог милостив, а царь жалостлив», – говорится в русских народных пословицах [Даль 1997].

Однако власть не отвечала внутренним представлениям народа, что воплощается в оппозиции «правда» – «ложь»: *О них [царях], что бы они ни делали, дурная правда молчит, а хвалебная ложь распространяется свободно* («Падение царской власти»). Оппозиция «правда – ложь, кривда» является традиционной для народной культуры, народного мировосприятия [Степанов 1997], но под публицистически острым пером В.Г. Короленко данная антитеза получает усиленное значение за счет эпитетов, которые по отношению к основным номинативам в каноническом сочетании являются оксюморонными: *«дурная правда»* и *«хвалебная ложь»*. (Принцип подобного абсурдного положения В.Г. Короленко прямо осуждал в другой статье, также связанной с деятельностью власти имущих структур: *Самые понятия о нормальном и выходящем из ряду вон – об удивительном и никого не удивляющем – получают совершенно своеобразный условный смысл: если чиновник гласно берет взятки, налагает дани на целые волости и округа, изобретает самолично источники обложения «в свою собственную пользу» – это обычно и неудивительно; но если его за это деликатнейшим образом уволят в отставку – это всех поражает изумлением («Адьютант его превосходительства»)).*

Нежелание властей вникать в реальное положение вещей и разбираться в условиях жизни народа подчеркивается следующим противопоставлением:

- *Обвинение предпочло этой реальной картине фантастический бульварный роман, без всякой прочной связи с бытовой обстановкой и реальной жизнью* («Дело Бейлиса»);
- *Когда увидели, что это трудно при прежнем порядке, они установили новый; Враг, ни внешний, ни внутренний, еще не окончательно сломлен* («Речь перед солдатами Полтавского полка»).

Средством формирования сложной антитезы является использование как согласованной, так и несогласованной формы определений, что придает высокий, книжно-пафосный характер оцениваемым явлениям: *И они с трепетной радостью ждут, чтобы клики торжества и всенародных*

ликований сменились **криками разногласия и раздора**, чтобы в это время нанести страшный удар; ...*Неизбежно должно наступить время разногласий и споров*, когда придется решать вопрос, какое же лучше правительство поставить на место старого («Речь перед солдатами Полтавского полка»). (В последнем примере экспрессивность антитезы усиливается за счет фонической паронимии номинативов **клик – крик**. Таким образом делается акцент на противопоставлении разного настроения народа / адресата речи публициста как реакции на разную форму организации социально-исторической действительности). Следовательно, используя антитезу, В.Г. Короленко выстраивает оппозиции сложных понятий, передаваемых с помощью не только отдельных слов, но и словосочетаний, имеющих специфическую семантическую организацию.

Создавая картину противоборства определенных социально-политических сил, публицист максимально образно подчеркивает масштаб соотносимых явлений: *Начинается борьба, еще, кажется, невиданная в истории: кучка частных людей и ничтожное меньшинство прессы борются с несколькими министерствами, с штабом, в руках которого огромная сила, с ослеплением всего народа* («Знаменитость конца века»). В приведенном примере противостояние обсуждаемых явлений акцентирует и такую существенную проблему, которая в целом очень актуальна для русской классической литературы, как отношения личности (частного лица) и государства – в тексте Короленко эта сила воплощается в образе чиновнического министерства. Публицист министерство также обозначает словом «штаб», которое придает обсуждаемой проблеме военизированный характер. Выстроенная антитеза показывает бесперспективность борьбы «кучки, ничтожного меньшинства» неорганизованных лиц с легализованной «огромной силой», имеющей возможность морального «ослепления всего народа».

Развивая обозначенную идею противостояния личности и государства, публицист пытается обозначить зависимость каждого проявления

неправедной власти от общего государственного уклада: *Но тогда еще один интересный вопрос: на кого же должна пасть кровь, пролитая хотя бы маниаком (имеется в виду адъютант Алабин), которому облегли (да, именно!) возможность палить из пистолета до тех пор, пока выстрел не попал в человеческое сердце?..* («Адъютант его превосходительства»). Публицист открыто указывает на факт того, что деятельность одного конкретного чиновника, использующего служебное положение исключительно для собственного благополучия без соблюдения даже элементарных правил общественной сознательности, возможна только при поддержке вышестоящих властей и в рамках всеобщего уклада.

В.Г. Короленко мастерски использует возможности контекстной антитезы, которая выстраивается на основе метафоры:

- *Но тесная клика льстецов и холопов сумела преградить доступ предостерегающей правды, сумела подменить **голос истины хором** грубой лести и обольщения* («Речь перед солдатами Полтавского полка»): антитеза «голос – хор» показывает, насколько малы возможности людей, думающих и говорящих о правде и справедливости, по сравнению с кликой лжецов и лицемеров. Эта образная антитеза представляет ситуацию очень выразительно и доступно для понимания в любой аудитории, что соответствует принципам публицистики;

- *И тогда вы поймете, что значит среди **шума материальной победы** отделаться от **истинного духа свободы...***: противостояние старого и нового уклада в данном контексте передается через традиционную для русского национального самосознания оппозицию материального и духовного, при этом использование образа «шум» (в русской поэзии с его помощью обычно обозначается что-то незначительное, негармоничное, приземленное) принижает значимость даже такого понятия, как «победа»;

- *Одна только печать, как живой родник, напоминала, что дух общества еще жив и жива оппозиция **разума и чувства торжествующему самодержавию*** («Торжество победителей»): в приведенном примере

антитеза *самодержавия* как абстрактного понятия традиционному для русской ментальности гармоничному союзу *разума и чувств* показывает как бы отсутствие этих значимых категорий в *самодержавии*, что дискредитирует его.

Социально-политические противоречия действительности в России начала XX века в изображении В.Г. Короленко получают особую остроту, так как антитеза старого и нового строя выстраивается параллельно философски обобщенной антитезе жизни и смерти:

- *В этом зрелище было столько одушевления и веры в значение жизни перед лицом неизбежной смерти* (1); *Не правда ли, смешно говорить о жизни, когда тут, рядом с тобой, смерть* (2); *Обращения мёртвых к живым* (3); *«Придётся умереть, – пишет восемнадцатилетний юноша. – А как хочется жить, если бы ты понял!»* (4); *Передать из рук в руки другу ... смерть, когда так хочется жить* (5) («Бытовое явление»); *Базельские колокола могли оплакивать мертвых и звать живых к миру* (6) («Война, отечество и человечество»): акцентуация противопоставления данных абстрактных категорий производится не только лексическим повтором, но и использованием словообразовательных возможностей русского языка – в текстовом пространстве В.Г. Короленко (в личной сфере языковой личности) выстраивается многоуровневая морфологическая антитеза:

существительное	<i>жизнь – смерть</i>	(1), (2), (5)
субстантивированное прилагательное	<i>живые – мертвые</i>	(3), (6)
глагол	<i>жить – умереть</i>	(4), (5)

Писатель обеспокоен судьбой молодых людей, приговоренных к смерти уже в 20 лет, возмущен жестокостью закона, несправедливым устройством общественных отношений, где невинные оказываются осужденными или абсолютно бесправными:

- *Почти ежедневно... кого-нибудь поднимают от кошмарного забытья и ведут, здорового и полного сил, к готовой могиле...; Умру не первый и не последний...; ... невинного вместе с виновным...* («Бытовое явление»);

- *...По большей части, когда слишком уж **сильная сторона** злоупотребляет своим перевесом, – правда должна быть на стороне **слабейшего*** («Знаменитость конца века»);

- *Проект, подлежащий внесению в думу, по самому типу своему является противоположностью этим началам (имеются в виду принципы справедливого и законодательного урегулирования отношений между работодателем и прислугой). Весь он рассчитан на удобства и гарантии одной, и притом именно **сильнейше стороны*** («К вопросу о прислуге»).

Выводя общественные проблемы на уровень международных отношений, В.Г. Короленко также обозначает противопоставленные категории: *И всюду внес возможность войны, и притом войны **не местной, а общей...*** («Война, отечество и человечество»).

В результате в рассуждениях публициста выстраивается оппозиционное соотношение контекстных антонимов, поддерживающих семантически и эмоционально-экспрессивно основную антитезу «жизнь – смерть»:

- *Здесь могут только **негодовать, надеяться, скорбеть** и высказывать пожелания. А там могут **вешать*** («Бытовое явление»);

- *Что есть **добро** и что есть **зло** в международных отношениях?; Борьба этих двух начал, **вражды и любви**, которые люди называют **злом и добром**, Белбогом и Чернобогом, Ормуздом и Ариманом, духом **света** и духом **тьмы**, составляет содержание всей человеческой истории, всех религий, всякой человеческой нравственности; Растет бремя налогов, бедность; людям приходится отказываться от **необходимого и полезного для жизни**, чтобы создавать **вредное**, нужное только для **убийства*** («Война, отечество и человечество»).

В.Г. Короленко, говоря о любых проблемах, подчеркивает значимость выявления истины. Любое несправедливое, неискренне действие вызывает эмоциональную реакцию отторжения публициста, он использует различные языковые средства, чтобы подчеркнуть неправомерность лжи, притворства, обмана, в том числе – антитезу, которая часто усиливается с помощью эпитетов и / или оксюморона:

- *Он не просто бывший полицейский, а **мрачный** злодей, **отравивший при помощи пирожного** детей Чеберяковой...; Обвинение предпочло этой реальной картине – **фантастический бульварный** роман, без всякой прочной связи с бытовой обстановкой и реальной жизнью («Дело Бейлиса»);*
- *Ему [Г-ну Алабину] предшествовали – крик избиваемых ящичков, испуганные вопли бегущих, всплески пощечин и **яростный** вопль самого **грозного** начальника («Адъютант его превосходительства»);*
- *Народ ловил всякие **смутные** и неверные слухи и готов был доверять всяким подстрекателям («Падение царской власти»).*

Таким образом, В.Г. Короленко формулирует в своей публицистике комплексную антитезу, в которой на разных уровнях выстраивается противопоставление жизни и смерти; гуманности, милосердия и репрессий, жестокости; правды, справедливости и лжи, притворства. Эти противопоставления реализуются и на уровне организации общественно-политических институтов: свобода личности и произвол власти; социальная отсталость и передовой образ мысли; новый и старый (исторический) способ организации действительности в России; война и мир; человечность и жестокость; добро и зло. В своих рассуждениях В.Г. Короленко обозначает данные приоритеты как признаки объективной оценки действительности: *«Но есть просто русские люди, то есть прежде всего люди **мыслящие**, рассуждающие о **добре** и **зле**, о **человечном** и **бесчеловечном**, об **истине** и **лжи**, и все эти высшие определения, приурочивающие неизбежно и непосредственно к родной среде и родному краю...»* («Несколько мыслей о национализме»). И в каждом его общественном выступлении звучит призыв

к сохранению гуманистических ценностей и подтекстовое удивление тому, что кто-то, преследующий политические или экономические выгоды, может не понимать того, что путь добра – единственно возможный для человечества.

Категоричное противопоставление, которое проявляется в текстах В.Г. Короленко, позволяет читателю образно и одновременно предельно четко видеть особенности структурирования действительности, соотношение этого с общим устройством жизни, а также учит анализу социально-политической системы на опыте истории и публицистики, что очень важно для развития современной социально активной личности.

2.1.2. Метафоризация как прием идейно-тематической актуализации в публицистике

Метафора – одно из самых распространенных явлений в системе отражения представлений человека об окружающем мире. В современной научной среде и в сфере художественно-творческой деятельности существует огромное количество определений метафоры, которые в целом восходят к характеристике, данной еще Аристотелем: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1927: 39]. Ученые со времен Платона интересовались метафорой как фигурой речи, направленной на формирование особой стилистики текста. Сегодня в канонической лингвистике метафора характеризуется как традиционный прием стилистики, направленный на создание экспрессивного образа предмета или явления, способного вызвать у слушателя, читателя – адресата, определенные впечатления, основанные на сходстве предметов / явлений или на контрастивном впечатлении [КСЛТ: 79]. Так как образность и эмоциональная окрашенность метафоры очень глубоки, ее часто используют для воздействия на сознание и подсознание человека [ЛиЭС: 218], поскольку непрямой

характер представляемой с помощью метафоры информации позволяет адресату субъективно воспринимать и «раскодировать» метафорический образ. Это делает образ максимально приемлемым для людей с различными формами мышления и различным уровнем эмоциональной восприимчивости. Если же говорить о публицистике как о средстве формирования общественного мнения по каким-либо актуальным вопросам, то функциональные возможности метафоры оказываются как нельзя более продуктивными.

В то же время метафора представляет своего рода микромодель, которая является выражением индивидуально-авторского видения мира, позволяет обнаружить и объективировать внутренние интенции автора. «Совпадение» метафоризированных форм мышления автора и адресата создает специфическую зону коммуникации, в которой общение происходит наиболее продуктивно. Так, Бенджамен Уорф писал: «Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Цит. по: Баранов 2004]. Б. Уорф является родоначальником исследований, посвященных месту и роли языковых метафор в концептуализации действительности. Именно он впервые обратил внимание на то, что переносное значение слова может не только оказывать влияние на то, как функционирует в речи его первоначальное значение, но может определять в некоторых ситуациях поведение носителей языка. Коммуникативно-прагматический потенциал метафоры как средства представления личностной позиции в общественной среде стал предметом внимания ученых именно в XX веке, когда вопросы формирования публицистической среды стали приобретать, с одной стороны, практическую направленность, а с другой, появилась возможность установления связи традиционных форм

вербализации личностной позиции (в том числе метафоры) с принципами социолингвистики и психолингвистики.

В современной лингвистике изучение метафорических значений слов оказалось весьма актуальным и продуктивным занятием. Вслед за Б. Уорфом Джордж Лакофф и Марк Джонсон в своих исследованиях делали акцент именно на переносных смыслах языковых явлений и убедительно доказали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, но и структурируют наше обыденное мировосприятие и мышление. Возникла так называемая когнитивная теория метафоры, получившая широкую известность и популярность за пределами собственно лингвистики. В монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф 2004] была обоснована точка зрения, согласно которой метафора представляет собой важнейший механизм освоения мира человеческим мышлением и играет существенную роль в формировании понятийной системы человека и структуры естественного языка. Недаром в современной интегративной науке все чаще внимание лингвистов и философов обращается на онтологическую природу метафоры (см. исследования Н.Д. Арутюновой, В.В. Колесова, В.Н. Телия, Дж. Лакоффа, В.И. Масловой и др.).

Когнитивная теория метафоры в настоящее время активно развивается в направлении дескрипторной теории, которая, по сути, представляет собой попытку описания метафорики дискурса в целом, а не отдельных языковых явлений, обладающих признаками метафоры. Тематически связанные между собой поля сигнификатов метафоры образуют «метафорические модели». Одним из основных объектов когнитивной лингвистики являются концептуальные метафоры. Совокупность «метафорических моделей», характерных для определенного дискурса, образуют метафорику, или метафорическую среду, дискурса.

В современной российской лингвистике активно ведется работа исследования метафорики дискурса с использованием корпусных технологий: «Корпусная инвентаризация метафорических моделей дискурса

представляет собой важный этап научного описания функционирования метафор в реальном употреблении» [Баранов 2014: 15]. Так как основу процессов метафоризации образуют процедуры обработки структур знаний, то метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека, на восприятие действительности или, по выражению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [Лакофф 2004: 208].

Следующим закономерным суждением о функционировании метафоры в языковой практике является предположение о том, что метафора способна влиять на процесс принятия решения. Экспериментально было подтверждено, что принятие политического решения во многом зависит от метафоричности дискурса, что особенно значимо для кризисных периодов бытования общества.

Обозначенные особенности функционирования делают метафору одним из самых частотных приемов публицистики, способных активизировать сознание адресата путем актуализации ключевых образов, представлений, являющихся частью определенной картины мира (национальной, культурной, исторической), так как «метафора имеет два начала: эпифорическое и диафорическое. Эпифорическое начало способствует созданию нового смысла, диафорическое имеет тенденцию к его закреплению. <...> Эпифорической метафорой пользуются поэты, ученые при создании новой теории, политики, привлекающие электорат новыми образами» [Маслова 2016: 31].

Новейшие приемы в исследовании и описании метафоры позволяют глубже изучить принципы функционирования метафоры в публицистических текстах, созданных В.Г. Короленко, который мастерски использует именно прагматические ресурсы метафоры. Актуальность исследования специфики идейно-тематической метафоры в публицистике В.Г. Короленко определяется ролью метафоры в политической сфере: в последнее время возросла значимость метафоры как средства социально-политического

манипулирования [Табалова 2003: 54-55]. Принципиальная смена терминологии в то же время не свидетельствует об изменении, в сравнении с периодом творчества В.Г. Короленко, роли и принципов функционирования метафоры в публицистическом тексте, поскольку и в XIX-XX вв. метафора выполняла функцию эмоционального воздействия на индивидуум и на массового потребителя информации, функцию коррекции впечатления и реакции на те или иные факты.

Количественно-статистический подход к исследованию метафоры в текстах Владимира Галактионовича Короленко выявляет устойчивый показатель: 9-12% всех высказываний публициста (метод сплошной выборки по статьям, написанным до 1917 года) содержат метафору (см. Приложение №1).

Особенно контрастно и эмоционально убедительно метафора выглядит в текстах В.Г. Короленко, посвященных политическим событиям, имеющим непосредственное отношение к реальной действительности. При этом прием метафоризации одинаково продуктивно функционирует при представлении проблем как внутригосударственного, так и международного уровня. Например, статья «Бытовое явление» посвящена обсуждению смертной казни в России как формы политического воздействия на общественные настроения, статья «Адьютант его превосходительства» – произволу власти и безнаказанности чиновников, в статье «К вопросу о прислуге» делается попытка оценить реальное положение низших слоев населения после отмены крепостного права и то, насколько принципы равноправия и равенства перед законом реализуются в обществе, «Дело Бейлиса» – журналистское расследование о судебных злоупотреблениях, «Война, отечество и человечество» – философское рассуждение об идеях гуманизма.

В то же время объективное обсуждение формальных законодательных мер благодаря метафоре переносится в сферу абстрактного обсуждения морально-нравственного состояния общества и власти. В статьях подчеркивается несовместимость, жестокость, антигуманность законов,

ведется борьба пером против отсталости системы управления, власти критикуется за безразличие к судьбе личности, гражданина государства.

Равнодушие властных структур к судьбе реального человека, народа подчеркивается посредством метафорического уподобления деятельности власть имущих механическому процессу. Например: *Призвана ли она [Дума] для реальной работы, или ей суждено представить из себя законодательную фабрику на всём ходу, с вертящимися маховиками и валами, но только без приводных ремней к реальной жизни* («Бытовое явление»); *Все было задавлено, все притихло после известного царского окрика о бессмысленных мечтаниях* («Торжество победителей»): образ фабрики как механического явления, не способного к эмоциональному восприятию и отражению действительности является достаточно устойчивым для русской литературы, он знаком читателю по произведениям Л. Толстого, Е. Боратынского, поэты XX века также будут развивать идею механического мира как противопоставленного гуманистическим настроениям. Поэтому использование данной метафоры В.Г. Короленко в публицистическом тексте является осознанным и оправданным интертекстуальным актом, включающим рассуждения публициста в общелитературную среду, знакомую образованному российскому читателю, и облегчающим взаимопонимание автора и адресата публичного выступления.

Обобщенность и философичность обсуждению социально-политических проблем придает использование следующих метафорических констант жизни и смерти: *Среди водворявшейся временами глубокой тишины как будто чуялось веяние смерти и невидимый полёт решающей исторической минуты; Только у нас вместе с конституцией вошла смертная казнь как хозяйка в дом русского правосудия. Вошла и расположилась прочно, надолго...* («Бытовое явление»). Тем самым использование метафоры усиливает идейно-тематическую направленность публичных выступлений Короленко, определяемую посредством антитезы (см. выше). То есть можно констатировать гармоничное сосуществование

различных стилистических приемов его в речи, что свидетельствует о цельности образного отражения действительности мастером слова.

Выражая отношение к положению, сложившемуся в Думе при обсуждении вопроса смертной казни, подчеркивая бессмысленность депутатских прений при реальном положении вещей или курьезность высказываний и поступков тех же общественных деятелей, В.Г. Короленко использует метафоры, которые мало соотносятся с обстановкой и своей контрастной образностью усиливают впечатление. Реалистические детали, представляющие быт заключенных, бесправие местного населения Сибири перед представителем власти, зависимость не только положения, но жизни и судьбы прислуги от характера господ, несправедливые и каверзные по своей природе деяния представителей суда выглядят особенно удручающе по контрасту с метафорическими образами (см. далее **Таблица №1**).

Таблица №1. Фактическая информация и метафорические обобщения в статьях В.Г. Короленко

«Бытовое явление»	
<i>Карцер – тёмная коробка, помещающаяся прямо под тюремной церковью, низкая, сырая, холодная, с отвратительным воздухом.</i>	<i>... У каждого [смертника] фантазия доходит до геркулесовых столбов;</i>
<i>Камера представляет цилиндр, аршин трёх или четырёх в диаметре.</i>	<i>Люди тут как будто опущены в колодец, траурно-тёмный, холодный и сырой;</i>
<i>Ни коек, ни нар в камере нет. Маленький столик и два-три табурета уносятся на ночь. Спать приходится прямо на полу.</i>	<i>У каждого есть розовая мечта на что-то, чуть не на чудо. Некоторые ждут помилования;</i>
«Адъютант его превосходительства»	
<i>... Лошади поданы ранее, чем смотритель прописал бумаги, и, хотя законный срок не прошел, Алабин хватает бумаги со стола. На замечание смотрителя, что он не может отпустить лошадей без прописки, неистовый курьер выхватывает револьвер и целит в смотрителя.</i>	<i>...Каким образом он [г-н Алабин] всплыл столь внезапно на кровавом горизонте всероссийской известности – все в том же звании – «адъютанта его превосходительства»</i>

«К вопросу о прислуге»	
<i>... Присяжные вынесли оправдательный вердикт Зазинко. И вот каким образом вышло, что она оправдана в том, что ее били, истязали и грозили повесить...</i>	<i>...И вот г. Драгомирецкий очутился лицом к лицу с весьма неприятными статьями уложения о наказаниях.</i>
«Война, отечество и человечество»	
<i>Когда-то австрийцы покорили швейцарцев и держали в стране войско рыцарей, закованных в железо.</i>	<i>С тех пор, как люди стали сходиться в общества, – во мраке «войны всех против всех» затеплились огоньками семья, род, племя, члены которых, враждуя со всем остальным миром, в своей среде признают законом взаимную помощь и любовь</i>
«Дело Бейлиса»	
<i>Во время судебного осмотра здесь делали опыт: сверху стучали и воспроизводили детские крики.</i>	<i>Я лично не теряю надежды, что луч народного здравого смысла и народной совести пробьется даже сквозь эти туманы, так густо затянувшие в данную минуту горизонт русского правосудия.</i>
<i>Все замечают, что обычный состав присяжных изобиловал в гораздо большей степени именами интеллигентных людей.</i>	

Не менее трагично за счет метафоры выглядит описание духовного состояния истинного сына своего Отечества, обреченного на непонимание: *Точно в самом деле с первой струей родного воздуха, с первым сиянием родного неба, с первыми звуками материнской песни вливается в душу и загорается в ней что-то готовое, извечное, сильное, что потом растет и крепнет вместе с организмом человека («Война, отечество и человечество»).*

Наибольшую образность и эмоциональную насыщенность приобретают высказывания, в которых публицист гармонично сочетает метафору с другими тропами и фигурами:

1) метафора и антитеза:

- *Такую идею вы бросаете теперь, как топливо в пожарище, от которого сгорает многострадальная Россия! Это – не истина, это – заведомо демагогическая ложь («Торжество победителей»);*

- Но все же самая волна, которая поднялась во Франции так высоко, что великолепная фигура стала видна всему миру – создала господина Эстергази, а не создана последним («Знаменитость конца века»);

- Находясь в состоянии какого-то экстаза ярости, пылая грозою, вообще – представляя нечто, очень близкое к состоянию ярого **безумия и невменяемости**, – г. Алабин вместе с тем проявил и удивительное **благоразумие** («Адъютант его превосходительства»);

- То, что для него [юноши] было довольно **горестным настоящим**, для них являлось **поэзией молодости** («Гончаров и молодое поколение»);

- Почти все **светлые** краски ее палитры уходят на изображение магистратуры и прокурорского надзора; почти все **темные** ложатся на сторону адвокатуры («О суде, о защите и о печати»). Данное сочетание стилистических приемов в пределах одного высказывания приобретает значительную экспрессивность и одновременно усиливает убедительность за счет того, что метафорические образы влияют на впечатление, на ассоциативное восприятие аудитории, а противопоставленные явления в этих сочетаниях, напротив, предельно просты, все слова использованы в прямом значении: *истина – ложь, безумие – благоразумие, светлый – темный*. Таким образом, публицисту удастся выдержать определенный коммуникативный баланс между художественной экспрессивностью текста и его актуальной прагматикой;

2) **метафора и градация:**

- Это [инстинкт родины] – огромное, сильное чувство, потому что оно (сознательно или незоснательно) лежит в каждом человеке, и когда приходит время, когда сразу оно просыпается в миллионах сердец, то это – **стихия, буря, океан, против которого устоять трудно** («Война, отечество и человечество»). Использование градации способствует динамичности повествования или рассуждения, показывает, если можно так выразиться, масштаб обсуждаемых проблем в развитии (*стихия, буря, океан*);

3) метафора и сравнение:

- *Мысль о всеобщем братстве всех людей давно светит, как путеводная звезда, перед человечеством* («Война, отечество и человечество»);
- *Такую идею вы бросаете теперь, как топливо в пожарище, от которого сгорает многострадальная Россия!* («Торжество победителей»);
- ... *Усилия автора истощаются в таких же благодушных, пожалуй, возвышенных словоизвитиях, как извилистая речка теряется порой в степных песках* («Несколько мыслей о национализме»);
- *Около мяла дети щебечут, как стая птиц; Бейлис кидается как коришун, дети разбегаются подобно воробьям...* («Дело Бейлиса»).

Примечательно то, что сравнения в текстах В.Г. Короленко либо очень предметны: *птицы, топливо, речка в песках*, – либо имеют фразеологизированную природу: *путеводная звезда*. На наш взгляд, подобный подход делает высказывание понятным любому адресату, владеющему русским языком даже на самом бытовом уровне. Доступность образной системы текста позволяет максимально быстро решить коммуникативную задачу. А содержательная глубина и выразительный пафос достигаются за счет метафоризации. Таким образом, выявляется прием органичного сочетания простых и сложных языковых средств, который можно считать ярким штрихом в речевом портрете публициста.

Данные наблюдения подтверждаются и примерами высказываний В.Г. Короленко, содержащих метафору и фразеологизм:

4) метафора и фразеологизм:

- *Неладно... с честью субъекта, который носится с нею, как с писаной торбой, всегда готовый растоптать честь своего ближнего во имя якобы своей чести...* («Несколько мыслей о национализме»);

- *Роскошные здания основанной им новой столицы стоят на костях десятков тысяч людей, которых он беспощадно сгонял на работы со всех концов земли* («Падение царской власти»);

5) **метафора и метонимия:**

- *Отечества вооружались, а у человечества не было силы, чтобы предписать всем единый закон* («Война, отечество и человечество»);

- *И вот часть русской прессы, давно уже в силу разных условий привыкшей бить в сторону наименьшего сопротивления, развертывает свои силы в этом направлении и с некоторым даже удивлением видит, как ее тихо двигавшуюся по отмелям ладью вдруг подхватывает более сильная волна, и паруса надуваются ветром, и она несется, окрыленная внезапным успехом* («Несколько мыслей о национализме»);

- *Все лучшие люди России хорошо понимали, какое это благополучие, но у них были зажаты уста, а казенная Россия вся изолгалась; Нужно, чтобы Россия единой душой и единым сердцем стала на стороне своей независимости* («Падение царской власти»);

б) **метафора и эпитет:**

- *Эстергази получил обратно свое драгоценное негодяйство и опять выносит его на рынок; Огромное зеркало стоит у огромной всемирной дороги, выхватывая порой из дорожного движения фигуры и эпизоды, по драматизму и по впечатлению, оказываемому на зрителей, превосходящие всякий романический вымысел* («Знаменитость конца века»): забегая вперед, необходимо заметить, что при яркой выразительности метафоры эпитеты, используемые в статьях, написанных В.Г. Короленко до 1917 года, достаточно нейтральны и неспецифичны, они выполняют функцию именно поддержания общей экспрессивной интонации повествования, задаваемой антитезой, метафорой и олицетворением. Тогда как в текста революционного периода, при перенесении стилистических и прагматических акцентов,

эпитеты в речи В.Г. Короленко станут разнообразнее и глубже в силу своей фольклорно-этнографической природы;

7) **метафора и олицетворение:** *Для торжества реакции нужно было, чтобы печать заговорила в нужном направлении и чтобы заговорили не одни рептилии, но и та пресса, которая, оставаясь независимой, не вкушала до сих пор идоло-жертвенного мяса с насильниками русской свободы...; Не капитал подчинил дух русской литературы, а она подчинила себе стихийную силу капитала («Торжество победителей»):* сочетание метафоры и олицетворения выглядит в текстах В.Г. Короленко особенно убедительно, во-первых, потому, что здесь удивительно сочетание реалистических одушевленных существ и одушевленных гением мастера абстракций, а во-вторых, потому, что формирование одухотворенных образов было знаковым явлением для той эпохи (фактически штампами были образы типа *призрак коммунизма, гидра контрреволюции* и пр.), и Короленко – чуткий ко всем жизненным течениям, не мог не откликнуться на это живое течение в публичной речи;

метафора и риторический вопрос: *Эта страна всегда была только пробной лабораторией Европы, и если в 1793, в 1830, в 1848 годах в ней слышались первые взрывы, то разве остальные страны не были переполнены тем же газом? («Знаменитость конца века»):* подобное сочетание приемов направлено, с одной стороны на формирование субъективных ассоциаций читателя по отношению к представляемым фактам, с другой – на диалог с автором, построение которого – одна из основных задач образцовой публицистики. Риторический вопрос выступает средством диалогизации текста.

Сочетание в рамках одного высказывания, оформленного как отдельное предложение (синтаксическая единица), различных стилистических тропов и фигур позволяет публицисту не только эмоционально-образно уплотнить текстовую ткань, но и дополнительно координировать восприятие аудитории предлагаемой информации,

поскольку такие средства выразительности, как сравнение, эпитет, градация обладают значительной внешней «проявленностью», предметностью изображения, что в определенных ситуациях способствует доступности текста.

Метафоризация публицистического текста, с одной стороны, делает его предельно насыщенным эмоционально, а с другой, позволяет вписать конкретный вопрос социально-политической действительности в комплексную систему восприятия жизни, делает этот отдельный вопрос частью сознания, мышления человека и народа.

Для повышения эффективности общения человек в условиях активной социализации, как всем известно, человек изобретает, обрабатывает, шлифует речевые приемы, которые ему позволяют быстрее и с максимальным результатом достичь целей. В публицистических выступлениях В.Г. Короленко метафора – один из таких приемов. Она позволяет публицисту ярко и корректно для восприятия аудитории передать оценку различных фактов действительности.

Благодаря в том числе и публицистическому творчеству В.Г. Короленко, «социальная оценочность – яркая примета современного газетного текста. Высокой степенью экспрессивной оценки обладает публицистическая метафора, <...> С помощью метафоры не только передается информация, но и создается определенная языковая картина мира в сознании читателя, реализуется воздействующая функция публицистики. Метафора отражает как отношение автора газетного текста к описываемому явлению, так и особенности современного общественного языкового сознания [Дмитриева 2016: 327], что важно для современного публицистического дискурса.

2.1.3. Принцип эмоциональной объективированности реальности через олицетворение абстрактных понятий

Олицетворение – один из самых распространенных тропов в художественных и публицистических текстах, традиция использования которого восходит еще к устному народному творчеству [Голуб]. В классических пособиях по стилистике А.И. Ефимова, А.И. Гвоздева, М.Н. Кожинной, в исследованиях художественного текста В.В. Виноградова, Л.В. Щербы встречаются тонкие наблюдения над функционированием олицетворения.

В то же время в лингвистической литературе II половины XX века (это период наиболее активного развития стилистики как раздела современного традиционного языкознания) однозначное определение данного явления обнаружить достаточно проблематично, поскольку во многом единству определения препятствует многообразие применяемых терминов: *олицетворение, прозопопея, антропоморфная метафора, одушевление*. Однако уже тогда вопрос о разграничении метафоры и олицетворения являлся широко обсуждаемым: такие исследователи, как Д.Э. Розенталь, О.С. Ахманова, З.И. Хованская, Е.А. Некрасова, В.П. Григорьев все же обосновывают необходимость выделения олицетворения в качестве самостоятельного тропа. Так, З.И. Хованская подчеркивает, что «олицетворение вообще, как правило, характеризуется имплицитными содержательными приращениями, в частности, эмоционального характера, но они, однако, не входят в его инвариантную модель, как в метафоре. <...> В отличие от метафоры, в которой содержание связано с двойной понятийной соотнесенностью и дополнительной конкретно-образной, олицетворение соотносится с одним понятием» [Хованская 1975: 266].

Подробный анализ существующих трактовок персонификации / олицетворения как приема стилистической выразительности провела С.Ю. Воскресенская на основе данных русских, немецких и английских

словарей и справочных изданий. Проанализировав в том числе и данные, представленные на многочисленных справочных Интернет-порталах, исследователь приходит к выводу о том, что «большинство источников определяют персонификацию как вид метафоры, но встречаются и трактовки персонификации как вида аллегии. К тому же в одних определениях персонификация называется тропом, а в других – фигурой. В нескольких источниках персонификация названа обобщенно: «художественный прием», или «термин». Отдельные авторы просто пишут: «одушевление», «изображение», «иносказание». Таким образом, можно констатировать, что персонификация – это активно изучаемое, но еще не до конца изученное явление [Воскресенская 2007: 23].

Разновидностью олицетворения, или подвидом, называют метагоге – «приписывание чувств неодушевлённым предметам» [Хазагеров 1999: 242], также персонификацию – «полное уподобление неодушевлённого предмета человеку», описание предмета в человеческом облике [Тумина 1998: 125]. «В этом случае предметы наделяются не частными признаками человека (как при олицетворении), а обретают реальный человеческий облик», – настаивает на принципиальном разграничении И.Д. Голуб [Голуб].

Олицетворение, или персонификация, как стилистический прием в своем словарном толковании / содержательном наполнении представлен в современной науке по-разному. Наиболее распространенным определением является следующее толкование: олицетворение – прием, состоящий в ассоциативном перенесении свойств и признаков человека на неодушевлённые предметы, природные явления, абстрактные понятия, животный и растительный мир. Так, в словаре О.С. Ахмановой олицетворение трактуется как перенос признаков одушевленных предметов на неодушевленные, но под свойствами одушевленных предметов мыслятся в первую очередь человеческие свойства: «дар речи, способность вступать в отношения, свойственные человеческому обществу» [Ахманова 2004]. Также «Словарь литературоведческих терминов» дает суженное понятие

персонификации, так как под свойствами живых существ здесь понимаются исключительно человеческие качества: «олицетворение – такое изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ – даром речи, способностью мыслить и чувствовать» [СЛТ: 252]. В других работах олицетворением считается приписывание свойств и качеств живых существ, то есть не только человека, но и животных. Данное определение является более широким по своим функциональным возможностям.

В обобщающих словарных статьях и в учебных пособиях термины «олицетворение» и «персонификация» чаще всего используют как синонимичные и взаимозаменяемые. При рассмотрении олицетворения в художественном тексте (авторском или фольклорном) олицетворение часто оценивается как вид метафоры, поскольку обладает значительными возможностями обобщения и в то же время эмоционально-экспрессивные возможности олицетворения во многих случаях превосходят изобразительно-выразительные возможности собственно метафоры.

Ученые отмечают, что «олицетворение, выполняя функцию создания образно-поэтической картины мира, с одной стороны, является одним из наиболее сильных изобразительных средств. С другой стороны, олицетворение следует рассматривать и как основополагающий когнитивный процесс, недооценка которого чревата серьезными последствиями в общей интерпретации языка как инструмента общения людей и познания окружающей действительности» [Фам 1999]. При этом ученые и философы при обсуждении персонификации подчеркивали её значимость для понимания мира и самого себя.

Так, например, П.А. Флоренский писал о том, что всякую бессловесную природу человек может понять только из своей «всякочеловеческой», так как человеку «выгодно» сообразовывать внешний мир с собой [Флоренский 1990: 98]. Следовательно, олицетворение может быть воспринято и квалифицировано как явление, обусловленное

возникновением концептуальной системы носителей языка, стандартизацией языка (что является принципиально важным для исследования когнитивной природы языка). Стандартные представления человека о мире существуют вне языка и лишь вербализуются в нем, а прием олицетворения позволяет не только вербализовать мыслительные представления человека о мире, но и сделать это образно, активизируя эмоциональное мышление человека.

Именно эмоционально-экспрессивный потенциал олицетворения востребован в публицистике, что делает данный троп одним из актуальных в произведениях В.Г. Короленко. При этом в свойственной ему манере публицист придает наибольшую образность абстрактным явлениям, обозначающим часто философские категории (*культура, свобода, мысль* и др.):

- *Русская культура еще очень молода* («Несколько мыслей о национализме»);
- *...Пока родине грозит гибель ее молодой свободы, она должна стоять в полной готовности для отражения великой опасности* («Падение царской власти»);
- *И вот мысль человеческая начинает исследовать этот вопрос. Она пылливо присматривается к отечеству* («Война, отечество и человечество»);
- *Остановить эту мысль, прорвавшуюся, как буря, из глубины народных душ, уже было невозможно. Она росла, крепла...* («Падение царской власти»).

Олицетворение абстрактных категорий В.Г. Короленко осуществляет посредством привлечения разнообразных грамматических и синтаксических средств формирования высказывания, обозначая свойства и возможности олицетворяемых явлений с помощью разнообразных частей речи, что позволяет охарактеризовать абстрактное явление как обладающее определенными признаками, способное совершать разнообразные

материализованные и нематериализованные действия, которые в свою очередь могут быть качественно описаны (см. далее Таблица №2).

**Таблица №2 (1). Соотносительные данные объектов олицетворения
в публицистике В.Г. Короленко**

Номинатив объект олицетворения	Определение эпитет	Действие	Качество действия
культура	молода		
свобода	молодая		
мысль	прорвавшаяся		как буря
	человеческая	начинает исследовать	
		росла	
		крепла	
		присматривается	пытливо
казнь	смертная	корчится	в предсмертных судорогах

Таким образом, абстрактные явления приобретают «плоть», зримую образность, позволяющую не только объективировать их для адресата / читателя, но и сделать их понятными за счет традиционных эпитетов (*молодой, пытливый*), сравнений (*как буря*), реалистичных / повседневных (*присматриваться, корчится, исследовать*) и универсальных / мифологемных (*расти, крепнуть*) действий.

Прием олицетворения в данном случае позволяет ввести в сферу массового обсуждения вопросы, которые по своему философско-идеологическому содержанию располагаются в сфере умозрительной. Они лишены необходимого публицистическому строю конца XIX – начала XX века динамизма подачи информации, не соответствуют требованиям доступности подачи материала при исходно заданной глубине обсуждаемых проблем. И если в начале XIX века публицистические сочинения больше напоминали философские трактаты, то к концу века публицистика стала приобретать черты деятельной журналистики, что потребовало развития динамичных жанровых форм и языковых приемов. Использование олицетворения позволило разрешить данную проблему, сохраняя

внутреннюю содержательность, а также социальную и философскую ориентированность обсуждения актуальных вопросов. Олицетворение стало объективированной, приобретшей внешнюю предметность формой высказывания – образной и легкой для восприятия абстрактных явлений «разночинной» (и в прямом и в переносном смысле) аудиторией.

Аналогичную функциональную нагрузку несет олицетворение социально-политических категорий, связанных с обостренным восприятием публицистом значимой для социальной действительности России проблемы власти. При этом значимым показателем для характеристики власти как отрицательного фактора действительности является не формальная квалификация (самодержавие, монархия, демократия, социализм), а ее направленность в сторону соблюдения интересов народа либо в сторону защиты властных полномочий. Власть в публицистических выступлениях В.Г. Короленко отражается во всех формах языкового представления, при этом требуется образное воплощение данного общественно значимого явления в «живом» образе:

- *Казалось, историческая власть **стоит в раздумье** перед новой задачей; На этой своеобразно «легальной» почве, около этих восьми жизней, закипела бескровная, но полная глубокого драматизма **борьба** новой **Думы** со старой исторической **властью** («Бытовое явление»): олицетворяя категорию власти, публицист моделирует в сознании слушателя образы сакрализованного типа – женщины-хозяйки, правительницы, родоуправительницы и одновременно суровой, карающей силы. Данные ассоциации являются подсознательными для носителей русской культуры, поэтому олицетворенный образ власти приобретает особую убедительность;*

- *Так **самодержавие** вступило в открытую **борьбу** с народным **представительством** («Падение царской власти»): акт борьбы также является традиционным для мифических концепций разных народов (боги и титаны, великаны и герои, богатыри и драконоподобные змеи), поэтому олицетворение абстрактных категорий *самодержавия* и *представительства**

(общественного объединения), сошедшихся в поединке, становится максимально актуальным приемом для характеристики эпохи исторических перемен, становления нового мира;

- *Торжествующий большевизм не только закрывает «неблагонадежные» газеты, но еще сажает писателей в тюрьмы за их «противоправительственное направление»: он реквизирует типографии и бумагу независимых газет и отдает их своим официозам,.. («Торжество победителей»): олицетворенная идеология – большевизм – способная совершать действия, соотносимые с конкретными представителями определенных служб (закрывает, сажает в тюрьмы, реквизирует), позволяет предметно показать негативные проявления новой власти и в то же время обозначить их «материальную» природу, которая именно в силу этого вполне может быть раскритикована и даже побеждена.*

Олицетворение позволяет зримо представить не только состояние власти через понятные образы (*стоит в раздумье, закрывает* и др.), но и соотношение различных политических сил (*борьба новой Думы со старой властью, самодержавия с народным представительством* и др.).

Через олицетворенные образы В.Г. Короленко показывает и положение основной массы народа, не посвященного в особенности политического действия:

- *А она, толпа, думала, что эта новая сила – печатное слово – идет на борьбу с ее закоренелыми понятиями... И толпа довольна. Она успокоилась, она рукоплещет и... читает («Несколько мыслей о национализме»);*

- *Толпа жадно ловила каждое его [Гапона] слово («Падение царской власти»): олицетворенный образ массы, обозначенной номинативом «толпа» и охарактеризованной через действия «успокоилась, рукоплещет, жадно ловит ... слово» выглядит нелicenseприятно. Это своего рода укор каждому, кто потерял индивидуальность, стал частью бессмысленной массы – не думающего организма.*

**Таблица №2 (2). Соотносительные данные объектов олицетворения
в публицистике В.Г. Короленко**

Номинатив объект олицетворения	Определение / эпитет	Действие	Качество действия
власть	старая	стоит	в раздумье
		борьба	
Дума	новая	борьба	
самодержавие		борьба	открытая
толпа	довольна	ловит (каждое слово)	жадно
		успокоилась	
		рукоплещет	
большевизм	торжествующий	закрывает	
		сажает (в тюрьмы)	
		реквизирует	

С помощью олицетворения изображаются и какие-либо общественно-политические силы или воплощающие какие-либо идеи, концепции объединения, общества, средства массовой информации: ... *Много грязи вылила в наши умы французская пресса; но только пресса же способна бороться с этим потоком* («Знаменитость конца века»).

Также, например, в случае конфликта публициста с газетой «Россия», В.Г. Короленко в открытом письме, озаглавленном «О «России» и революции» и обозначенном в подзаголовке как «Полемическая заметка», образ газеты и совершаемых сотрудниками газеты коммуникативных актов представлен через олицетворение: *«Россия», очевидно... заблуждается... ; Однако раз уже «Россия» упомянула о «прокламации», которую якобы я воспроизвел буквально, то и мне приходится обратиться к этому документу; Так хочет нас уверить официальная «Россия» своими киваниями на революционные прокламации, мечтающие только... об «избежании розог»...; Мы позволим себе обратить сыскное внимание «России» еще на один документ революционного характера; Теперь припомните, что в ужасной прокламации, которую открыла «Россия», – под всеми печатными протестами по поводу Пскова, есть как раз и это...;*

А «Россия» находит, что такие мнения можно заимствовать только из революционных прокламаций?; «Россия» повторяет уже в третий раз эту низкую клевету,...

В данном случае для обозначения газеты используется в основном наименование – имя собственное, а не описательные конструкции, перифразы или родовое обозначение явления (*газета*). Представляется, что уже это позволяет автору определенным образом обозначить реальные контуры образа газеты как живого существа, действия же, которые характеризуют деятельность газеты – *заблуждаться, упомянуть, уверять, находить* (в значении «иметь представление о чем-либо»), *повторять [клевету]* (в значении «говорить, объективировать посредством вербализации»), *кивать* (в значении «указывать на что-либо, делать ссылку на какие-либо факты действительности») – свойственны только живому, способному мыслить, рассуждать существу.

Эпитеты, с помощью которых публицист характеризует деятельность газеты, также соотносят данное явление с разумным, живым существом. Например, выражение *«сыскное внимание»* однозначно апеллирует к деятельности сыска, полицейского надзора, которую, естественно, ведут официально обремененные подобным родом деятельности лица. При этом дополнительная негативная коннотация, распространенная для понятий «сыск, сыскной» в общественно-демократической среде конца XIX-XX вв., формирует определенную негативную аллюзию к лицам, воплощающим собой надзирательные органы, и актуализирует материальность, образность, персонологичность газеты «Россия» как носителя силы, враждебной позиции публициста, а следовательно, и всему демократически и гуманистически настроенному обществу.

Эмоционально оценивая роль литературы (и публицистики) в общественной жизни, В.Г. Короленко создает персонифицированный образ враждебной всему гуманистическому и правдивому слову литературной деятельности через аллегорическую форму: *С именинным стихиком явилась к вам не*

*русская литература. Она переживала много унижений и много падений, но в среднем она до сих пор **рептилией** не была; ... В лице И.И. Ясинского в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая **рептилия**, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой, хотя бы и грубой, и также готовая ужалить ее в пяту в момент падения («Торжество победителей»).*

Нельзя не заметить в этом эвфемизме – «рептилия» – указание на устойчивый образ змеи / змея, символизирующий коварство и предательство как в народно-фольклорном мировидении, так и в религиозно-библейском контексте. Однако использованный перифраз «змей – рептилия» позволяет автору обозначить своеобразную «мелкость» обозначаемого объекта в сравнении с воплощением вселенского зла, выразить презрение к подобному типу поведения, к такой реализации личностных возможностей и личных интересов.

Обозначенные подобным образом социально-политические явления и коллизии подтекстово формируют специфическую «изобразительность» публицистического повествования, обуславливают особую «иллюстративность» представляемого материала, можно даже сказать, провоцируют на карикатурно-шаржевое восприятие текста. А это, как известно, один из самых продуктивных способов донесения информации: об особой популярности политической карикатуры, шаржа в публицистике нового времени, лубочных картинок в народно-крестьянской и мещанской среде написано множество исследовательских работ, а в современной публицистике особо актуальны вопросы метаграфического оформления и реализации текста [Сорокин 1990; Анисимова 2003]. Появилась и приобрела популярность идея «эскалации изображения» в текст [Щурина 2010]. На фоне увеличения «удельного веса» изобразительных образов в прагматической ткани публицистического текста возрастает значимость языковой образности, эксплуатация которой способствует сохранению принципов развивающего мышления личности и общества.

Также заметим, что в приведенном выше примере олицетворению подвергается общественное издание – газета. Однако специфическое наименование газеты – «Россия» – позволяет В.Г. Короленко, в том числе и за счет использования этого прямого номинатива (о чем говорилось выше), создать аллюзивное соотношение со страной и тем самым акцентировать внимание на общероссийских порядках, на том факте, что подобное нарушение в деятельности одной конкретной газеты характерно и для общего уклада официальной / официозной публицистической среды. То есть в данном случае происходит своеобразное совмещение двух образов, обыгрывание «Россия» / Россия, что позволяет публицисту обсуждение, казалось бы, частного вопроса, связанного с личной ситуацией публициста, перевести на уровень значительного обобщения.

Короленко-философ, Короленко-публицист, обращаясь к самым насущным проблемам социально-политической и морально-нравственной жизни России, не мог не учитывать особенности мышления носителей русского языка, особой системы ценностных отношений, связанных собственно с образом России, запечатленным как в фольклоре, так и в произведениях художественной литературы.

И – в соответствии со сложившейся традицией – в публицистических выступлениях Владимира Галактионовича Короленко Россия предстает в персонифицированном образе. Нужно заметить, что такой подход в формировании образа России, при котором она предстает как женщина, характерен для русского национального сознания. Персонификация России в современных исследованиях по когнитивной лингвистике обозначается даже как компонент национальной идентичности [Рябов 2001; 2014], влияющий не только на развитие литературы и других видов искусства, но и на современное политическое и духовно-нравственное осмысление России, Родины носителями русского языка.

В русском фольклоре и в классической литературе известны многочисленные речевые клишированные номинативы, которые позволяют увидеть персонифицированный, олицетворенный образ России:

*Одна у человека **мать**, одна и **родина**; **Родину-мать** учись защищать*
(Пословицы);

*Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь...*

(Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо);

И эпитеты, которые применяют писатели и поэты, характеризуют Россию, лишней раз подчеркивают ее женственность, воплощенную в одновременной нежности и силе:

*У ней особенная **стать**,
В Россию можно только **верить...***

(Тютчев Ф.И. Умом Россию не понять...).

Даже поверхностный взгляд позволяет обнаружить не только специфический образ женщины-России, но и такие отношения с «сыном» – и народом, и отдельной личностью – при которых безмерная любовь-привязанность к своей стране оборачивается ответственностью за происходящее и болью и страданием за ее будущее, возможное в перспективе.

Такой в определенной степени обобщенный и абсолютно универсальный образ России, несомненно, не мог не отразиться в зеркале действительности, представленном В.Г. Короленко: *И все-таки он что-то любит в этой рабской стране, погубившей его молодую жизнь... Он считает ее **матерью*** («Война, отечество и человечество»). В данной характеристике однозначно прочитывается аллюзия к лермонтовским мотивам: *Прощай, немытая Россия – Страна **рабов**, страна **господ...*** (стихотворение «Прощай, немытая Россия...»); *Но я люблю – за что не знаю сам...* («Родина»). Соотнесенность общественной идейности с поэтическим дискурсом

увеличивает пафос публицистического слова. Для интеллигентного читателя, воспитанного на идеях значимости художественной литературы для социальной, политической и духовной, нравственной жизни России XIX века, подобное взаимопроникновение художественного и публицистического дискурсов было абсолютно естественным. А использование традиционных приемов и образов делало публицистические выступления не только стилистически яркими и красочными, но и концептуально более весомыми.

В то же время образ России, представленный персонифицированно в статьях Владимира Галактионовича Короленко, приобретает и новые черты:

- *И вот теперь Россия сама **владеет** своей судьбой, сама за нее **несет ответственность*** («Речь на митинге в Полтаве»);
- *Среди этого затишья историческая Россия **встречалась с Россией будущей, и обе измеряли друг друга тревожными, пытливыми, ожидающими взглядами*** («Бытовое явление»).

В обозначенной в последнем примере «зеркальной» ситуации своеобразно зафиксировано состояние смены эпох, и происходит изменение образа России: от монументальной, статной матери-матушки к женщине более молодой, но уже испытавшей невзгоды и тяготы, пережившей не только вражеские нападения, но и предательство своих детей:

- *Теперь едва ли можно сомневаться, что, будь он действительно осуществлён хоть в значительной мере, Россия **вдохнула бы, точно после мучительного кошмара*** («Бытовое явление»);
- *Новый царь **глядит только глазами вельмож и знати и из-за них не видит и не слышит России; Но когда стихала Дума, то раздавался голос русской земли; Нужно, чтобы Россия единой душой и единым сердцем стала на стороне своей независимости; Россия слишком долго верила в царей, слишком долго и напрасно **надеялась***** («Падение царской власти»);
- *А Россия **голодает, Россия гибнет*** («Речь на митинге в Полтаве»).

Этот образ России – страдающей, терпеливой, но обделенной, обманутой своими отпрысками – наделен теми чертами, которые так явно обнаружатся в лирике «серебряного века»:

*Но люблю тебя, родина **кроткая**,...*

(Есенин С.А. Русь);

*Пушкой заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь **забота** затуманит
Твои прекрасные черты...*

(Блок А. Россия);

*Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей,
Усталой, робкой и печальной,
Средь городских своих друзей*

(Бунин И.А. Родине);

***Мать Россия**, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?*

(Белый А. Родина).

Таким образом, персонифицированный образ России, представленный в публицистике В.Г. Короленко, обладает определенной универсальностью, оказывается как минимум двуплановым: и соответствующим классическим / народным представлениям, и наделенным чертами новой философии и эстетики. Несомненно, подобное сущностное содержание понятий делает публицистику В.Г. Короленко действенным средством коммуникативного воздействия на аудиторию, имеющую принципиально разные социально-формальные характеристики и морально-нравственные ориентиры.

Отдельной формой эксплуатации приема олицетворения как стилистического тропа, направленного на формирование эмоционального отклика, является прямая персонификация объектов материального мира,

предметов, которые служат воплощением каких-либо негативных явлений социально-политической действительности:

- *Стоило только применить его [закон], дело было бы рассмотрено общим судом, и восемь рижских виселиц остались бы праздными; Ход в каждую баашню из тюремных коридоров, на которые смотрят в два ряда молчаливые глазки камер* («Бытовое явление»);
- *Может быть, даже злополучный Мадрид забудет на время несчастья своей страны и позор своих поражений и тоже примкнет к всемирной аудитории знаменитейшего из негодяев «конца века»* («Знаменитость конца века»).

Олицетворение, не являясь количественно частотным приемом объективирования авторской позиции, в публицистических произведениях В.Г. Короленко играет значимую роль, так как именно олицетворение – наряду с метафорой – формирует общий культурный и духовно-нравственный формат общения автора с читателем, причем с учетом типологических (социальных, образовательных, интеллектуальных и психологических) различий адресата.

Таким образом, антитеза, метафора и олицетворение, являясь основными стилистическими приемами текстообразования, с одной стороны, и объективируя особенности мышления публициста, его мировосприятия, с другой стороны, позволяют не только обозначить общие с адресатом принципы восприятия действительности, но и объективировать такие личностные особенности В.Г. Короленко, как эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности и актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя.

2.2. Полифония как основа организации внутритекстового диалога в статьях В.Г. Короленко

Как уже отмечалось выше, эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности – одна из основных личностных особенностей В.Г. Короленко. Подобное отношение, естественно, повлияло на развитие таких его моральных качеств, как честность, порядочность, профессиональная объективность.

Реализация обозначенных личностных интенций: желание воплотить в действительность идеалы добра и свободы в соответствии с высшими гуманистическими истинами – определило стремление в профессиональной (публицистической) деятельности актуализировать и объективировать значимую для развития общества проблематику для адресата / читателя, а также обозначить четко авторскую позицию. Поэтому диалогическая направленность речи становится основополагающим принципом репрезентации языковой личности публициста.

2.2.1. Основные принципы организации и языковые характеристики образов, определяющих коммуникативные позиции в публицистическом полилоге

Понятие многоголосия, или полифонии, перманентно существующее в системе мышления, имеет музыкально-философские корни. Применяя принцип полифонии к мыслительной деятельности, современный ученый, по образному выражению М.Е. Корешковой, раздвигает «границы полифонии как «вселенского» принципа»: «Понятие приобретает универсальное значение вне временных и стилистических аспектов. Это способ существования мысли, присущей музыке и искусству вообще, как особой форме человеческой деятельности. Учитывая, что искусство отображает

мироустройство, его внешние и внутренние проявления и их взаимосвязь, феномен полифонического мышления становится глобальным» [Корешкова 2002: 107].

В литературоведение принцип полифонии был введен М.М. Бахтиным для обозначения диалогической природы романа, но затем получил развитие и в других направлениях. Говоря о художественной ткани романа, М.М. Бахтин обозначает существование множества действующих лиц – «голосов» – энергетически и психологически взаимодействующих между собой. «Голос» как категория поэтики в трудах М.М. Бахтина впервые появляется в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (середина 1920-х гг.). В книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929) этот термин становится важнейшим элементом семантического гнезда «полифония». В дальнейшем он используется в переработанном издании книги о Ф.М. Достоевском, а также во всех более поздних научных работах, связанных с развитием проблематики полифонического романа и «романизации» других жанров.

В основе полифонии лежит процесс выявления голосов и связей между ними [Филлипс 2004: 231]. (Понятие «голоса» в настоящее время активно используется исследователями из различных стран [Mieroor 2005: 130]. Также в современной западной науке понятии polylogue рассматривается либо с философско-семиотических, либо с литературоведческих позиций в соотношении с явлением интертекстуальности [Kristeva 2004]. Но данный подход не соотносится с обращением к явлению многоголосия в контексте нашего исследования. В результате, теория полифонии уже давно стала самостоятельным предметом исследовательского интереса, продолжая стимулировать современную научную среду, в которой периодически появляются новые направления, опирающиеся на концепцию М.М. Бахтина или полемизирующие с идеями классика [Белоусова 2010; Гурьянов 2011; Магомедова 2005; Ребель 2011 и др.]).

Кроме идеи множественности голосов и сознаний, важной для нас является мысль М.М. Бахтина о том, что в одном и том же сознании могут сосуществовать голоса-сознания разных персонажей. Эти голоса наводняют чужими словами внутреннюю речь персонажа, осложняют ее своими акцентами, вступают с голосом данного персонажа в страстную полемику: в этом состоит, по нашему мнению, одно из проявлений принципа диалогизации. При этом каждый голос входит во внутреннюю речь персонажа как символ некоторой жизненной установки и идеологической позиции. Эта специфическая возможность диалогического взаимодействия различных голосов особо значима при формировании публицистического пространства.

В современных научных исследованиях активно обозначается возможности полифонии в сфере публицистики. Так, например, полифония рассматривается как механизм эффективности коммуникативного воздействия, оказываемого политиками на читателей СМИ, посредством привлечения различных голосов, для выявления которых необходимо определить действующих героев и особенности взаимоотношений между ними [Хутыз 2013]. При этом определяющим является тезис о том, что «голоса – социальные агенты коммуникации, личности, которые участвуют в конструировании идентичности – всегда присутствуют в дискурсе и могут быть представлены по-разному» [Mieroor 2005: 130].

Таким образом, в публицистике главной задачей полифонии является активное воздействие на адресата, формирование его мнения, а иногда и побуждение к действию. Писатель ищет формы прямого общения с читателем, позволяющие некоторым образом корректировать восприятие читателя, формировать оценку, интерпретировать события, факты в соответствии с авторской позицией. Так проявляется авторская стратегия в общении с адресатом, являющимся одновременно субъектом и объектом коммуникации в публицистическом дискурсе.

Одним из ярких проявлений полифонии в публицистике, несомненно, является творчество Владимира Галактионовича Короленко. И хотя довольно часто публицист использует прием прямого обращения к читателю:

- *Теперь у нас есть еще знаменитые – негодяи. Вы скажете, пожалуй, что это было всегда («Знаменитость конца века»);*
- *Печально, скажете вы, – но сильно преувеличенно.. Да, печально, отвечу я, но чтобы было преувеличенно... едва ли. Судите сами («Адьютант его превосходительства»);*
- *Однако спросите теперь саратовскую администрацию: пожалуй, окажется, что с ее точки зрения г. Панчулидзеv – тайный революционер («О “России” и о революции») и др. – однако более активно и художественно обоснованно выдающийся оратор использует прием многоголосия – формально-повествовательного и идейно-психологического.*

Таким образом, в тексте создается некое социально-коммуникативное пространство, абсолютно достоверное по природе своего представления. Каждый «голос» – отдельная личность, обладающая конкретными социальными характеристиками: возраст, социальный статус, род занятий. Эти параметры личности тесно переплетаются с интеллектуально-психологическими характеристиками, что отражается не только в фактическом изображении персонажей, но и – главное – в их лингвистическом представлении – в «речевом паспорте», в отражении языковой личности, поскольку «именно в речи проявляется наиболее ярко личность» [Шаталова 2012: 120]: каждый персонаж «говорит» языком, демонстрирующим принадлежность личности к определенному типу (по принадлежности к сословию, профессии, идейно-политическому течению и прочим качествам).

Например, в статье «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)», опубликованной в 1910 году, взгляд на проблему публициста – Автора, Повествователя (далее в работе – автора-повествователя) – передается при участии множества различных персонажей, выступающих в

своеобразной роли соавторов публициста, часто невольно, неосознанно, что придает тексту достоверности и экспрессивности: ведь если «диалогичность как принцип реализации риторической категории эффективности становится одним из основополагающих в организации публицистического текста личности, чья речевая культура может считаться образцовой» [Шаталова 2012: 167], то создаваемое публицистом поле для многоголосия, для озвучивания различных позиций значительно усиливает резонанс обсуждаемой проблемы.

Автор статьи «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)» часть ответственности за достоверность предлагаемой информации возлагает на некоего КОРРЕСПОНДЕНТА (также обозначаемом как АВТОР НАШИХ МАТЕРИАЛОВ), который предоставил документальные свидетельства – письма, записки приговоренных к смертной казни. Таким образом создается модель некой отстраненности автора от источника достоверной информации.

Письма, записки, содержащие характеристику реальной тюремной действительности, в свою очередь, принадлежат разным лицам, которых автор обозначает с помощью различных номинативов. Поначалу для автора важна их социально-идейная роль, поэтому и обозначение данных лиц – функциональные лексемы: СМЕРТНИК (183–215), ДРУГОЙ ПРИГОВОРЕННЫЙ (217–220), ОДИН ПРИГОВОРЕННЫЙ (225–246), АВТОР ПИСЬМА (247–251), ДРУГОЙ СМЕРТНИК (253–279), ДРУГОЕ ЛИЦО (280–287), ОДИН ИЗ АВТОРОВ ПИСЕМ (291–299), ОДИН ИЗ НИХ [СМЕРТНИКОВ] (301–321), АВТОР ПИСЬМА (322–326), АВТОР ЗАМЕТОК (329–346) и далее (в скобках указаны номера высказываний – результат статистического анализа статьи, что позволяет оценить количественный фактор формирования текста путем передачи повествования от автора другим лицам). Подобная номинация, с одной стороны, обеспечивает достоверность представляемой информации, дополнительно подчеркивая основную проблематику статьи. С другой стороны, таким

образом создается некий комплексный портрет СМЕРТНИКА, обладающий обобщенностью характеристик, главным признаком становится временный параметр, обусловленный деятельностью законодательной и судебной-исполнительной структуры власти, – нахождение в тюремном заключении, ожидание приведения смертного приговора в исполнение. Другой информации об этих людях в их обозначении не содержится.

Неудивительно потому, что языковая реализация обозначенных персонажей единообразна в лексическом и грамматико-синтаксическом аспектах. Лексика здесь в целом нейтральна, наблюдаются незначительные вкрапления устаревших выражений (*сей*), фразеологизмов (*розовая мечта, хвататься за соломинку*), клишированные выражения (*меты о воле, холодное дыхание смерти, страшный призрак смерти*).

Синтаксически речь СМЕРТНИКА оформлена с помощью разнообразных конструкций – примеры взяты из текстов, формально принадлежащих различным лицам:

- **простое предложение (ПП) неосложненное**, семантически часто претендующее на лаконизм и образность сентенций: *Смерть для меня ничто* (185); *Иногда хочется отравиться* (208); *Жаль погибающую молодость!* (249); *Страшная мёртвая тишина давит меня* (266); – Является чувство жалости к прожитому (807);

- **ПП, осложненное однородными членами**: *Я в суде не утерпел и крикнул судьям...* (192); *С утра до ночи смеёмся, рассказываем различные анекдоты, конечно юмористические* (201); *Тут есть и сожаление от проигрыша, и маленькие радости от выигрыша* (229); – *Всё фантазировал, но ничего не мог сообразить своим больным мозгом* (281); *Вечером он ложится спать часов в шесть, а встаёт в два, три, четыре часа* (337);

- **сложноподчиненное предложение (СПП)**: *Я был уверен на воле, что меня повесят или застрелят где-нибудь на деле* (187); *Одно могу сказать, что душевно я спокоен* (198); *По одной фразе вашей я заметил, что предполагается у нас тяжёлое расположение духа* (234); *Теперь он*

постоянно гадает на картах, будет или не будет он помилован (333); Если бы и выбрался я на волю, то пришлось бы жить нелегально (815);

- **сложносочиненное предложение (ССП):** *Я не знаю, как другие, но до суда и после суда я был в одном настроении (190); В коридоре слышались шаги, и я бегу к дверям (264); Прощения он не подавал, но подала его мать от своего имени (332); Прежде я работал на заводе, и мне это нравилось (822);*

- **бессоюзное сложное предложение (БСП):** *Только обидно: со мной приговорили одного невиновного (191); Я сам себя не могу определить: я как будто ненормальный (207); Можно заснуть и быть спокойным: за мной уже сегодня не придут (279);*

- **многочленное СП:** *Р. научил нас играть в преферанс, и мы до того им увлеклись, что играем как будто бы за интерес (227); Сейчас пишу эту записку и боюсь, что вот-вот растворятся двери и я не dokonчу (258); Хотя мы и знаем, что каждого из наших товарищей берут и вешают, но всё-таки (собственная) предстоящая казнь кажется невероятной (292); Я знаю, что где-нибудь есть хорошие, честные люди, но я их не найду, а сойду с каким-нибудь негодяями (827) и т.д.*

Таким образом, возникает некий обобщенный образ человека, приговоренного к смертной казни. Эта социально-психологическая позиция формально передана нескольким различным персонажам, но по сути воплощается в единой языковой личности, «голос» которой звучит самостоятельно и настраивает читателя на дальнейшее, на более детальную оценку ситуации. Такова публицистическая «стратегия погружения», которая определяет постепенное эмоционально-экспрессивное, более углубленное восприятие проблемы читателем посредством расширения круга действующих лиц, персонажей, представляющих проблему со своей позиции.

В материалах статьи появляются тексты, принадлежащие конкретным персонажам, имеющим личные имена: Хорн, Карамышев, Шуримов, Евгений Маврофриди, Коля Котель, присяжный В. Гальков, генерал-адъютант

А.Н. Куропатин. При этом выстраивается определенная оппозиция: с одной стороны – приговоренные к смертной казни экспроприаторы, с другой – официальные представители власти.

Хорн, Карамышев, Шуримов, Евгений Маврофриди, Коля Котель – это своеобразная детализация мира заключенных, поскольку каждый из названных имеет свою социальную, интеллектуальную и психологическую характеристику, которая отражена в фактуре и языковой репрезентации данных личностей. Хорн – человек, осознанно и сознательно выступающий против политического режима, он считает себя идейным борцом за изменение существующего социального уклада, поэтому в его речи однозначно чувствуется пафос, присутствует эстетика и патетика романтической борьбы: *Какой это был длинный, мучительный день...; Через несколько минут я увидел свет из её камеры...; О Боже! ; Я должен был передать ей...; Я чувствовал, как она сняла с палочки моё послание...; Это ужасно...; Затем она сильно задышала... Вздохи... Опять слабое дыхание... Наконец сильные вздохи.... Тишина. Тише, человек умер... ; Я говорю – она есть и теперь со мною, со всеми нами, которые любили её ; Мы будем жить ею (643–711, 719–720).* Несомненно, тематика данного письма – самоубийство соратницы – определяет экспрессивный тип выражения мыслей, однако и личность Хорна, эмоционального человека, наделенного художественным воображением и способностью к диалогу, накладывает отпечаток на повествование. «Свидетельство», предоставленное Хорном, не может оставить читателя равнодушным.

Интонацию «печали о погибающей жизни» «поддерживает» и «голос» первоначально обозначенный как ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЮНОША. Этот факт – возраст – акцентирует для читателя трагизм складывающейся ситуации: – *А как хочется жить, если бы ты понял! Страшная жажда жизни. Подумай: мне ведь только восемнадцать лет. А как я прожил эти восемнадцать лет? Разве это была жизнь? <...> Плохо было жить. Так я жизни и не видел» (793–805).* За простыми фразами с повторяющимися

словами скрывается образ человека, не получившего достаточного образования, не имеющего жизненного опыта и определенных идейных взглядов, оказавшегося случайной жертвой обстоятельств в силу своей юности.

Нелепость и безнадежность положения приговоренных к смерти подчеркивается и «свидетельством» Карамышева, который «служил в экономии Орлова-Давыдова, в Аткарском уезде, Саратовской губернии. Был обыкновенный служащий, ... Самый обыкновенный грабёж, окрашенный современным колоритом «экспроприаций». Тем не менее он был приговорён к смертной казни». Биографические данные, дающие более полную характеристику персонажу, объективируют личность для читателя, показывают его положение в обществе. Содержание адресованного родственникам письма показывает его со стороны личной, семейной. В речи – наполненной просторечными выражениями и шаблонными оборотами, характерными для эпистолярных образцов 2 половины XIX века, в подписи – Василий Максимов Карамышев – представлен уровень его образования и дает дополнительные психологические характеристики: *«Дорогие мои родители, папаша и мамаша, и сестрица Феня! Пишу я своё любезнейшее письмо к вам со слезами на глазах; извещаю я вас в том, что я присуждён к смертной казни через повешение. <...> Ах, как трудно такой смертью помирать. <...> Сообщите брату моему Ване, что меня уже нет на свете. <...> Прошу ещё, скажите моим дядям и тёткам и также крёстной и дедушке, что я уже помер. <...> Простите меня, злодея окаянного»* (872–903). После прочтения данного письма читателю понятно, что «эта расстающаяся с миром душа – душа крестьянина, крепко связанная с семьей, с обществом, со своим миром». И абсурд складывающейся ситуации становится все более явным.

В унисон Карамышеву «звучит голос» Шуримова: *«Здравствуй, дорогой папа! <...> Я только тем и жил, что думал, настанет время, когда я навсегда соединюсь с тобой, когда я буду в силах преклонить твою седую*

голову к себе на грудь и залечить душевные раны, что нанёс твоему бедному, истерзанному сердцу <...> Напиши письмо матери и скажи ей, что последняя моя просьба, чтобы она не покидала тебя и успокоила бы твою бедную голову. Поцелуй Пашу и Мишу. Всем родным поклон» (908–925) – и «покаянные письма» восемнадцатилетнего юноши Евгения Маврофриди (928–946, 949–951) и Коли Котеля (989–998). Искреннее раскаяние молодых (что автор подчеркивает многократным указанием на возраст одного и формой имени другого – Коля) людей в заблуждениях и совершенных преступлениях, оформленное в разговорном стиле с высоким эмоциональным напряжением слов и образов, вызывает искреннее сочувствие читателя: «Сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать не слёзы, а рыдания. <...> Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья. Она должна произвести это действие – потому, что вызывает такое чувство сострадания к тому, что переживали и переживают эти жертвы людского безумия, что невольно прощаешь им, какие бы ни были их дела, и никак не можешь, как ни хочется этого, простить виновников этих ужасов», – писал Л.Н. Толстой («Речь». 1910. 18 апр.).

Таким образом, по мере развития повествования перед читателем предстает целый ряд «свидетелей», которые обретают все более четкие личностные черты. И если первоначально звучал довольно строгий хор СМЕРТНИКОВ, которые создавали общее – несомненно, негативное – впечатление о проявлении законности в стране, то при вычленении из общей массы отдельных – ярко и образно представленных – судеб, которые вписаны в контекст семейных, патриархальных отношений, картина приобретает подлинный драматизм. Значимая роль в создании подлинной экспрессии текста принадлежит здесь полифонии.

Статья «Война, отечество и человечество (письма о вопросах нашего времени)» написана в яркой публицистической манере с обоснованием

универсальности, вневременности и актуальности проблемы осознания человеком / личностью / обществом соотношения таких явлений, которые в современной терминологии обозначаются как «патриотизм» и «национализм» (в терминологии начала XX века у Короленко это «человечество» и «отечество»). В то же самое время В.Г. Короленко пытается представить данную проблему как перманентно бытующую в истории различных народов, но требующую объективной оценки, способной удовлетворить воззрениям различных народов, которые обладают своей спецификой мышления.

Подобный подход определяет формирование повествовательной полифонии на основе «голосов» лиц, которых можно условно разделить на 3 категории:

- во-первых, это некий **ВООБРАЖАЕМЫЙ СОБЕСЕДНИК** (12-15), **ИНЫЕ / НЕКТО** (23, 276, 293, 298-299, 313-314, 509, 532-533, 702), **ПРАВИТЕЛЬСТВА** (471, 655-658), **ПРУССКИЙ КОРОЛЬ** (508), **ВРАГИ** (627-630), **СВЯЩЕННИК** (159), **ДИКАРЬ** (161-162), **ДИПЛОМАТ** (175-176);

- во-вторых, это представители народов, обобщенные голоса представителей масс (или национальные литературные и исторические герои, которые мыслятся рядовым носителем культуры как абстрактно-обобщенные национальные герои): **ТАРАС БУЛЬБА** (36-38), **ДРЕВНИЕ ГРЕКИ** (61, 385, 388-398), **ШВЕЙЦАРЕЦ** (78), **СТАРЫЙ УРАЛЬСКИЙ КАЗАК** (105-106);

- в-третьих, это писатели и философы, чье мнение является признанным либо для международной общественности, в том числе и для националистически настроенной части общества: **ЛЕРМОНТОВ М.Ю.** (44-45, 116-117), **ЖУКОВСКИЙ В.А.** (118), **ЯКУБОВИЧ П.Ф.** (122, 125, 126, 130, 132), **ЭРВЕ Ф.** (269-270), **БЕБЕЛЬ А.** (278-280, 287-288, 292), **ЖОРЕС Ж.** (284, 355), **ФОЛЬМАР Г.** (308-309), **ВАЛЬЯН М.** (321), **БРАНТИНГ К.Я.** (323), **ВАНДЕРВЕЛЬДЕ Э.** (325), **ЧЕРЧИЛЬ У.** (479-481), **ГАРДЕН М.** (490), **БИДЕРМАН А.** (501-502), **ЧЕМБЕРЛЕН Н.** (544), **МОЛЬТКЕ Х.К.Б.** (555).

В распределении «голосов», таким образом, просматривается однозначная коммуникативно-прагматическая установка публициста: создание определенной диалогической ситуации, своеобразной беседы, где участники, обозначенные в 1 группе – *воображаемый собеседник, иные, некто, правительства, враги* – выступают в качестве своеобразных координаторов, их присутствие в тексте формально, нужно только для того, чтобы у автора появилась возможность обозначить свою позицию как бы в оппонировании чужого мнения. Поэтому высказывания данных лиц незначительны по объему и содержательно, достаточно однообразны по своей структуре: *Кто не знает, что такое отечество? Ведь это преподают в школах, заставляют списывать из прописей. Это ненужно и скучно* (ВООБРАЖАЕМЫЙ СОБЕСЕДНИК); *Значит, причина в том, что есть у народов отечество. Уничтожим это понятие, вытравим в себе любовь к родине, и первая причина вражды исчезнет. Войны прекратятся* (ИНЫЕ); *Добро, когда моему отечеству удастся отхватить у соседа кусок принадлежащей ему земли, область, крепость или морскую пристань. Зло, когда такое же несчастье случится с моим отечеством* (ДИКАРЬ / ДИПЛОМАТ).

Представленные высказывания в структуре текста формально принадлежат разным лицам, однако, как видим, они имеют достаточно однородную грамматико-синтаксическую природу – предложения организованы как канонические двусоставные (*Кто не знает, что такое отечество; причина в том, что есть у народов отечество; первая причина вражды исчезнет; войны прекратятся; несчастье случится*), либо односоставные неопределенно-личные (*преподают; заставляют*) или безличные (*Это ненужно и скучно; удастся отхватить*).

С точки зрения лексической организации в данных высказываниях представлена достаточно нейтральная лексика с элементами разговорной (*вытравим; отхватить; кусок*). Подобная лексико-семантическая и грамматико-синтаксическая организация высказываний этой группы

формирует комплексный образ некоего оппонента, который не обладает достаточным уровнем образования, культуры, широтой взглядов, чтобы представлять свою позицию на достойном уровне. И внешнее оформление речи данного обобщенного оппонента лишней раз подчеркивает несостоятельность его позиции, недостаточную обоснованность.

Вторая группа «голосов» – *Тарас Бульба, древние греки, швейцарцы, старый уральский казак* – представляют ту часть общества, которая традиционно квалифицируется как собственно народ, массы, то есть как сила, исторически определяющая духовный, морально-нравственный потенциал культуры. Следовательно, голоса / позиции данного типа должны обладать весом и авторитетом, подкрепляемым вековыми традициями. И хотя состав данных персонажей неоднозначен – и литературные персонажи, и мифолого-исторические, и обобщенно народные типы – но в формально языковом воплощении данные образы схожи: грамматическая основа предложения строятся по образцу простого двусоставного предложения: *Вон скачет татарин. ...Сердце колотится, рука сама ищет копье; Мил своим, страшен чужим.* В высказываниях содержится обращение к слушателю / собеседнику: *Попробуйте догнать его! Позаботьтесь о моей семье; Поверите, до сих пор, как увижу над степью огонь, – сердце колотится...*

В высказываниях множества лиц, которые могут быть обобщены в комплексном образе АВТОРИЕТНОЕ ЛИЦО, можно выявить следующие идентичные средства языкового воплощения образа:

- **предложения, осложненные однородными членами:** ...Холодное дыхание русских полей, колыханье дремучих лесов, разливы рек, подобные морям, всю природу родной страны, ее людей (ЛЕРМОНТОВ); *Поля, холмы родные, Родного неба милый свет, Знакомые потоки, Златые игры первых лет И первых лет уроки...* (ЖУКОВСКИЙ); ... *Гнала своих детей на край земли, в снега безлюдных стран, убивала в цвете сил* (ЯКУБОВИЧ);

- **предложения, осложненные сравнительным оборотом:** *Ты, как преступников, позором нас клеймила, Ты злобой души нам, как ядом,*

напоила.. (ЯКУБОВИЧ); Мы не хотим только, чтобы наше отечество начало войну, как грабитель и разбойник (БАБЕЛЬ);

• **сложноподчиненные предложения (СПП):** *Мы нанесем французской нации такое поражение, что она в течение целого человеческого поколения не сможет думать о войне (БИДЕРМАН); Мне все равно, французы ли победят немцев, или Вильгельм возьмет Париж (ЭРВЕ); Если бы случилось, что какой-нибудь другой народ напал бы на Францию, то мы, социалисты, умрем в первых рядах ее защитников (ЖОРЕС); Она внесет такое разрушение в экономическую и национальную жизнь, что человечество вернется к варварству Средних веков (ЧЕРЧИЛЬ).*

Таким образом, формируется полифония текста, в рамках которой можно вычленить несколько – в данном случае 4 – ключевых позиции: воображаемое лицо / собеседник, человек из народа, авторитетное лицо, автор-повествователь. Каждая позиция, «озвученная» множеством «голосов», убедительно выстраивает ситуацию относительного коммуникативного баланса, в котором воображаемое лицо / собеседник выступает в качестве внешнего адресата, своеобразного провокатора дискуссии, обобщенный «голос» человека из народа призван обозначить проблему на более простом уровне для читателя, не обладающего значительной начитанностью и образованностью, авторитетное лицо – позиция, которая призвана актуализировать обсуждаемую проблему для интеллигентной аудитории. В таком соотношении особенно убедительно выглядит позиция автора-повествователя, который последовательно обращается к разным позициям и взглядам, чтобы наиболее объективно представить свою позицию, либо опровергая мнения, не совпадающие с его убеждениями, либо подкрепляя свое мнения обращением к признанным авторитетам.

Даже в тех случаях, когда публицист Владимир Галактионович Короленко выступает формально от первого лица и защищает свои личностные интересы, система аргументации строится на построении полифонии. Так, в статье «О “России” и о революции», которая является

полемической заметкой в адрес газеты «Россия», в публикациях которой были допущены инсинуации в адрес В.Г. Короленко, и по своему объему и общему содержанию больше тяготеет к жанру открытого письма, обозначаются факты нарушения газетой «Россия» принципов достоверности и профессиональной этики и высказываются личные оценки публициста обозначенных фактов. Но при этом система изложения фактов и аргументация строится на представлении информации от других лиц, которые цитируются в той или иной форме (в скобках нами обозначены номера предложений / синтаксических конструкций, в которых вербализуется позиция того или иного участника обсуждения / диалога): ГАЗЕТА «Россия» / сотрудники газеты «Россия» (3-5, 76); ГАЗЕТА «Правда» (11); ЗАКЛЮЧЕННЫЕ (17-24, 26); ЮНОША (36-39); МИРОВОЙ СУДЬЯ (47); ГЕНЕРАЛ МИЩЕНКО (65).

При этом, несмотря на незначительный объем статьи и, как следствие, отсутствие возможности привлечения к обсуждению широкого круга лиц, обозначенные «голоса» в целом вписываются в типологическую систему, функционирующую и в других статьях:

- воображаемый собеседник (в данной статье это позиция оппонента) – ГАЗЕТА «Россия» / сотрудники газеты «Россия», МИРОВОЙ СУДЬЯ;
- человек из народа – ЗАКЛЮЧЕННЫЕ, ЮНОША;
- авторитетное лицо (ситуативно обусловленное) – ГЕНЕРАЛ МИЩЕНКО;
- автор-повествователь (поскольку данная заметка написана в защиту личных интересов, то автор-повествователь выступает от 1 лица, не прибегая к стилистическим приемам создания речевого портрета и не пытаясь завуалировать личностную позицию – Вл. Короленко).

В вербальном – лексико-грамматическом – оформлении каждого представленного в процессе полемического обсуждения «голоса» можно

выявить специфические черты, которые позволяют говорить об индивидуально очерченной типологической языковой личности:

Бытование обозначенных типологических позиций / «голосов» в публицистическом пространстве выступлений В.Г. Короленко, обеспечивающих полифонизм повествования, подтверждается и системой образов, представленных в других статьях (см. далее **Таблица №3**).

Таблица №3. Обозначение типологических / ролевых позиций в статьях В.Г. Короленко

Воображаемый собеседник	Человек из народа	Авторитетное лицо	Автор / повествователь
«Гончаров и “молодое поколение”»			
Вы Незнакомая читательница	Юноша-студент Товарищ прокурора	Добролюбов биографы Гончаров г. Перцов Щербина	Я / гимназист / мы
«К вопросу о прислуге»			
Автор цитированной заметки «Сын Отечества» «Новое обозрение»	А.С. Гациский Пристав Александра Зазинко Сехметницкий	биограф Н.С. Лесков	Мы / я / я в положении хозяина / я в положении прислуги
«Падение царской власти»			
Вы	Дурные люди Простой народ Федор Богдан	шведский дипломат Мариан Лермонтов Пророк Софония	Я
«В голодный год» (1)			
корреспондент читатель	М.А. Философов рабочие генерал Баранов Потап Иванович Семенов	Пророк Софония А.А. Демидов Фет Н.Ф. Анненский	Я

Ряд примеров может быть продолжен, поскольку в целом система полифонической организации выступления последовательно отражается в статьях В.Г. Короленко.

О средствах и способах языкового оформления образа автора в полифонии представляемых «голосов» нужно говорить отдельно более подробно.

2.2.2. Средства и способы языковой реализации образа автора-повествователя

Исследование речевого оформления образа автора-повествователя публицистического текста, организованного на основе принципа полифонизма, несомненно, является предельно сложной задачей, поскольку выявление характерологических черт и их описание связано с необходимостью различения позиций автора-повествователя и других участников коммуникативной ситуации как на уровне языковой репрезентации, так и на уровне сюжетной реализации позиции. Это связано с тем, что в публицистике особую значимость приобретает принцип объективированности социальной и индивидуально-психологической реализации личности в слове.

Индивидуально-авторская позиция публициста, выступающего в текстах, созданных В.Г. Короленко, достаточно четко проявляется на различных уровнях языковой репрезентации: лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом, семантико-стилистическом.

Давая категоричные оценки различным явлениям общественной жизни, автор-публицист выражается предельно эмоционально. Поскольку, по традиционному принятому в стилистике подходу, «речевая экспрессия – основа образного языка», а «экспрессивность непосредственно связана с образностью» [Ефимов 1957: 82-83], то в речевой манере Короленко-публициста экспрессивно-выразительные средства выделяются достаточно ярко. При этом публицист остается на высоте интеллигентной / интеллигентской этики, соблюдая такт, поэтому для его речи характерно использование эмоционально-оценочной лексики, как правило, книжного

характера: *благоразумие, величавый, вера, вражда, гибельный, добродетель, ежечасно, злодей, испытание, истина, негодяй, неизбежный, неистовствовать, нравственный, одушевление, оправдание, отечество, подвергнуть, предшествовать, пределы, равнодушие, родина, совершаться, сочувствие, увековечить, уничтожить, человечество, ярость* и др..

Заметим, что критерий книжности лексики как определяющий для речевой манеры Короленко является значимым, так как соотносит экспрессивность текста с таким признаком, как эстетичность. (Далеко не все средства русского языка, обладающие способностью передавать эмоциональное отношение говорящего к представляемому факту, соответствуют критериям эстетичности и даже этичности.

В.Г. Короленко не использует в своей речи не только грубых и просторечных слов, но даже тривиально разговорных. Это, несомненно, не только вызывает восхищение и уважением, но и свидетельствует о высокой речевой культуре публициста, что должно послужить примером в современных социальных условиях, когда упрощение речи выступающих публично лиц – журналистов, комментаторов, общественных деятелей – приводит к нивелированию и этических, и эстетических ценностей коммуникативной среды).

Естественно, что функционально-коммуникативное предназначение использования экспрессивно окрашенной лексики в конкретном текстовом пространстве оказывается различным. В части высказываний экспрессивная лексика книжного характера способствует созданию высокого, торжественного, приподнятого стиля, что в то же время позволяет обозначить сущностную значимость обсуждаемой проблемы для общества и для личности, чьи интересы соотносимы с развитием общества:

- *...Истине удалось пробиться с такой силой, что уже ничем нельзя ее ни заглушить, ни уничтожить («Знаменитости конца века»); Наряду с чувством **вражды** во всем живущем теплится и другой закон: закон взаимного **сочувствия** и любви («Война, отечество и человечество»);*

- *То же можно было бы сказать о добродетели, которая у истинно добродетельных людей гнездится лишь в сердце («Несколько мыслей о национализме»);*

- *В ней зауряд, ежедневно и ежечасно совершаются самые удивительные вещи, и так как они совершаются именно ежедневно и ежечасно, то теряют даже свою «удивительность». Кого может удивлять то, что вошло в обычный обиход и попадает на глаза на каждом шагу? («Адъютант его превосходительства») и др..*

Также не менее значимым аспектом использования экспрессивно окрашенной лексики в публицистическом тексте В.Г. Короленко является создание интонации драматизма:

- *Правда, испытание, которому оно подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое («Дело Бейлиса»);*

- *В этом зрелище было столько одушевления и веры в значение жизни перед лицом неизбежной смерти («Бытовое явление»);*

- *Ему предшествовали – крик избиваемых ямщиков, испуганные вопли бегущих, всплески пощечин и яростный вопль самого грозного начальника. Все – озадачены, ошеломлены, в панике, а между тем нужно держать ухо востро: малейшая оплошность – и ярость грозного курьера переходит всякие пределы... («Адъютант его превосходительства») и др..*

Последний пример из небольшой публицистической заметки «Адъютант его превосходительства» позволяет увидеть и такую особенность текста В.Г. Короленко, как способность с помощью книжных, экспрессивно окрашенных слов создавать метафорически аллюзию на культурные прецеденты, известные читателю: в указанном примере деятельность некоего г-на Алабина соотносима с библейскими событиями – концом света, гневом Господним (что выглядит не только парадоксально, но и кощунственно) и пр.

При этом использование экспрессивно окрашенных слов, обладающих безусловной образностью, позволяет публицисту оформлять дополнительно

свои мысли и передавать свои чувства посредством стилистических тропов и фигур.

Так, говоря об *истине*, В.Г. Короленко использует **метафору** растения, роста или движения живой воды (*удалось пробиться с такой силой, что уже ничем нельзя ее ни заглушить, ни уничтожить*). Этот образ, с одной стороны, является абсолютно понятным носителю русскоязычной культуры, с другой – универсальным, что приближает рассуждения публициста об абстрактных понятиях к читателю.

Антитеза (*вражда – сочувствие*) акцентирует внимание читателя на недопустимости описываемого явления, на его несоответствии закону гармонического устройства жизни.

Лексический повтор (*ежедневно и ежечасно, грозный, добродетель – истинно добродетельный, удивительный – удивительность – удивлять, ярость – яростный*) формирует в сознании читателя взаимозависимые смысловые цепочки, позволяющие следить за последовательным развитием рассуждения публициста.

«С понятием экспрессии связаны многообразные и весьма тонкие оценочно-характерологические оттенки, которые сопровождают и усложняют речь»... «К экспрессии относятся ... своеобразные смысловые “примеси”, которые добавляются к основным значениям слов и выражений и которые позволяют автору выражать свое отношение к описываемому, давать ему соответствующую оценку» [Ефимов 1957: 83]. Именно это свойство экспрессии, проявляющееся в семантике и функционировании экспрессивно окрашенной лексики, определяет то, что В.Г. Короленко использует подобную лексику в тех случаях, когда хочет передать иронию по отношению к каким-либо общественным явлениям или общественным оценкам: *Мы знали знаменитых государственных людей, полководцев, ораторов, писателей, художников, артистов, врачей, строителей, путешественников, воздухоплавателей, наконец, знаменитых укротителей зверей или антрепренеров, вроде знаменитейшего американского Барнума...*

*Теперь у нас есть еще знаменитые – **негодяи**; Если бы скульптор или хоть фотограф в это мгновение собирались его **увековечить**, он был бы, очевидно, к этому уже готов («Знаменитости конца века»).*

Ирония проявляется еще более зримо в тех случаях, когда своеобразно «поддерживается» парадоксальными сопоставлениями и умозаключениями, например:

- *Черта **благоразумия**, говорят, сказывалась также и в том, что особенные взрывы **ярости** вспыхивали в тех местах, где можно было ожидать замечаний по этому предмету («Адъютант его превосходительства»);*

- *Не знаю, прав ли я, или нужно искать каких-нибудь других, менее извинительных мотивов, но только с этих именно пор очевидность **нужды и необходимости** миллионов сразу заменяются в убеждении земцев-дворян представлением об особенном **благополучии** уезда («В голодный год»);*

- *Каждый стоит за свое **отечество** и старается уничтожить чужое. Значит, – говорят иные, – причина в том, что есть у народов отечество. **Уничтожим** это понятие, вытравим в себе любовь к **родине**, и первая причина **вражды** исчезнет. Войны прекратятся («Война, отечество и человечество») и др.*

Тем более возмущают публициста факты произвола со стороны властей, что подобные факты являются если не общественно одобряемыми, то традиционно признанными, не вызывающими активного социального протеста. Однако В.Г. Короленко не высказывает своего личного возмущения, не произносит открытых инвектив, он в свойственной ему манере излагает объективные факты, выражает свою позицию подтекстово, стараясь вызвать у читателя личную реакцию, сформировать мнение, а не внушить. Подобный подход является и продуктивным способом формирования общественного мнения, и в то же самое время в некоторой степени либеральным, гуманным по отношению к читателю.

Таким образом, в соответствии с индивидуально-авторской манерой речи, В.Г. Короленко использует слова с эмоционально-экспрессивной книжной окраской, преследуя следующие коммуникативные цели:

- 1) для обозначения значимости обсуждаемой проблемы как для отдельной личности, так и для общества в целом;
- 2) для передачи особого драматизма положения;
- 3) для передачи горькой иронии, с которой автор-повествователь вынужден констатировать какие-либо факты социального неустройства или общественно одобряемой / не порицаемой несправедливости.

(При этом необходимо заметить, что использование эмоционально окрашенной, экспрессивной лексики вне приемов стилистической выразительности оказывается характерной языковой чертой именно автора-повествователя. В речи других персонажей – индивидуальных образов и типологических – используется в большей степени нейтральная лексика).

Таким образом, публицисту, с одной стороны, удастся создать высокую книжную интонацию, подчеркивающую значимость обсуждаемой проблемы и для общества, и для каждого отдельного человека. Однако, с другой, прием эксплуатации слов, имеющих эмоционально-экспрессивную окраску, позволяет автору выразить индивидуально-авторское отношение к представляемому факту, которое может не совпадать с официальной позицией властей или с традиционной, общественно-одобряемой позицией.

Любопытным элементом, нюансом речевой манеры автора-повествователя является также создание окказионализмов или оригинальное использование просторечных форм, позаимствованных из народного языка:

- *...Усилия автора истощаются в таких же благодущных, пожалуй, возвышенных **словоизвитиях**, как извилистая речка теряется порой в степных песках* («Несколько мыслей о национализме»);
- *...Артельщика-украинца петербуржцам понять было труднее, чем харьковским **«самостийникам»** «иностранца» Лебедева* («Украинский шовинизм»);

- ...Вместо *гоньбы* по закромам и преследования частных случаев, захотели лучше вдуматься в систему самых отношений к народу («В голодный год»).

Как видим, слова типа «словоизвития» и «самостийники» являются индивидуально-авторскими, созданными по традиционным словообразовательным моделям русского языка. Слово же «гоньба» существовало в русском языке и в словаре В.И. Даля представлено в статье «гон», однако там оно представлено в обобщенном значении «бег, перемещение» и квалифицировано в большей степени как ямщицкий профессионализм. В.Г. Короленко же вводит слово «гоньба» в литературный (не диалектный) контекст и использует его в значении «гонка, преследование, бессмысленный поиск». Высказывание получает дополнительную экспрессивность, и в данном случае можно говорить о семантической трансформации, то есть образовании нового значения у существующего слова.

Окказионализмы В.Г. Короленко, на первый взгляд, внешне создают впечатление сложности обозначаемых явлений, т.е. значительности, существенности. В то же время публицист использует авторские окказионализмы с целью демонстрации своего личного неприятия обсуждаемых явлений, подчеркивая их неадекватность принципам гуманизма и прогрессивного развития, в том числе, путем актуализации их внутренней десемантизации.

Так, в статье «Несколько мыслей о национализме» В.Г. Короленко дает оценку явлению, которое в период конца XIX – начала XX вв. только получало свое бытование в социальной и морально-этической жизни народов и в международной политике (а сегодня является одной из самых актуальных проблем, о чем упоминалось выше). Публицист отмечает «размежевание двух семантических компонентов в пределах одного на тот момент слова», поскольку «первичное значение слова «национализм» связано с осознанием связи человека с местом своего рождения, общности с окружающими» [Шаталова 2017 (II): 125]: *«Мы русские потому, что родились в России,*

дышали с рождения ее воздухом, глядели на ее убогую, грустную, но порой и прекрасную природу, выражали свои чувства звуками ее речи, первую свою любовь, и свой первый гнев, и все другие ощущения отдали русским же людям. Это факт, который, конечно, не может не сказаться в нашем душевном строе и во всем поведении». Когда же публицист хочет отразить показную сущность тех людей, которые *«носят ковчег своего патриотизма, как бретер носит ковчег своей чести, – тенденциозно, нарочито озираясь на соседей, толкаясь и вызывая...»*, то создает уникальный неологизм – «ультрарусский». Данный эпитет обретает особенную яркость и выразительность именно в силу того, что образующие его компоненты, с точки зрения прямой семантики, не могут сочетаться: «ультра» – «первая составная часть слов “сверх, более” какой-нибудь меры, предела» [Крысин 2000: 723], а «русский» – обозначение национальности, что не может в принципе соотноситься с понятием меры (грамматически у данного слова не образуется даже форма сравнительной степени).

В.Г. Короленко же образует специфическую «превосходную» степень, что подчеркивает и абсурдность возникновения обсуждаемого явления, и негативное отношение публициста к нему. Таким образом, можно обозначить прием создания окказионализма путем сложения семантически несоотносимых понятий, то есть путем внутренней десемантизации неологизма.

Тот же прием становится основным при создании оригинального слова «ультраздоровый», которое использует публицист для аналогии при объяснении сущности понятия «ультрарусский», что еще более способствует дискредитации понятия «национализм»: *«Если же вы встречаете субъекта, который слишком носитя со своим «здоровьем», постоянно говорит о нем, кстати и некстати, ... то у вас невольно закрадывается сомнение, и вы начинаете думать, что, вероятно, у этого ультраздорового человека не все ладно если не в желудке, то в нервном настрое».*

Прием создания окказиональной лексемы путем сложения семантически несоотносимых понятий применяет В.Г. Короленко не только при префиксации (эксплуатации несоответствующих каноническим принципам словообразования приставочных компонентов), но и при суффиксации. Так, в статье «О “России” и о революции» В.Г. Короленко выступает против вседозволенности тюремных властей, которые выходят за границы своих полномочий. Публицист горько сетует на то, что *«тюремная жестокость растет как лавина»*, хотя *«на разных конгрессах по тюрьмоведению наши официальные представители говорят много хороших слов и развивают много правильных теорий»*. В данном случае возмущение публициста тем фактом, что реальное положение заключенных в тюрьмах не соответствует декларируемой позиции властей, подчеркивается обозначением формалистской деятельности официальных лиц посредством окказионализма «тюрьмоведение»: аффиксоид «вед» используется в русском языке при образовании номинативов, обозначающих направления, разделы науки («языковедение» – термин А.А. Реформатского, «литературоведение», «искусствоведение») или профессиональной деятельности. В данном же случае наблюдается несоответствие подхода, выражаемого аффиксоидом «вед», и предмета «научного исследования» – «тюрьма». Таким образом, формируется предельная экспрессия при оценивании данного явления.

Иногда окказионализмы носят грамматический характер, что также позволяет автору-повествователю обозначить несоответствие представляемой ситуации принципам гуманизма и справедливости, на стороне которых выступает публицист:

- *Среди обычных рубрик смертности (от голода, тифа, дифтерита, скарлатины, холеры, чумы) нужно отвести место новой графе: “от виселицы”* («Бытовое явление»);
- *«А возникает он [вопрос] ежегодно, в промежутки, когда остальные «злобы дня» оскудевают»* («К вопросу о прислуге»).

Подобные примеры многочисленны в речи В.Г. Короленко, что позволяет говорить о «семантико-словообразовательном штрихе» в языковом портрете публициста. При этом можно констатировать факт того, что выявленные особенности использования лексики в речи публициста, специфики семантического бытования отдельных лексических единиц и групп слов отражают такие черты личности В.Г. Короленко, как порядочность, честность, профессиональная объективность, и такие персонологические черты языковой личности, как эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности и четкость обозначения авторской позиции: стремление к воплощению в действительность идеалов добра и свободы в соответствии с высшими гуманистическими истинами (книжная лексика); актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя и диалогическая направленность речи (экспрессивная лексика, образование окказионализмов, способствующих взаимопониманию между автором и адресатом, система мышления которого может быть ориентирована на разные культурные пласты и, следовательно, на разные языковые формы).

Однако структура языковой личности образуется единицами различных уровней языка: нельзя (как отмечалось выше) комплексно охарактеризовать языковую личность публициста, не обращаясь к грамматико-синтаксической организации речи.

Как неоднократно проверялось экспериментально и подчеркивалось в исследованиях разных ученых [Арутюнова 1983; Артюшков 2006, 2007; Шаталова 2012], такие синтаксические конструкции как простое неосложненное предложение, ПП, осложненное однородными членами, сложноподчиненное предложение (в основном с придаточным изъяснительным и с придаточным определительным) являются наиболее частотными (в отдельных случаях обозначаются как **приоритетные**) для традиционной русскоязычной личности. Данное положение обозначенных

конструкций определяется их внутренними коммуникативно-прагматическими интенциями. Так, простое предложение способно реализовать следующие функции высказывания:

1) позволяет наиболее точно охарактеризовать конкретные явления: *В 1881 году мне пришлось проехать по Лене. Дело было вскоре после всем памятного события 1 марта. Вообще в таких случаях в Сибири жалуются редко. Тут запали в душу Гончарова основные элементы его художественного творчества;*

2) определяет отношение говорящего к представляемой информации: *Но психологически это все-таки верно. Он [Гончаров], конечно, мысленно отрицал «обломовщину», но внутренне любил ее бессознательно глубокой любовью) и обозначить отношения говорящего субъекта с объектом речи (*Я не буду продолжать этих выписок.**

Такой довольно широкий прагматический потенциал простого предложения позволяет использовать его как структурообразующую единицу текста, некий «каркас», определяющий стройность и последовательность повествования.

Сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным также часто используется в публицистическом дискурсе, поскольку одна из важнейших задач здесь – именно пояснение, изъяснение, прояснение происходящего и / или позиции говорящей личности в отношении представляемой информации. Например: *Да, как не признать, что русская история идёт самобытными и необъяснимыми путями; Говорили, что он обещал властям выдать несколько человек, если ему дано будет помилование, и что ему подали надежду на избавление от казни... и др.*

Возможно, именно это определяет приоритетность обозначенных (и некоторых других – см. выше – 2.2.1.) конструкций в речи различных персонажей / образов, создаваемых в публицистическом тексте В.Г. Короленко как участников полилога. Естественно, что в речи автора-повествователя данные конструкции также выступают как своеобразный

элемент, уплотняющий основной «каркас» текста. Они способствуют лаконичности и четкости представления информации, что существенно для публицистического текста.

В то же время речевой образ автора-повествователя отличается большей эмоциональной выразительностью и интеллектуальной глубиной, в том числе в сравнении с речевыми портретами других «голосов», выступающих в полилоге в публицистическом тексте.

В высказываниях автора-повествователя возникают более сложные изобразительно-выразительные ряды, что позволяет создать многоплановую представляемую картину, в которой изображение фактов действительности гармонично включает в себя авторские личностные реакции на тот или иной факт, явление. Подобная «усложненность» языкового образа автора-повествователя достигается и за счет грамматико-синтаксической организации речи, что довольно ярко проявляется как в текстах полифонического характера, так и в текстах, подготовленных для публичных устных выступлений и, при поверхностной оценке, построенных с использованием несложных грамматических конструкций. Для высказываний, которые формально принадлежат автору-повествователю, характерно включение в состав предложения осложняющих компонентов разных видов: простое предложение (ПП), осложненное вводными словами; простое предложение (ПП), осложненное обособленным определением; простое предложение (ПП), осложненное уточнением; простое предложение (ПП), осложненное приложением; простое предложение (ПП).

Рассмотрим специфику функционирования данных конструкций в текстах В.Г. Короленко последовательно.

Простое предложение (ПП), осложненное вводными словами – вводные слова и вставные конструкции, с одной стороны, выполняют вполне традиционные для языковых явлений данного типа функции [Современный... 1988: 342]:

1) **модальной оценки:**

- *Казалось, историческая власть стоит в раздумье перед новой задачей; У проекта были, конечно, свои недостатки... («Война, отечество и человечество»);*

- *Искренность, о которой говорил С.Ю. Витте, несомненно, требовала передачи дела общему суду при обоюдных гарантиях («Бытовое явление»);*

- *Что-то, очевидно, мешает общему простому и доверчивому разговору («Дело Бейлиса»);*

- *А так как, разумеется, первого утверждения никто не опровергает, то, по самой логике вещей, вся суть явления, его центр тяжести переходит во вторую половину формулы; Несомненно, однако, что движение вперед, прогресс и общественное совершенствование всюду становятся в более или менее острые конфликты с воинствующим национализмом наших дней («Несколько мыслей о национализме»);*

- *Тем не менее хотя, быть может, и половина деяний воинственного курьера не была официально заявлена («Адъютант его превосходительства»);*

2) **эмоциональной оценки:** *Надеюсь, читатель не посетует на меня за это, может быть, не совсем обычное для хроникера, отступление («Несколько мыслей о национализме»);*

3) **указания на обычность сообщаемого:**

- *Как известно, в Остзейском крае вообще, в Риге в частности, кризис, вызванной переломом застоявшейся русской жизни, проявился особенно резко («Война, отечество и человечество»);*

- *Как известно, библейский Симеон так страстно ожидал пришествия Мессии, ... («Горжество победителей»);*

- *С начала 1870-х годов, как всем известно, молодежь была охвачена стремленьем «в народ» («И.А. Гончаров и “молодое поколение”»);*

4) **указания на отношения и связи между частями предложения или более широкого контекста:**

- *Наоборот, многие из этих последних были простодушные вояки, убежденные в своей правоте («Война, отечество и человечество»);*
- *Для суда по мелкому уголовному делу шестое, **например**, отделение киевского суда имеет в своем распоряжении двух или даже трех профессоров («Дело Бейлиса»);*
- *На этот раз, **однако**, я хочу применить это маленькое наблюдение к патриотизму («Несколько мыслей о национализме»);*
- ***Таким образом**, самые понятия о нормальном и выходящем из ряду вон – об удивительном и никого не удивляющем – получают совершенно своеобразный условный смысл («Адъютант его превосходительства»);*

5) **указание на источник сообщения:**

- *Стихи, **по его словам**, «полны стальных отблесков...» («Горжество победителей»);*
- *Говорят, это сделали евреи... («Дело Бейлиса»);*
- *На мой взгляд, она [Вера] понятнее, живее, индивидуальнее тургеневской Елены («И.А. Гончаров и “молодое поколение”»);*

б) **указание на способ выражения мысли:**

- *Так это было в России очень долго, **можно сказать**, вплоть до нашего времени... («И.А. Гончаров и “Молодое поколение”»);*
- ***Одним словом**, мы должны делать все то, над чем (например, относительно австрийской печати, видящей всюду панславизм) так смеется то же «Новое время» («Несколько мыслей о национализме»)).*

Указанные разряды вводных слов, которые В.Г. Короленко использует в традиционном формате, можно охарактеризовать и в иной терминологии – по классификации А.М. Ломова: говорящий констатирует отсутствие у него полной информации о сообщаемом и связанную с этим предположительность констатаций, указывает на непосредственный источник сообщения, означает

соответствие / несоответствие сообщаемых фактов чьим-либо интересам, квалифицирует способ или характер выражения мыслей, определяет логическое соотношение между частями высказывания или между отдельными высказываниями в составе текста, адресует высказывание собеседнику, побуждая его к активному восприятию, устанавливает степень обычности / необычности сообщаемых фактов [Ломов 2004: 36-37]. Обозначенный формат эксплуатации вводных компонентов позволяет говорить о традиционной форме выражения авторской модальности.

С другой стороны, именно в той составляющей текста, где публицист выступает от собственного имени, объективирует личностную позицию (в том числе и в статьях, соответствующих полифонической модели изложения), возможно, противопоставленную другим «голосам»-позициям, он позволяет себе использовать вводные слова и вставные конструкции в функции не прямой оценки. Например, осуждая позицию журналиста и общественного деятеля Ясинского, который слишком откровенно и часто, по мнению В.Г. Короленко, меняет свою общественную позицию, публицист **пронизирован**: *Дело ясно: Иероним Иер. Ясинский – Симеон Богоприимец. Конечно, и ему недаром далась эта награда от великого духа свободы... Конечно, и он, как библейский Симеон, всю долгую жизнь страстно ждал этой минуты, и призывал ее, и, несмотря на гнет самодержавия, всюду, где мог, нес благовест грядущей свободы. <...> А восставший народ – это, конечно, большевики. <...> Конечно, все мы грешны и всем приходится сказать под конец: ... («Торжество победителей»)*. В приведенном отрывке повтор вводного слова «конечно», фактически рефреном звучащего при характеристике ситуации, приобретает обратную словарной семантику: данное слово начинает выступать в качестве маркера косвенной цитации. И именно позиция как бы обозначаемая «от Ясинского» или его сторонников подвергается сомнению В.Г. Короленко, что обозначается именно с помощью слова со значением уверенности – «конечно».

Для передачи **иронии**, сопряженной с явным **недоверием** автора / говорящего к представляемой кем-либо информации, В.Г. Короленко также часто использует вводные слова:

- *Среди белого дня, при рабочих, которые возят глину (установлено документально!), Бейлис спокойно тащит мальчика к пустой печке, как хозяйка несет пойманного цыпленка: дело, очевидно, к спеху («Дело Бейлиса»);*

- *Он [Гончаров] приписывает это своей любви к изображаемому быту и говорит далее о том, что такая любовь к изображаемому необходима всякому художнику. В пример он приводит, между прочим, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина («И.А. Гончаров и “молодое поколение”») и др.*

Таким образом, в речи В.Г. Короленко (позиции автора / говорящего) предложения с вводными словами приобретают дополнительную функционально-коммуникативную нагрузку – выражение иронии и иронии с оттенком недоверия к обсуждаемой позиции – которая не проявляется в речевом оформлении других «голосов / позиций» при полифонической манере построения публицистического текста.

Простое предложение (ПП), осложненное обособленным определением, является одним из частотных синтаксических приемов формирования эмоциональной интонации повествования. (Хотя в рамках нашей работы количественно-статистическое исследование частотности использования ПП, осложненных обособленным определением, не проводилось, но формальное наблюдение над структурной организацией текстов В.Г. Короленко позволяет обнаружить регулярность использования подобных конструкций в речи именно автора-повествователя). Это связано с тем, что в речи В.Г. Короленко предложения с обособленным оборотом способны выполнять несколько функций.

Во-первых, использование усложненной конструкции позволяет автору-повествователю обозначить несколько фактов в пределах формально

одной грамматической конструкции, поскольку «при обособлении говорящий не столько констатирует наличие признака, сколько приписывает его [признак] предмету» [Шахматов 1941: 290-291], благодаря чему определительный обособленный оборот «выражает дополнительную (вторичную) предикацию» [Современный... 1988: 339]. Проанализируем несколько примеров, взятых из статей В.Г. Короленко разных лет:

- *Но ещё не было откровенной кровожадности нынешних «правых», требующих виселиц даже для своих думских противников* («Бытовое явление») – характеризуя состояние политических сил в Думе нового периода, автор / говорящий указывает на следующие особенности мировоззрения «правых»: во-первых, наличие «откровенной кровожадности», во-вторых, требование смертной казни «даже для своих думских противников». Дополнительным фактом оказывается отсутствие обозначенных характеристик у представителей думских партий предыдущего периода;

- *Каждому путнику, шедшему в город из пустыни, оно [чудовище, Сфинкс] задавало загадки* – факт №1 – процедура загадывания загадки Сфинксом каждому путнику, факт №2 – направление движения путника «в город из пустыни» («Война, отечество и человечество»);

- *Два года выносила девушка эту пытку и, наконец, избитая, ушла к г-м Горностаевым...* («К вопросу о прислуге») – факт №1 – истязания девушки-прислуги ее хозяевами, факт №2, выраженный посредством нераспространенного обособленного определения, – конкретный, отдельный акт физической расправы над прислугой.

В каждом из обозначенных примеров выявляется однозначная полипредикативность, что соответствует исходным семантико-грамматическим характеристикам простого предложения, осложненного обособленным определением. При этом принципиально значимым является признак фактографичности, отсутствия оценочности в представлении того или иного события и / или явления.

Однако В.Г. Короленко, в соответствии с характерными для его речевой манеры тенденциями, своеобразно расширяет прагматический функционал предложений, осложненных обособленным оборотом. Введение обособленного определения позволяет автору-повествователю некоторым образом обозначить свою личностную позицию, за счет семантического содержания обособленного определения. Так, например, в предложении: *...Администрация опять выступала судьёй в собственном деле и на основании этого суда, глубоко чуждого самому духу новых учреждений, уже готовила казни* («Бытовое явление») – автор-повествователь обозначает противоречие между существующим судебным укладом и принципами, которые должны были бы появиться в судебной системе благодаря реформам. При этом пафос обсуждаемой проблемы – «самый дух новых учреждений», эмоциональность эпитета «глубоко чуждый» позволяют четко понять позицию говорящего – явного сторонника новой идеи, горячо отстаивающего принципы гуманизма и возмущенного косностью и бесчеловечностью судебного уклада.

Давая характеристику националистически настроенным общественным организациям, публицист (в лице автора / говорящего), говорит: *Наиболее точным определением идеи, одушевляющей это собрание, может служить выражение: «Лига русского отечества»* («Несколько мыслей о национализме»). В данном случае читатель обращает внимание на то, что некие лица обозначены с помощью абстрактного существительного «собрание». При этом «собрание» может быть «одушевлено» идеей. Следовательно, подсознательно возникает восприятие данного общества как «неодушевленного». Естественно, подобная оценка, высказанная автором и воспринятая читателем, предельно субъективна, но как раз данный формат позволяет автору / говорящему обозначить свое эмоциональное отношение к обсуждаемой проблеме.

В примере: *Гончаров был один из самых ярких реалистов гоголевской школы, но вместе с тем в его творчестве часто прорывался символизм.*

Порой намеренный и потому не особенно удачный, порой художественно-бессознательный («И.А. Гончаров и “молодое поколение”») – субъективность характеристики подчеркивается и тем, что семантика эпитетов изначально оценочна («не особенно удачный, бессознательный»), и парцелляцией определительного оборота: автор-повествователь формальной пунктуацией подчеркивает значимость высказанного в определительном обороте мнения, то есть коммуникативно-прагматический «вес» определительного оборота по отношению к основной части предложения.

В-третьих, помимо прямой информационной функции, определительный оборот в речи В.Г. Короленко выполняет дополнительную экспрессивную функцию. Эта возможность появляется у определительного оборота за счет включения в него различных эпитетов:

- *Двенадцатого мая я сидел в ложе журналистов и запомнил навсегда сумеречный час этого дня, предъявление запроса, речи депутатов, смущённые, полные предчувствий; Люди тут как будто опущены в колодец, траурно-тёмный, холодный и сырой* («Бытовое явление»);

- *...В известный час, точный и строгий, застегнутый на все пуговицы английский юрист является в редакцию английской газеты* («Знаменитости конца века»).

Следовательно, в использовании простого предложения с обособленным определением в речи В.Г. Короленко (при представлении позиции автора-повествователя) однозначно прослеживается прагматическая многофункциональность.

Простое предложение (ПП), осложненное приложением, проявляет в речи В.Г. Короленко также специфические качества, выполняя определенную коммуникативную функцию: приложение дает дополнительную – экспрессивную – характеристику обозначенному с помощью номинатива лицу. При этом легко заметить, что данная в обособленном приложении характеристика может быть сугубо положительной. В таком случае мнение обозначенного лица представляется бесспорным, заслуживающим доверия:

- *Просвещённый француз, знаток и друг России, поздравляет Думу с предстоящей отменой смертной казни («Бытовое явление»)* – качества, обнаруженные у некоего француза, личность которого, возможно, знакома не всем читателям, автоматически делают его лицом, чье мнение позитивно в глазах россиян;

- *Ланской, человек убежденный и искренно связавший свою судьбу с делом реформы, находил все-таки, что декабрист-губернатор действует слишком круто («Легенда о царе и декабристе»)* – пафосная и романтизированная характеристика Ланского призвана смягчить в глазах читателя его неприятие демократически настроенного губернатора, который является героем очерка. Это объясняется тем, что сам В.Г. Короленко выступал прежде всего за объективное представление реальности, и в данном случае даже в целях возвышения позиций героя очерка (декабриста Муравьева) не мог позволить себе принизить уважаемое лицо, которое в данной конкретной ситуации не подкрепляло идейного пафоса обсуждаемой ситуации;

- *Ученые, мыслители и поэты, эти пророки нашего времени, поддерживают мечту о тех будущих временах («Война, отечество и человечество»)* – в приложении не только дается характеристика определенной социальной группы, но и обозначается значимость деятельности названных лиц для развития общества. Публицист, говоря об ученых, мыслителях и поэтах как о пророках, указывает на то, что именно люди подобного склада должны служить ориентирами для общества и для личности. Публицист актуализирует в сознании аудитории положительные ассоциации, связанные с влиянием пророков на развитие цивилизации, и тем самым направляет интенции слушателей за идеологией, исповедуемой интеллигенцией;

- *Ко мне, живущему среди вас русскому писателю, временное правительство, <...>, обратилось с просьбой, нет, с приказом, выступить в*

трудную минуту разногласий и смятения со своим словом («Речь перед солдатами Полтавского гарнизона») – публицист эксплуатирует общественное реноме писателя как борца за справедливость и добро (*русский писатель*) в глазах аудитории, зная, что авторитет писателя в России предельно высок среди представителей любого класса, тем более, что этот писатель хорошо знаком с положением (*живущий среди вас*). Обособленное приложение такого типа позволяет публицисту, выступающему на митинге, сэкономить время и силы, не объясняя своих жизненных убеждений и целевых установок конкретного выступления.

В других случаях характеристика, данная в приложении, дискредитирует обозначаемое лицо, обозначая его негативные качества либо показывая, что приписываемые достоинства выступают по контрасту с реальными действиями обсуждаемого персонажа:

- *По временам к подъезду подкатывают щегольские кэбы, и респектабельные джентльмены, с туго набитыми бумажниками в карманах, поднимаются по лестнице в квартиру Эстергази, кавалера ордена французского Почетного легиона, продающего свое негодяйство оптом и в розницу* («Знаменитости конца века»);

- *...Когда г-н Суворин, некогда либеральный публицист, обратился во второй половине 70-х годов к вульгарному национализму – одним из первых его шагов в этом направлении было именно пилигримство к Каткову...; Еще полтора десятка лет, и г-на Суворина, бывшего Незнакомца, остроумного в свое время либерального публициста, с распростертыми объятиями встречает уже даже не Катков* («Несколько мыслей о национализме») – в приведенных примерах характеристика становится тем более негативной, что положительные с точки зрения социальных критериев характеристики (*либеральный публицист, остроумный, Незнакомец* – псевдоним, имеющий положительное реноме в среде читающей публики того периода) нивелируются указанием на их временное бытование (*некогда, бывший, в свое время*). Это акцентирует тот факт, что обозначаемое лицо меняет свои

убеждения, что свидетельствует об идеологической неустойчивости. А подобное поведение не только осуждается Короленко-публицистом, но и признается пороком в рамках народного мировидения.

Таким образом, с помощью ПП, осложненного обособленным приложением, публицист может корректировать оценку представляемого объекта / лица в восприятии аудитории (читателя / слушателя).

Показательным фактором семантико-грамматической организации речи автора-повествователя, на наш взгляд, является использование простого предложения (ПП), осложненного уточнением. Замечание, высказанное нами относительно исследования частотности ПП, осложненных обособленным определением, в данном случае также справедливо, так как в основу выделения частотных синтаксических конструкций нами был положен принцип формального наблюдения. В то же время однозначно следующее: публицистические статьи В.Г. Короленко при всей цельности выражения авторских интенций условно можно разделить на статьи в жанре рассуждения, посвященные размышлениям автора-повествователя на какую-либо абстрактную тему (например, «Несколько мыслей о национализме», «Бытовое явление», «Война, человечество и отечество», «Гончаров и “молодое поколение”», «К вопросу о прислуге», «Украинский шовинизм» и др.), и статьи, которые в современных условиях могли бы быть обозначены как соответствующие жанру журналистского расследования («Дело Бейлиса», «В голодный год», «Адъютант его превосходительства», цикл «В голодный год» и др.).

Естественно, что в определенной степени статьи-рассуждения и статьи-расследования обладают различной коммуникативно-прагматической направленностью. Для статьи-рассуждения принципиально важными факторами являются наличие актуальной проблематики и ее бытование в определенной социально-политической и морально-нравственной среде. А статья-расследование прежде всего предполагает достоверное изложение фактов реальной действительности. Поэтому именно в статьях-

расследованиях наиболее явно проявляется функциональная значимость высказываний, содержащих уточняющий оборот, поскольку для автора-повествователя существенными являются, с одной стороны, формальные показатели происходящих событий – место и время:

- *Киев вообще стоит в разных плоскостях, но здесь, **на окраинах**, эта топографическая особенность становится необыкновенно причудлива; Назад мы возвращались более кратким путем, **наискось с горки**, на Нагорную улицу («Дело Бейлиса»)* – данные примеры показательны, так как позволяют заметить следующую особенность повествовательной манеры В.Г. Короленко о расследуемом деле: автор-повествователь показывает читателю место событий в деталях, при этом последовательно уточняя минимальные детали «микротопографии», как бы проводя читателя следом за собой. Недаром грамматически данные предложения построены так, что возникает эффект репортажа;

- *Даже на месте, **в волостях**, только привычный глаз отличит по первому взгляду голодающую деревню от сравнительно благополучной («В голодный год»)* – для столичного читателя, удаленного от проблем провинциальной России, существенно несовпадение условий губернского города (в статье речь идет о Нижнем Новгороде) и собственно провинции – деревни, поэтому автор-повествователь акцентирует место реальных событий, которые описывает в своем социальном очерке;

- *В конце февраля 1892 года, **в ясный морозный вечер**, я выехал из Нижнего-Новгорода по арзамасскому тракту («В голодный год»)* – автор-повествователь не только конкретизирует посредством уточняющего оборота время суток – вечер, но и дает некоторую эмоциональную характеристику представляемого времени («ясный морозный»), что при дальнейшем чтении материалов статьи воспринимается как контрастный показатель, ем самым усиливая эмоциональную составляющую текста;

- *В прошлом веке, уже на памяти ныне живущих людей, объединилась, например, Италия («Война, отечество и человечество»)* – уточнение не только ограничивает временной промежуток от века к нескольким десятилетиям, но и акцентирует факт того, что происходящие события имеют непосредственное отношение к реальности, в которой живет читатель. Тем самым автор-повествователь своеобразно делает читателя сопричастным к описываемым событиям, то есть подчеркивает значимость обсуждаемой проблемы для каждого.

Таким образом, уточняющие обороты со значением времени и места в текстах В.Г. Короленко (в речи автора-повествователя) получают дополнительную коммуникативно-прагматическую нагрузку в виде апелляции к читателю, формального или эмоционального включения читателя в пространство текста.

Заметим также, что в некоторых случаях В.Г. Короленко использует уточняющий оборот как средство метафоризации, обозначая значимые для его публицистического мировоззрения идеологические оппозиции (о чем говорилось выше), например: *Вперёд, к началам гуманности и обновления, или назад, к старым приёмам произвола, не считающегося даже со своими собственными законами...* («Бытовое явление») – уточняющие обороты позволяют публицисту актуализировать противостояние **старого** как воплощения косного и антигуманного уклада социальной действительности и **нового**, воплощающего идеи светлого будущего, ориентированного на человека.

Наибольшей изобразительной выразительностью обладают конструкции, которые включают в себя несколько осложняющих компонентов, часто также содержащие стилистические тропы либо фигуры:

- *Почти ежедневно, в предупреденные часы* [уточнение], *когда над огромною страной царит крепкий сон* [метафора], *где-нибудь по тюремным коридорам зловеще стучат шаги, кого-нибудь поднимают от кошмарного* [эпитет] *забытья и ведут, здорового и полного сил* [обособленное

определение], *к готовой могиле...*; *Вошла и расположилась прочно, надолго* [уточнение], *как настоящее бытовое явление* [сравнение], *затяжное, повальное, хроническое...* [обособленное определение] («Бытовое явление»);

- *И если господину Дрягину одному не удалось разорвать на глазах у присяжных **сеть судебной интриги*** [метафора], *опутавшей его несчастных клиентов* [обособленное определение], *то все же настоящей его заслугой, **прямо подвигом*** [уточнение], *является то обстоятельство, что он сумел, наконец* [вводное слово], *довести изнанку этого дела до сената* («О суде, о защите и о печати»);

- *Допускаем охотно, что, по разным условиям данной эпохи* [обособленное дополнение], *раздумье мыслящего русского человека продолжалось, быть может* [вводное слово], *несколько дольше, чем бы следовало, и если бы оно продлилось еще, мыслящий русский человек* [лексический повтор] *рисковал, пожалуй* [вводное слово], *обратиться в соляной столб* [фразеологизм] *на распутье российского прогресса* [метафора] («О сложности жизни»).

Таким образом, методом количественно-статистического анализа были выявлены наиболее частотные приемы организации речи Владимира Галактионовича Короленко, характерной для речи позиции автора-повествователя в полифонии публицистического текста. На уровне лексико-семантической организации языковой личности обнаруживается приоритет книжной и экспрессивной лексики, на уровне грамматико-синтаксической организации речь автора-повествователя отличается сложной организацией высказываний, осложненностью конструкций. Подобные особенности использования возможностей языка свидетельствуют, с одной стороны, о глубине, сложности и многослойности организации языковой личности публициста, а с другой, о стремлении донести свое мнение позицию максимально подробно, детально освещая все аспекты позиции, и предельно эмоционально. Обозначенные интенции репрезентации языковой личности полностью совпадают с коммуникативно-прагматическими установками

деятельности публициста как общественного представителя, считавшего своим жизненным предназначением борьбу за установление принципов добра и справедливости, равенства всех граждан перед законом.

2.3. Коммуникативно-прагматическая реализация позиции публициста в «кризисной» публицистике

Владимир Галактионович Короленко – журналист и публицист – человек, чьи слова и поступки находились в абсолютно неразрывной связи, фактически каждое его слово было поступком: масштаб публицистической деятельности выдающегося общественного деятеля можно оценить уже по формальному признаку – около 50 газет и журналов помещали его корреспонденции, очерки и статьи [Сацюк 2014: 56]. Ратуя за свободу и справедливость социальной действительности, публицист особенно много внимания уделял вопросам народной жизни, проблемам простого крестьянина, труженика-земледельца: «...Народная жизнь во всех ее проявлениях интересовала В.Г., и ни о чем он, кажется, не рассказывал с таким увлечением, как о разных характерных типах и любопытных сценах, какие ему приходилось наблюдать во время своих странствований», – отмечает современник В.Г. Короленко [В.Г. Короленко в воспоминаниях современников 1962: 100].

Считая себя «беспартийным социалистом», В.Г. Короленко соотносимо с народническими теоретиками доказывал, что субъектом истории является народ [Блохин 2010]. Однако, зная особенности взаимоотношений различных слоев населения России, не мог не отметить: «Наш народ слишком долго был отделен от интеллигенции, слишком долго жил без общественной мысли. В свою очередь демократическая интеллигенция долго жила со своей уединенной мыслью, без применения вместе со своим народом» [Короленко 1917: 28].

В то же время, как большинство теоретиков-народников, В.Г. Короленко доказывал, что субъектом истории является народ. Он же – народ – является движущей силой и потенциальным «строителем и вершителем» истории: «... В совокупности человечества участвуют не одни великие, живущие на освещенных вершинах. На дне, в глубоких трущобах, тоже есть черты для создания великого образа коллективного человека» [«В.Г. Короленко в воспоминаниях современников 1962: 109»]. Хотя, будучи человеком достаточно рациональных взглядов (по определению М. Горького, – «от ума пишет»), Короленко не идеализировал народ, видел как громадный потенциал, так и существующие «пробелы» в образовании, в социальных и этических характеристиках общинного строя жизни крестьянства.

Подобное положение не могло не волновать публициста, всем сердцем желавшего переустройства действительности, мечтавшего об улучшении жизни для народа, наделенного богатым духовным потенциалом, способного свершать грандиозные деяния, но лишенного элементарных знаний. Такое положение ограничивало возможности народа на пути к свободе и всестороннему демократическому развитию. Февральская революция 1917 г., по мнению В.Г. Короленко, определила возможности изменения ситуации.

Борьба за права человека и человеческое достоинство тесно была увязана с концепцией социализма В.Г. Короленко. Для него социализм был общественным идеалом, целью истории, смыслом человеческого существования. К обоснованию социалистического идеала писатель подходил с историософских позиций. Содержание всей мировой истории, по убеждениям В.Г. Короленко, определяется действием двух законов, двух противоположных тенденций: законом вражды и законом «взаимного сочувствия и любви». Встав на сторону Временного правительства, В.Г. Короленко, обладающий необыкновенно широкой популярностью, уважаемый за широту и гуманизм взглядов представителями различных сословий, 11 марта 1917 г. избирается председателем митинга Полтавского

военного гарнизона, призывает солдат к сохранению спокойствия и объединению сил с народом.

В это время он много выступает на собраниях, съездах и сходах: «Порой приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они. И это меня завлекло. Когда я видел внимание, а потом и интерес, любопытство и признаки согласия по мере продолжения, – то это возбуждало мысль и воображение. Теперь работаю над популярной брошюрой для народа, в которой показываю, как последний Романов разрушал и разрушил самодержавного идола...» [Короленко 1953: 560]. Данная самохарактеристика позволяет оценить языковую личность В.Г. Короленко как личность *кооперативного актуализаторского* типа, который «демонстрирует установку на партнера по общению, на его интересы, цели», что проявляется «в выборе соответствующих речевых тактик», поскольку личность данного типа «отдает себе отчет в том, что если надо достичь какой-то цели в процессе речевого взаимодействия, необходимо учесть интересы партнера, его цели, жизненные установки. Для этого подтипа собеседник – партнер, который достоин уважения, что и демонстрируется в речи» [Стилистика ... 2011: 242].

Таким образом, определяется новое для Владимира Галактионовича Короленко направление деятельности и специфический подход в формировании речевых построений. Задача донести до простого малограмотного крестьянина основы историко-философских тенденций, объяснить причины и суть происходящего в кризисный период истории России заставляет писателя искать новые пути представления информации, влечет за собой изменение формы творческой мысли и внешнего языкового облика речи. Это подтверждается анализом статей и опубликованных

записей публичных выступлений Владимира Галактионовича Короленко в 1917-1921 годах.

2-4 мая 2017 г. в газете «Русские ведомости» была опубликована статья «Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России)», выдержавшая не менее 39 изданий отдельной брошюрой, перепечатанная в различных газетах и журналах не только в России, но и в Лозанне, Берне, Берлине, Харбине, Нью-Йорке. В газете «Полтавский день» (1917, No 55, 7 марта), экземпляр которой хранится в архиве писателя: ОР РГБ, ф. 135/II, к. 43, д. 27, была опубликована речь В.Г. Короленко «Была бы жива Россия!» («Речь на митинге в Полтаве»), произнесенная 6 марта 1917 года на митинге в честь победы Февральской революции, проведенном в Полтаве 6 марта по постановлению соединенных губернского и городского общественных комитетов и Совета рабочих депутатов. Анализ данных статей позволяет отметить определенные изменения в речевом оформлении публицистических идей В.Г. Короленко.

Так, в качестве основных грамматико-стилистических и коммуникативно-прагматических параметров публицистического текста или, при ином подходе, в качестве основных приемов, характеризующих индивидуально-авторскую речевую манеру В.Г. Короленко дореволюционного периода, можно обозначить следующие формы репрезентации языковой личности: полифоническая организация повествования, активная метафоризация (как прием идейно-тематической актуализации), антитеза (как средство демонстрации антагонистичности представляемых явлений действительности). Обозначенные приемы выявляются при проведении статистического, семантического и стилистического анализа различных статей В.Г. Короленко, направленных на формирование и коррекцию общественного мнения интеллигенции, представителей тех слоев населения, которые обладают не только определенным уровнем образования, но и способностью критического осмысления действительности на основе логических, рациональных доводов.

При изменении целевой аудитории и – как следствие – коммуникативной установки публицистического выступления происходит трансформация текста. Во-первых, изменяется общая форма представления материала. Так, полифония / многоголосие как средство создания определенного диалогического пространства, в котором каждый говорящий, обладая конкретными социальными и интеллектуально-этическими характеристиками, представляет самостоятельную позицию, является одним из самых основных приемов в публицистическом творчестве В.Г. Короленко, что обосновывалось ранее. Многоголосие позволяет автору / говорящему создать атмосферу объективного многостороннего представления фактов, в которой адресат / слушатель / читатель может самостоятельно определиться со своей позицией.

Однако публичное (первоначально – устное) выступление перед аудиторией, не имеющей образования и навыков рационального анализа, не может строиться на тех же основаниях. В данном случае выступающий / автор / говорящий предстает как личность, индивидуум, напрямую разговаривающий с аудиторией. В подобной ситуации публицист не может в какой-либо степени «скрываться» за другими, он должен показывать свою позицию и демонстрировать личную ответственность за каждый выдвигаемый тезис [Шаталова 2013].

Поэтому в тексте статьи «Падение царской власти» одна авторская цитата – свидетельство шведского дипломата Мариана (4 предложения), одна ссылка на слова крестьянина Федора Богдана (1 предложение), 3 фразы, произнесенные Николаем II, и выдержка из просьбы земцев (6 предложений). Это в процентном отношении 2.5%. В тексте речи «Была бы жива Россия!» публицист цитирует манифест Николая II и строчку из письма Петра I: формально это 3 синтаксически самостоятельных предложения, т.е. ~2.8% текста. Тогда как в текстах, созданных до 1917 года, В.Г. Короленко «передает» не менее половины текста другим участникам обсуждения.

Показательным же в данный период становится прием использования вопросно-ответной формы общения с адресатом: *Что теперь происходит у нас в Полтаве? Полтава одновременно с другими городами радостно и спокойно присоединяется к новому, правда временному правительству; Что сделает армия, когда ей прикажут стрелять в народ и его избранников? Ответ не заставил себя ждать. Армия пришла к стенам Думы («Была бы жива Россия!»).*

Не менее значимым изменениям подвергается и грамматический и стилистический строй речи публициста. Сопоставление статей «Бытовое явление» и «Падение царской власти» позволяет заметить количественно-качественные изменения в использовании стилистических тропов и фигур.

Только метафоризация повествования, являясь одним из основных приемов идиостиля В.Г. Короленко, сохраняется фактически в полном объеме: в тексте статей это соответственно ~10% и ~7%. Антитеза же и олицетворение практически не используются. В устных выступлениях, опубликованных сразу же после произнесения по авторским рукописям («Была бы жива Россия!» и др.), процент использования метафоры также незначителен, как и антитезы, и олицетворения (см. Приложение №1).

Однако, ориентируясь на народное – фольклорно-мифологическое – мировосприятие народа / крестьян, В.Г. Короленко в статьях 1917-1921 годов («Падение царской власти», «Была бы жива Россия!» и др.) активно использует эпитет: в тексте данный троп представлен значительно: только количественный подсчет синтаксических конструкций, в пределах которых функционирует эпитет, дает показатель около 10% – 15%. Естественно, что в пределах одной синтаксической конструкции может использоваться несколько эпитетов одновременно. При этом обращает на себя внимание семантическая специфика используемых эпитетов: они носят традиционный для народного творчества характер и многократно повторяются, что усиливает их функциональное эмоциональное воздействие на адресата.

Эпитет признается важным элементом народнопоэтического текста, поскольку «эпитет, которым сопровождается название какого-нибудь предмета, называется постоянным... Постоянные эпитеты восстанавливают в воображении то живое, наглядное представление, которое лежит в названии предмета» [Буслаев 1959: 290]. Следовательно, использование постоянных, носящих характер литературного клише [Ахманова 2004: 231-232] эпитетов, позволяет выступающему обозначить очертания единого с адресатом смыслового пространства.

Также нужно отметить, что используемые в статье эпитеты частотны для разговорной речи крестьян. Наиболее активно используются в статье «Падение царской власти» следующие эпитеты:

великий /ое / ые – голод, бедствия, несчастье, соблазн, ослушный час, общенародное дело,

громкие – крики,

добрый / ая – слава, царь, народ,

дурной / ая /ые – люди, правда, примета, знак, советы,

ненавистные, злейшие – советники,

простой /ые – народ, люди, бурмистры,

простодушный /ые – народ, люди,

смирные – просьбы, мольбы,

смутные, неверные – слухи,

суровый, жестокий – Петр I,

темный – народ,

тихие – мольбы,

худая – слава,

хороший – день, человек.

Для текста выступления «Была бы жива Россия!» («Речь на митинге в Полтаве») характерны следующие эпитеты:

великий / ое / ая / ие – вопрос, спор, событие, война, битва, опасность, люди,

величайший – царь, расцвет самодержавия (имеется в виду Петр I),
вольный / *ые* – голоса,
гениальнейший – царь (имеется в виду Петр I),
гибельный / *ое* – недоразумение,
драгоценный / *ые* – минуты,
дурной / *ые* – советники,
могущественный – враг,
свободный – народ,
сладкий / *ие* – минуты.

Обозначенные эпитеты формируют определенную устойчивую систему образов, не просто доступную сознанию представителей народа, но и однозначно закрепленную в ценностных представлениях о действительности: народ – *простой, простодушный, свободный* и *темный* – верит в *доброе* царя, однако царские советники – *злейшие, ненавистные, дурные* – обрекают народ на голод, бедствия, несчастья, опасности *великие*, и не слышит царь просьбы и мольбы народа *тихие* и *смирные*. Подобная оценка взаимоотношений народа и власти была распространена в народной среде, поэтому публицист, способный понять это и выразить с помощью доступных слушателю образов, несомненно, заслуживал доверия. Подобные эпитеты могут быть квалифицированы как устойчивые, характерные для народно-поэтической речи. При этом нужно отметить, что использование приема постоянных эпитетов делает речь особенно выразительной, так как эпитеты в фольклоре выполняют в основном не изобразительную, а эмоционально-оценочную функцию [Лазутин 1981; Эпитет... 1980; Тумина].
 Дополнительная экспрессивность формируется использованием эпитетов-прилагательных в форме превосходной степени аналитического типа:

лучшие русские люди,
лучшие земские люди,
лучшие люди России,
лучшая молодая кровь,

*самые худшие, самые ненавистные советники,
самое важное событие русской жизни,
самая лучшая и независимая Дума,
самые скромные требования,
самые умеренные депутаты.*

Данная форма превосходной степени, с точки зрения стилистики, характерна для общеупотребительного / нейтрального стиля. При этом необходимо заметить, что, с позиций канонической грамматики, семантика прилагательных в некоторых случаях делает наличие компонента *самый* избыточным (*самый лучший*) либо не предполагает возможной смысловой сочетаемости с категориями степени (*умеренный*). Однако именно подобная избыточность делает представляемые образы наиболее доступными слушателю, обладая плеонастичностью, придает тексту некоторую просторечность [Голуб], а также способствует созданию интонации категоричности, полярности высказываемых оценок.

Можно говорить о том, что такая конструкции: «самый + эпитет» – является специфическим грамматическим клише, характерным для народной речи и использующимся наряду с клише лексико-фразеологическими: *со всех концов земли, дело рук собственных, стараться изо всех сил, угасла всякая надежда, Бог весть, с давних времен, голыми руками, залить кровью* («Падение царской власти»), *тяжкое бремя, цвет народа, лить кровь, защита родины, защищать грудью, родная земля* («Речь на митинге в Полтаве»); *солнце свободы, отдать жизнь, малейшая надежда, смертельная опасность, забыть распри, решительный час, роковая минута* («Родина в опасности») и др. (Заметим, что публицист использует речевые штампы, характерные для народной речи, акцентируя в то же время такие значимые категории народного мышления, как пространство: *со всех концов земли, родная земля* – и время: *с давних времен, решительный час, роковая минута* и др.). Обозначенный подход является характерным для речемыслительной среды народа, где эмоционально-экспрессивное восприятие реалий

действительности оформляется посредством ярких, насыщенных образов и – как следствие – перерастает в использование таких тропов, как метафора и градация.

И хотя в статьях, созданных до 1917 года, градация не проявилась как значимое средство выразительности – в сравнительной таблице она не отражена как отдельная единица исследования, процент эксплуатации градации в ряду прочих средств также незначителен, В.Г. Короленко в таких выступлениях, которое он сам обозначает как «Речь простым людям о событиях в России» или которые изначально создаются как выступления на массовых собраниях («Речь на митинге в Полтаве» и др.), не мог обойтись без градационных построений (10% синтаксических конструкций статьи «Падение царской власти» содержат градацию, «Речь на митинге в Полтаве» – 4% самостоятельных грамматических конструкций, «Родина в опасности» – 5% самостоятельных грамматических конструкций – см. Приложение №1):

*...За попытки жалоб или за простой ропот людей **сажали в тюрьмы, пытали, предавали казням;** ...Над всей Москвой **встали плач, стоны, отчаяние...**; Для этого не останавливались перед **угрозами, насилием и беззаконием;** Вы можете **сылать, казнить, усмирять, давить** свобододлюбивых людей («Падение царской власти»), Все объединены сознанием важности этой минуты и желанием **служить родине, спасти ее от неприятеля, создать ее великое мирное будущее;** Этот голос страны **рос, ширился, становился громче;** Пусть же эти **минуты станут днями, неделями, месяцами, годами!** («Речь на митинге в Полтаве»); Тревога **звучит, ширится, облетает страну** («Родина в опасности») и т.д.*

Градация как стилистический прием определяется по-разному: как «последовательное нагнетание или, наоборот, ослабление силы однородных выразительных средств художественной речи» [ЛиЭС], как «стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая последующая заключает в себе усиливающееся смысловое или эмоционально-экспрессивное значение,

благодаря чему создается нарастание, производимого ими впечатления» [ССЛТ]. Таким образом, именно градация является катализатором изменения эмоционального состояния слушателя: «Экспрессивность текста порождается коммуникативными целями автора и прагматическим назначением самого текста» [Коростова 2014: 132].

Таким образом, основным методологическим подходом формирования прагматически оправданного текста, разрешающего коммуникативную задачу разъяснения определенной ситуации и формирования конкретного отношения к происходящему народа, представителей крестьянской среды в послереволюционной публицистике В.Г. Короленко становится стилизация речи, использование образных средств, характерных для произведений фольклора и / или для повседневной речи крестьян с целью придания тексту доступности и экспрессивности.

Однако грамматико-синтаксические параметры речи публициста (естественно, в сочетании с лексико-семантическими особенностями) также меняются под влиянием коммуникативно-прагматических условий.

При изменении целевой аудитории и – как следствие – коммуникативной установки публицистического выступления происходит трансформация текста, что в целом подтверждается исследованиями современной языковой среды: «The level of language development and the degree of awareness of the specific features of the influence of language in its verbal representation not only in the scientific environment but also among ordinary speakers of the language allow us to speak about the conscious use of linguistic units (lexemes) by the native speaker in certain conditions» [Shatalova 2017: 4839]. Вместо полифонии (что ранее способствовало созданию некоего внутритекстового диалогического пространства, своеобразного объективного многостороннего представления фактов, в которой адресат / слушатель / читатель может самостоятельно определиться с идеологической позицией), публицист начинает отдавать приоритет вопросно-ответной форме речи. В данном случае выступающий / говорящий предстает как личность,

индивидуум, напрямую разговаривающий с аудиторией. В подобной ситуации публицист не может в какой-либо степени «скрываться» за другими речевыми образами («масками»), он должен показывать свою позицию и демонстрировать личную ответственность за каждый выдвигаемый тезис [Шаталова 2013]. Следовательно, вопрос должен звучать понятно, отражая прямую адресованность текста конкретной аудитории, перед которой находится говорящий, а ответ должен содержать не только фактическую информацию, но и определенную интенцию к действию. Для решения обозначенных коммуникативных задач В.Г. Короленко эксплуатирует и синтаксические, и семантические ресурсы языка.

Проанализируем некоторые примеры.

Пример №1. *«Что теперь происходит у нас в Полтаве? Полтава одновременно с другими городами радостно и спокойно присоединяется к новому, правда, временному правительству»* («Речь на митинге в Полтаве»). В данном текстовом отрывке можно выделить следующие коммуникативные компоненты:

- 1) *Что теперь происходит у нас в Полтаве?* – прямой фактический **вопрос** к аудитории;
- 2) *Полтава одновременно с другими городами ... присоединяется к новому ... временному правительству* – фактический **ответ**;
- 3) *... радостно и спокойно...* – **модальная авторская оценка** обозначаемого факта, своеобразная «подсказка» публициста о том, как именно должен воспринимать рядовой слушатель факт перехода Полтавы на сторону временного правительства;
- 4) *... правда...* – выражение сожаления автора / говорящего о том, что правительство носит временный характер.

В.Г. Короленко умело моделирует речевое пространство, в котором на внешнем уровне преобладает фактическая информация, подаваемая в доступной форме, но одновременно с помощью достаточно простых лексических маркеров (*радостно, спокойно, правда*) публицисту удается

определить оценочную направленность аудитории, задать некоторые координаты в восприятии обозначаемых фактов и формировании интенций на последующие действия.

Пример №2. *Что сделает армия, когда ей прикажут стрелять в народ и его избранников? Ответ не заставил себя ждать. Армия пришла к стенам Думы:*

1) **вопрос:** *Что сделает армия, когда ей прикажут стрелять в народ и его избранников?*

2) **ответ:** *Армия пришла к стенам Думы;*

3) **модальная авторская оценка – одобрение:** *Ответ не заставил себя ждать («Речь на митинге в Полтаве»).*

Пример №3. *Два русских соседа в траншее зорко смотрят на наступающего противника: один – республиканец, другой – конституционалист. Чем они должны чувствовать себя в эту роковую минуту? Сопратники политические в настоящем, противники – в будущем, сейчас они делают одно дело: защищают свободу родины от внешнего и внутреннего порабощения:*

1) **вопрос:** *Чем они должны чувствовать себя в эту роковую минуту?*

2) **ответ:** *защищают свободу родины от внешнего и внутреннего порабощения;*

3) **модальная авторская оценка:** *Сопратники ... они делают одно дело: защищают свободу родины ... («Родина в опасности»).*

Оценивая внутренний коммуникативный потенциал приведенных в качестве примеров высказываний, можно обратить внимание на тот факт, насколько системно и гармонично публицист использует слова («у нас», «сопратники», «народ»), словосочетания («одновременно с другими городами», «делают одно дело»), актуализирующие значимые для русского национального самосознания константы общности, единства перед лицом врага («наступающего противника», «защищают свободу родины») [Степанов 1997] (ряд примеров может быть продолжен). Выказанные от

лица общественного деятеля, известного своей безупречной честностью, порядочностью, искренним состраданием к угнетенным (то есть массам), идеи, изначально близкие миропониманию народа, получают максимальную поддержку аудитории. Таким образом, можно констатировать факт того, что В.Г. Короленко удается сохранить полностью коммуникативно-прагматический ресурс, который в текстах предреволюционного периода актуализировался за счет полифонизма речи и позволял реализовать позицию ненавязчивого просветительства, путем внешней трансформации речи – актуализации приема вопросно-ответной формы.

Коммуникативно-прагматические задачи публичных выступлений и статей В.Г. Короленко 1917-1921 годов, а также устный характер многих выступлений этого периода определили частотность использования такого приема, как парцелляция, основной функцией которой является именно экспрессивная, как обозначается в канонических лингвистических справочниках [Ванников 1965; Иванчикова 1968; Рычкова 1988]. Притом «при эмоционально нейтральном лексико-грамматическом составе предложения возможности эмоционального наполнения его структуры целиком зависят от речевой интонации. В разных речевых условиях (в литературных произведениях обычно подсказываемых контекстом) одна и та же конструкция может выражать разные эмоции. В однофразовом предложении интонация каждой части определенным образом связана в своем проявлении близостью другой и общим интонационным контуром всего высказывания» [Рыбакова 1969: 15], то есть парцелляция освобождает части от интонационной взаимозависимости, создавая условия для выражения в каждой из них (или только в одной) разнообразных эмоций и их оттенков [Боргер 2007].

В.Г. Короленко мастерски использует прием парцелляции, расставляя интонационно (при устном произношении текста) и пунктуационно-графически (при письменной фиксации) содержательно-коммуникативные акценты. В зависимости от конкретной прагматической задачи выступления

(текста) парцелляция позволяет подчеркнуть различные отношения между компонентами высказывания и, следовательно, некоторым образом передать отношение говорящего к обозначаемым фактам. Ситуация историко-политических катаклизмов выявляет такие аспекты реальной действительности, которые находятся в отношениях противостояния, несовпадения внутренних качеств (это один из экстралингвистических факторов социальной нестабильности).

Публицист, выступающий в подобных условиях, своей задачей, естественно, ставит обозначение своей (или необходимой для аудитории) линии поведения в сложившихся условиях. Канонической формой обозначения противопоставленных реалий в синтаксисе являются сложносочиненные конструкции с противительными отношениями. В.Г. Короленко для противопоставления различных социально-политических явлений / событий / сил, используя сложносочиненные предложения с противительным союзом, дополнительно применяет прием парцелляции: *При каждой перемене царствования у народа эта надежда оживала: вот этот новый царь и будет настоящий народный царь, который выслушает голос своего народа и будет царствовать по правде... Но эта мечта о царской правде неизменно обманывала; Он [Александр II] освободил крестьян, дал России новые суды и ввел выборные земские и городские учреждения. Но он не довел этого дела до конца («Падение царской власти»); Царь как будто признал этот порядок. Но у него всегда были дурные советники, которые поддерживали в нем прежнюю уверенность; Армия долго была опорой царской власти. Но и она теперь увидела, что ей приходится выбирать: или престол, или отечество («Речь на митинге в Полтаве»); Россия ликует по поводу народной победы. Но уже раздаются голоса, что пора прекратить это ликование... («Речь перед солдатами Полтавского гарнизона»).*

В приведенных примерах в первой предикативной части парцеллированного высказывания публицист обозначает факты, которые на момент выступления являются не только общепризнанными, но и

принимаемыми народными массами как незыблемые каноны. Так, факты: *Будет настоящий народный царь, который выслушает голос своего народа и будет царствовать по правде...; ...Освободил крестьян, дал России новые суды и ввел выборные земские и городские учреждения: Царь как будто признал этот порядок* – соотносятся с положением, при котором авторитет царя в глазах народа был незыблем в течение многих веков. Подобное положение, во-первых, не позволяет публицисту негативно высказываться о персоне царя, а во-вторых, определяет некий общий ценностный контент между говорящим и аудиторией.

Аналогично:

- *Армия долго была опорой царской власти* – воплощение принципа верности армии интересам государства как отражения служения интересам народа;
- *Россия ликует по поводу народной победы* – формирование положительной эмоциональной реакции, основанной на идее общенародного единства в многовековом противостоянии какому бы то ни было врагу.

Однако далее публицисту в соответствии с ситуацией необходимо обозначить аспекты, дискредитирующие сложившиеся устои и, обозначая противоположные факты во второй предикативной части приведенных в качестве примеров высказываний, В.Г. Короленко парцеллированный компонент начинает с союза «но», обладающего в русском языке особой экспрессией, поскольку в подсистеме сочинительных союзов «семантически это самый богатый компонент» [Урысон 2011: 171]. Союз «но» обладает достаточно широкой функциональностью, в том числе указывает «на нарушение некоторой жизненной закономерности» [Урысон 2011: 173]. Обозначенное семантическое свойство союза «но» определяет частотность парцеллированных конструкций в текстах публичных выступлений В.Г. Короленко революционного периода.

Используя парцелляцию в предложениях с сочинительной связью с соединительным союзом «и» и с противительным союзом «а», публицист не

столько акцентирует отношения радикального противопоставления между обозначаемыми фактами (как в конструкциях с союзом «но»), сколько передает эмоциональное восприятие говорящим передаваемого факта и формирует интенцию сомнения говорящего в адекватности и правомерности каких-либо действий оппонировавшей стороны, обозначенных ранее: *Неприятель прорвется в сердце России. А теперь это будет величайшее народное несчастье; ...Этот приказ не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров. И что этот вопрос еще только будет установлен вполне точно;* («Речь перед солдатами Полтавского гарнизона»); *На чем народ поставит, тому Россия подчинится. А для нас всех теперь наступают дни трудной работы* («Речь на митинге в Полтаве»); *Кто сеет такой ветер, тот пожнет бурю. И это оказалась правда:...* («Падение царской власти»). По мнению Урысон, союз «а» занимает «в целом промежуточное положение между НО и И» [Урысон 2011: 171], что как раз подчеркивает его более сопоставительную, чем противительную семантику, проявляющуюся и в приведенных примерах, и в целом в контексте публицистических выступлений В.Г. Короленко. Однако момент четкого сопоставления отдельных фактов не менее значим для формирования коммуникативной позиции аудитории, поэтому публицист также применяет прием парцелляции, что повышает уровень эмоциональности текста.

Парцелляция бессоюзного предложения позволяет публицисту / говорящему обозначить экспрессивно масштаб, грандиозность и неизбежность свершающегося: *За всякое слово против него, за попытки жалоб или за простой ропот людей сажали в тюрьмы, пытали, предавали казням. Народ голодал, терпел и молчал* («Падение царской власти»); *Монарх уходит. Россия остается* («Речь на митинге в Полтаве»).

Большой воздействующей силой, на наш взгляд, отличаются конструкции, эмоциональность которых создается сочетанием лексико-грамматических средств и парцелляции. Глубокая взволнованность, которой

проникнуты многие из таких построений едва ли может быть выражена без поддержки парцелляцией. Проанализируем некоторые примеры.

Пример № 1. *Старая власть отступила перед этой задачей. Новая стремится всецело к ее осуществлению* («Речь на митинге в Полтаве»): в качестве лексико-стилистических компонентов данного высказывания можно обозначить использование антонимов «старая – новая», прием антитезы – «отступила перед этой задачей – стремится всецело к ее осуществлению»;

Пример № 2. *Великих людей судьба посылает столетиями. А народ с тех пор вырос, и он требовал, чтобы его выслушали в трудную минуту* («Речь на митинге в Полтаве»): в данном высказывании публицист использует эпитет «великий», метафору «судьба посылает, народ вырос», фразеологизм «в трудную минуту»;

Пример № 3. *Об этом придется спорить. Но пусть эти споры будут споры друзей и братьев, а не врагов, пусть дело решается по согласию. И пусть воля большинства народа станет законом для всех* («Речь на митинге в Полтаве»): лексический повтор («спорить – споры – споры», «пусть, пусть пусть»), антитеза («друзей, а не врагов», «спор – согласие»), градация («споры – дело – закон») – обеспечивают пафос и убеждающую силу высказывания при ясности семантики и последовательности изложения;

Пример № 4. *Но, граждане братья, подумайте об одном: надо, чтобы дело свободы было защищено. Чтобы не пришлось сказать детям: наши отцы уже держали в руках свободу и более счастливую жизнь* («Речь перед солдатами Полтавского гарнизона»): можно выявить такие средства речевой выразительности, как метафора «дело свободы было защищено, держали в руках свободу», риторическое обращение «граждане братья, подумайте». В данном высказывании можно отметить парцелляцию сложноподчиненного предложения. При этом парцелляция однородного компонента СПП актуализирует прагматическую установку на то, чтобы слушатели оценивали значимость принимаемого в настоящем решения для будущего, его влияние на судьбу будущих поколений, что также является одним из ключевых

аспектов «мысли народной», если использовать терминологию великого русского писателя и философа Л.Н. Толстого.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при изменении коммуникативно-прагматических условий и характеристик целевой аудитории, В.Г. Короленко изменяет систему приоритетных приемов построения речи, делая акцент на использовании таких приемов, как вопросно-ответная форма и парцелляция синтаксических конструкций, что обеспечивает экспрессивность публичного выступления и позволяет автору проявить основные личностные интенции: заинтересованность в разрешении значимых социально-исторических проблем, объективность в оценивании реалий действительности, эмоциональность и искренность, диалогичность в представлении авторской позиции. То есть в публицистике кризисного периода В.Г. Короленко однозначно выявляется грамматико-стилистическая адаптация публицистического текста в соответствии с коммуникативно-прагматической ориентированностью на адресата.

Дополнительным аргументом в пользу того, что изменение стиля речи В.Г. Короленко в статьях революционного периода определяется именно прагматической установкой на восприятие специфической массовой аудитории, становится факт того, что созданные в то же время публицистические тексты, адресованные читателю-оппоненту по своему языковому оформлению не отличаются от статей, написанных до революции (в конце XIX – начале XX вв.).

Так, статья «Горжество победителей», опубликованная в «Русских ведомостях» от 3 декабря 1917 г. (№265) в качестве ответа на статью А.В. Луначарского «Сретенье» («Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 17 ноября 1917 г.), характеризуется приоритетным использованием таких стилистических тропов, как антитеза (~4%), метафора (~9%), олицетворение (~3%), что в целом совпадает с параметрическими данными общего стилистического почерка В.Г. Короленко (см. Приложение №1). На наш

взгляд, это обусловлено тем, что статья «Горжество победителей» – это, во-первых, прямое обращение к «министру-комиссару Луначарскому», которого сам В.Г. Короленко характеризует как критика, способного отличить слово истинного писателя от словотворчества ориентированного на властные структуры «перебежчика от литературы». А во-вторых, основным адресатом данной статьи однозначно является не простой народ, не знакомый с перипетиями дореволюционной публицистики, а та часть читательской аудитории, которая хорошо знакома с ситуацией в журналистике последних десятилетий (на момент речи) и имеет достаточно высокий уровень образования для понимания авторской риторики.

Однако, как уже отмечалось, В.Г. Короленко не нарушает своих основных принципов оценивания и подачи информации, поскольку, выступая перед крестьянами, действует искренне, не «заигрывает» со слушателем, не пытается «стать своим». Его в данном случае «народный язык» – не средство установления панибратских отношений. Так как публицист все-таки сохраняет позицию просветителя, то среди основных коммуникативных параметров образцовой языковой личности публициста можно обозначить и «идейную терпимость, уважительное отношение к мнению другого, к позиции собеседника», и «ненавязчивое просветительство» [Шаталова 2012: 121]. И хотя публицист стоит ступенью выше простого неграмотного крестьянина, но именно в силу осознаваемых преимуществ образования и культуры обязан отвечать за морально-нравственное состояние народа. В этом состоит особая, добровольно на себя принятая, миссия русского интеллигента.

Выводы по II главе

1. Специфика развития и функционирования публицистической среды определяет значимость стилистической маркированности текстов, позволяющих активно воздействовать на массовую аудиторию. Метод

формально-статистического анализа статей В.Г. Короленко, созданных в разные периоды его профессиональной деятельности (до 1917 г.), позволил выявить приоритетные для речевой манеры публициста стилистические тропы: антитезу, метафору и олицетворение.

2. Антитеза, являясь одним из ключевых принципов восприятия действительности в русской культуре / русскоязычном сознании, в сочинениях В.Г. Короленко выполняет сложную функцию контрастного обозначения явлений действительности, проявляясь на всех уровнях организации текста – от формального соотношения заголовка и подзаголовка статей до подтекстового противостояния идеологических констант, представляемых разными речевыми позициями. В.Г. Короленко выстраивает комплексную антитезу, в которой выстраивается противостояние жизни и смерти; гуманности, милосердия и репрессий, жестокости; правды, справедливости и лжи, притворства, проявляющиеся на всех уровнях организации социальной действительности. В речи же публициста обозначенные оппозиционные отношения подчеркиваются формальной оппозицией языковых явлений на всех уровнях:

- на лексико-семантическом – это использование ярких антонимов и оксюморонных сочетаний;
- на словообразовательном – формирование словоформ, не соответствующих нормам как языка, так и когнитивно нейтрального восприятия явлений, что, в свою очередь, вызывает чувство дисгармонии при восприятии текста;
- на синтаксическом – эксплуатация ССП и БСП с противительными отношениями, парцеллирование конструкций, использование форм неполного предложения, что контекстно создает ситуацию формального обрыва между последовательно излагающимися фактами.

3. Антитеза в текстах В.Г. Короленко, которая достаточно категорично показывает читателю неестественные, по мнению публициста, особенности структурирования действительности, учит современного человека

анализировать принципы функционирования современной социально-политической системы на опыте истории и публицистики. А это что существенно для развития социально активной личности.

4. Метафора, по сложившейся в научной парадигме системе квалификации, представляет своего рода микромодель. Она является выражением индивидуально-авторского видения мира, которое в то же время непосредственно связано с образным восприятием народа, закрепленным в языке. Значимым фактором использования метафоры в публицистике является о функционировании метафоры в языковой практике является предположение о том, что метафора способна влиять на процесс принятия решения при совпадении образной системы автора-публициста и воспринимающей аудитории. Использование метафоры позволяет В.Г. Короленко перенести объективное обсуждение формальных социальных проблем и конкретных мер в сферу абстрактного обсуждения морально-нравственного состояния общества в целом, взаимодействия личности и общества.

5. Сочетание в рамках одного высказывания, оформленного как отдельное предложение (синтаксическая единица), метафоры с другими тропами и фигурами позволяет публицисту не только эмоционально-образно уплотнить текстовую ткань, но и дополнительно координировать восприятие аудитории предлагаемой информации, поскольку такие средства выразительности, как сравнение, эпитет, градация обладают значительной внешней «проявленностью», предметностью изображения, что в определенных ситуациях способствует доступности текста.

6. Олицетворение абстрактных понятий, часто обозначаемое также как персонификация, обладает высоким изобразительным потенциалом. В публицистических статьях В.Г. Короленко посредством привлечения разнообразных грамматических и синтаксических средств «олицетворяет» абстрактные явления, что позволяет охарактеризовать их как обладающие определенными признаками, способные совершать разнообразные

материализованные и нематериализованные действия. Подобный подход усиливает эмоциональное восприятие адресата передаваемой информации.

7. В.Г. Короленко умело оперирует образной системой русской национальной культуры и создает с помощью олицетворения концептуально близкое представление о различных значимых для русского человека явлениях (*Россия, земля* и др.).

8. В современных научных исследованиях активно обозначается возможности полифонии в сфере публицистики, так как полифония рассматривается как средство эффективного прагматического воздействия, которое политики и общественные деятели посредством СМИ оказывают на аудиторию. В.Г. Короленко на основе принципа полифонии создает в пространстве текста цельную коммуникативную позицию – единый «голос», который формально в тексте реализуется множеством различных конкретных реализаций. Таким способом достигается убедительность представляемой позиции (например, *СМЕРТНИК – это один приговоренный, автор писем, Хорн, Карамышев, Шуримов, Евгений Маврофриди, Коля Котель* и др., *ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА – это Тарас Бульба, древние греки, безымянные швейцарец и старый уральский казак* и др.). Каждая коммуникативная позиция / «голос» формируется специфическими лексическими и грамматико-синтаксическими средствами.

9. В полифоническом публицистическом дискурсе В.Г. Короленко выделяются 4 знаковые коммуникативные позиции / «голоса», обладающие специфическим мировосприятием, которое выражается в их оценках различных ситуаций и универсальной для данных позиций языковой репрезентацией в разных статьях: воображаемый собеседник, человек из народа, авторитетное лицо, автор.

10. Индивидуально-авторская позиция публициста, выступающего в текстах, созданных В.Г. Короленко, достаточно четко проявляется на различных уровнях языковой репрезентации: вербально-семантическом, грамматико-синтаксическом, семантико-стилистическом. Характерной

языковой чертой речи автора-повествователя становится использование эмоционально окрашенной лексики вне приемов стилистической выразительности, тогда как формировании других «голосов» используется в большей степени нейтральная лексика. Грамматико-синтаксическая организация речевого воплощения образа автора также обладает спецификой.

11. При изменении условий В.Г. Короленко пересмотрел формат своей прагматической деятельности, переориентировав силу публицистического таланта на урегулирование отношений между народными массами и новой (революционной) властью, поскольку считал необходимым способствовать развитию мира и добра для многострадального населения России. Изменение целевой аудитории – от образованной интеллигенции к непросвещенным народным массам, способа представления информации – от опубликованных статей к устным речам на площадях, требуют от публициста качественного пересмотра реестра языковых средств, позволяющих максимально быстро и продуктивно донести информацию до аудитории. В сложившихся условиях В.Г. Короленко меняет форму диалогического взаимодействия с аудиторией – от полифонии к вопросно-ответной форме, и актуализирует стилистические тропы, характерные для фольклорной картины мира – эпитет, градацию.

12. В.Г. Короленко в выступлениях «нового времени» языковыми средствами моделирует речевое пространство, в котором на внешнем уровне преобладает фактическая информация, доступная пониманию аудитории, а в подтексте формируется оценочная направленность аудитории, задаются координаты в восприятии обозначаемых фактов, что и определяет публицистическую продуктивность текстов В.Г. Короленко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спектральный анализ тенденций современной гуманитарной среды позволяет выявить наиболее актуальные научные дисциплины и направления лингвистической науки, которые в целом направлены на изучение и развитие личности, то есть носят антропоцентрический характер. По мнению ученых-филологов, координировать изучение личности в рамках различных научных дисциплин призвана персонология.

Персонологические исследования напрямую соотносятся с теорией языковой личности, что позволяет выявить неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость говорящей личности, предъявляющей обществу свое миропонимание, и особенностей функционирования общества. Выявление закономерностей обозначенного взаимодействия приобретает особую прагматическую обусловленность, если обратиться к личности публициста – писателя и / или общественного деятеля, так как существует потребность определения черт публициста образцового типа, речь которого соответствует параметрам современного литературного языка и может служить ориентиром для моделирования речевого поведения.

Анализ специальной лингвистической литературы позволяет оценить основные принципы исследования языковой личности, основные из которых были выработаны такими учеными XX – начала XXI вв., как В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик. В основу прагматического исследования особенностей языковой личности публициста в представленном диссертационном исследовании была положена трехуровневая структура языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым. Однако исследование лексико-семантического и когнитивного уровней организации личности публициста (на основе методик, предложенных в работах Ю.Н. Караулова, А.В. Бондарко, З.Д. Поповой, В.И. Карасиком, А.М. Шахнарвича, Г.И. Богина, В.В. Красных и др.) в данной работе было дополнено исследованием специфики синтаксической организации языковой личности и изучения элементов

стилистики, проявляющихся в речи (что было обосновано в исследованиях О.В.Шаталовой, Е.В. Урысон, Г.Ф. Самигулиной, К.Ф. Лыкова и др.).

Личность Владимира Галактионовича Короленко представляет интерес для исследователя в современных условиях в связи с такими проблемами, как: история развития публицистики, актуализация вопросов, связанных с формированием национального самосознания, самоопределения, специфика языковой реализации личности, ведущей общественно-политическую деятельность в соответствии с образцовыми нормами литературного языка и требованиями продуктивной коммуникации.

В соответствии с концептуальными идеями Ю.Н. Караулова о возможности вербального проявления морально-нравственных и интеллектуальных характеристик личности можно обозначить **ценностные ориентиры** В.Г. Короленко: истина, свобода, добро, – определить **специфику** его **мировоззрения**: борьба против произвола и деспотизма власти, за справедливость и права низовых слоев общества, – охарактеризовать **познавательные способности** публициста: выдающийся художник слова и исследователь действительности, тонкий наблюдатель, способный к анализу и общению. Естественно, что представленные личностные характеристики В.Г. Короленко не могли не повлиять на формирование его профессиональных качеств.

В результате исследования биографии и практической деятельности Владимира Галактионовича Короленко по его личным записям, мемуарным свидетельствам современников, материалам, представленным в исследованиях ученых – историков и филологов, были выделены основные персонологические черты личности В.Г. Короленко-публициста:

5) эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности;

б) актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя;

- 7) диалогическая направленность речи;
- 8) четкость обозначения авторской позиции.

Обозначенные черты вербальной реализации / лингвистического поведения / языкового проявления личности В.Г. Короленко репрезентируются посредством конкретных языковых средств.

В структуре языковой личности публициста одним из основополагающих средств является образно-стилистический ресурс языка. В текстах В.Г. Короленко приоритетными приемами, несущими значимую смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку, являются антитеза, метафора и олицетворение. Так, публицист формулирует в своей публицистике комплексную антитезу, в которой на разных уровнях выстраивается противопоставление жизни и смерти; гуманности, милосердия и репрессий, жестокости; правды, справедливости и лжи, притворства. Эти противопоставления реализуются и на уровне организации общественно-политических институтов: свобода личности и произвол власти; социальная отсталость и передовой образ мысли; новый и старый (исторический) способ организации действительности в России; война и мир; человечность и жестокость; добро и зло, в своих рассуждениях обозначая данные приоритеты как признаки объективной оценки действительности.

Метафора в публицистическом тексте формирует максимальную экспрессивную компрессию и, определяя общий образный формат публициста и адресата выступлений, способствует установлению коммуникативных связей. Также метафора, создавая некую обобщенную модель конкретной социально-политической ситуации, проблемы, позволяет вписать обсуждаемую проблему в комплексную систему восприятия жизни. Подобный подход делает этот отдельный вопрос частью сознания, мышления человека и народа, что, несомненно, способствует его актуализации и объективированности в сознании адресата.

Объективированности и образности представления публицистических идей для адресата способствует также использование приема олицетворения, с помощью которого публицист придает эмоционально-экспрессивный вид

описанию и оцениванию абстрактных понятий, которое осуществляется В.Г. Короленко посредством использования разнообразных грамматических и синтаксических средств формирования высказывания.

Отдельной формой использования приема олицетворения как стилистического тропа, направленного на формирование эмоционального отклика, является прямая персонификация объектов материального мира, предметов, которые служат воплощением каких-либо негативных явлений социально-политической действительности.

Таким образом, антитеза, метафора и олицетворение, являясь основными стилистическими приемами текстообразования, с одной стороны, и объективируя особенности мышления публициста, его мировосприятия, с другой стороны, позволяют не только обозначить общие с адресатом принципы восприятия действительности, но и объективировать такие личностные особенности В.Г. Короленко, как эмоциональность восприятия реальной действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные явления действительности и актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя.

Ценностные ориентиры В.Г. Короленко, подкрепленные его мировоззренческой позицией и спецификой реализации познавательных способностей (оперируя терминологией Ю.Н. Караулова), определяют один из ключевых подходов, реализующихся во всех произведениях публициста. Это направленность на общение с адресатом, стремление донести мысль до аудитории, сделать обсуждение максимально продуктивным и объективным в восприятии слушателей / читателей любого социального положения, уровня образования и развития культурно-эстетического чутья. Для достижения этих целей В.Г. Короленко использует прием формирования полифонического пространства. В обсуждении любой актуальной проблемы в статьях В.Г. Короленко представлено, как правило, значительное количество «голосов» / позиций – участников, свидетелей, случайный со-участников и пр. Однако в целом в полифонии В.Г. Короленко можно вычленить 4 – ключевых позиции,

формирующие своеобразные «опорные идеологические лейтмотивные образы»:

- 1) воображаемое лицо / собеседник,
- 2) человек из народа,
- 3) авторитетное лицо,
- 4) автор-повествователь.

Каждая позиция, «озвученная» множеством «голосов», убедительно выстраивает ситуацию относительного коммуникативного баланса, в котором воображаемое лицо / собеседник выступает в качестве внешнего адресата, своеобразного провокатора дискуссии, обобщенный «голос» человека из народа призван обозначить проблему на более простом уровне для читателя, не обладающего значительной начитанностью и образованностью, авторитетное лицо – позиция, которая призвана актуализировать обсуждаемую проблему для интеллигентной аудитории. В таком соотношении особенно убедительно выглядит позиция автора-повествователя, который последовательно обращается к разным позициям и взглядам, чтобы наиболее объективно представить свою позицию, либо опровергая мнения, не совпадающие с его убеждениями, либо подкрепляя свое мнение обращением к признанным авторитетам. Характеристика каждой из представленных коммуникативных позиций может быть дана на уровне специфической для данной позиции лексики, на уровне преобладания тех или иных синтаксических конструкций, на уровне присутствия уникальных речевых маркеров в речевой структуре того или иного «голоса / позиции».

Так, при реализации позиции «воображаемое лицо / собеседник» В.Г. Короленко частотно использует следующие языковые конструкции: неосложненное ПП, построенные на основе двусоставной грамматической основы, СПП и ССП минимальной конструкции, также для данной речевой позиции характерна нейтральная лексика с вкраплениями разговорных слов.

Для речи «человека из народа» характерны высказывания, построенные на основе ПП, однако частотно обращение к собеседнику.

Синтаксическая организация высказываний «авторитетного лица» отличается активным использованием простых предложений, осложненных однородными членами, сравнительным оборотом, а также СПП различного типа. В этом проявляется стремление публициста подчеркнуть более сложную природу речи говорящего, что свидетельствует о более высоком уровне образования и более сложной системе восприятия, анализа и оценивания действительности (в сравнении с другими речевыми позициями); в составе лексики представлены термины, присутствует аллюзия на определенные культурные явления.

Обозначенные коммуникативные позиции / «голоса» / роли в текстах В.Г. Короленко вступают во взаимодействие с индивидуально-авторской позицией публициста. Речевой портрет автора получает наиболее четкую языковую репрезентацию, однако гармонично вписан в канву публицистического дискурса, выстраиваемого на основе полифонии.

Специфическими показателями речевой реализации образа автора в публицистике В.Г. Короленко становятся следующие. На вербально-семантическом уровне репрезентации языковой личности речевая позиция Автора отличается активным использованием эмоционально-оценочной лексики, имеющей стилистическую характеристику «книжное, высокое, поэтическое». В.Г. Короленко использует слова с подобной окраской, преследуя разные коммуникативные цели: для обозначения значимости обсуждаемой проблемы как для отдельной личности, так и для общества в целом; для передачи особого драматизма положения; для передачи горькой иронии, с которой автор-повествователь вынужден констатировать какие-либо факты социального неурядиства или общественно одобряемой / не порицаемой несправедливости.

Неологизмы В.Г. Короленко на первый взгляд внешне создают впечатление сложности обозначаемых явлений, т.е. значительности, существенности. В то же время публицист использует авторские окказионализмы с целью демонстрации своего личного неприятия обсуждаемых явлений, подчеркивая их неадекватность принципам гуманизма

и прогрессивного развития, в том числе, путем актуализации внутренней десемантизации неологизма.

Использование экспрессивно окрашенных слов, в том числе окказиональных неологизмов, обладающих безусловной образностью, сочетается в речи публициста с такими стилистическими тропами и фигурами, как метафора и антитеза, что характерно в целом для текстов В.Г. Короленко, хотя, естественно, при реализации коммуникативной позиции автора проявляется в максимальной степени. Однако специфичным маркером в сравнении с языковым оформлением других коммуникативных позиций в речи автора являются приемы лексического повтора и иронии.

На уровне грамматико-синтаксической организации языковой личности при реализации речевой позиции автора В.Г. Короленко использует конструкции, которые являются приоритетными для русскоязычной языковой личности: простое неосложненное предложение, ПП, осложненное однородными членами, сложноподчиненное предложение, СПП с придаточным изъяснительным. Однако специфику и речевую «опознанность» «голосу» автора придают такие конструкции, как осложненное вводными словами ПП, осложненное обособленным определением ПП, осложненное уточнением ПП, осложненное приложением ПП. В использовании предложений с вводным компонентом проявляется желание четко обозначить собственную позицию (посредством введения модальной оценки), в том числе в сравнении с другими «голосами» полифонического текста. Простое предложение с обособленным определением в речи В.Г. Короленко позволяет выстроить прагматическую многофункциональность: возможность передать несколько фактов в пределах одной грамматической конструкции, обозначить авторскую позицию, выразить дополнительную экспрессию. Уточняющие обороты со значением времени и места в текстах В.Г. Короленко получают дополнительную коммуникативно-прагматическую нагрузку в виде апелляции к читателю, формального или эмоционального включения читателя в пространство текста. ПП, осложненное приложением, позволяет

говорящему лицу (автору) выразить свое отношение к обозначаемому предмету или лицу, что становится дополнительным средством экспрессии речи и диалогизации текста.

Объективное выявление и характеристика речевых параметров языковой личности В.Г. Короленко-публициста требует уточнения, обусловленного экстралингвистическими факторами. Изменение социально-политической ситуации в России после Февральской революции 1917 года определило изменение направления общественно-публицистической В.Г. Короленко. Цель критики и коррекции существующего режима для самим Владимиром Галактионовичем была заменена на идею просветительского объяснения реалий действительности простому гражданину, который неожиданно для себя стал участником масштабных исторических преобразований.

Изменение типа аудитории и прагматической установки выступления приводит к трансформации основ текстовой организации. Естественно, изменяется общая форма представления материала. Так, полифония / многоголосие как ситуация объективного многостороннего представления фактов, в которой адресат может самостоятельно определиться со своей позицией, уступает место приему вопросно-ответной формы речи.

Эпитет и градация актуализируются в речи публициста в ущерб антитезе и олицетворению (возможно, значимую роль в этом сыграли коммуникативные установки на урегулирование, гармонизацию действительности, что было бы невозможно при категоричном обозначении противопоставленных явлений действительности).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при изменении коммуникативно-прагматических условий и характеристик целевой аудитории, В.Г. Короленко изменяет систему приоритетных приемов построения, сохраняя при этом основные личностные интенции: заинтересованность в разрешении значимых социально-исторических проблем, объективность в оценивании реалий действительности, эмоциональность и искренность, диалогичность в представлении авторской

позиции. То есть в публицистике кризисного периода В.Г. Короленко однозначно выявляется грамматико-стилистическая адаптация публицистического текста в соответствии с коммуникативно-прагматической ориентированностью на адресата.

Морально-нравственные и интеллектуальные характеристики В.Г. Короленко			
ценностные ориентиры	специфика мировоззрения	познавательные способности	
истина, свобода, добро	борьба против произвола и деспотизма власти, за справедливость и права низовых слоев общества	выдающийся художник слова и исследователь действительности, тонкий наблюдатель, способный к анализу и общению	
Персоналогические черты личности В.Г. Короленко-публициста			
эмоциональность восприятия действительности и экспрессивная реакция на социально-политические и морально-нравственные реалии	актуализация и объективированность обсуждаемой проблематики для адресата / читателя	диалогическая направленность речи	четкость обозначения авторской позиции
Языковые средства репрезентации личностных и профессиональных характеристик В.Г. Короленко			
полифония текстового пространства // <i>вопросно-ответная форм изложения</i>			
<i>антитеза // градация</i>			
<i>олицетворение // эпитет</i>		ирония	
метафора			<i>парцелляция</i>
использование эмоционально-окрашенной лексики			
окказиональная лексика			
ПП, осложненное обособленным определением	ПП, осложненное уточнением	ПП, осложненные вводными словами	
ПП, осложненное приложением			

Таким образом, поставленные в данном диссертационном исследовании задачи разрешены, цель достигнута, однако личность Владимира Галактионовича Короленко – публициста и общественного деятеля – является значимой для развития социально-культурного и историко-философского развития современного общества, поэтому требует дальнейшего системного исследования и описания с позиций различных научных дисциплин и, прежде всего, лингвистики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева, В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности (на материале творчества Л.Н. Толстого): автореф. ... дис. канд. филол. наук / В.Е. Алексеева. – М., 2009. – 26 с.
2. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (На материале креализованных текстов): учеб пособие для студентов факультетов иностранных языков вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: «Академия», 2003. – 128 с.
3. Аристархова, О.С. Языковые особенности дневников русских философов / О.С. Аристархова. АКД. – М., 2014.
4. Аристотель. Поэтика / Аристотель. Пер., введ. и примеч. Н.И. Новосадского. – Л., 1927. // Lib.ru [Дата обращения: 1.12.2015 г.]
5. Артюшков, И.В. Односоставные номинативные предложения во внутренней речи персонажей в художественной литературе / И.В. Артюшков // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н. Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2006. – С. 64-67.
6. Артюшков, И.В. Безличные и инфинитивные предложения во внутренней речи как средство изображения модально-волевой сферы персонажей / И.В. Артюшков // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 1. – С. 7-13.
7. Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение) / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
9. Баранов, А.Н. Предисловие редактора / А.Н. Баранов // Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.9-23.

10. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
11. Барлас, Л.Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей / Л.Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 256 с.
12. Белоусова, А.Е. Речевой портрет через призму теории полифонии М.М. Бахтина / А.Е. Белоусова // Вестник МГЛУ. Выпуск 14 (593). 2010. – С. 9-14.
13. Блохин, В.В. «...Все-таки впереди огни»: реформаторский демократизм В.Г. Короленко / В.В. Блохин // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. №4. – С. 25-36.
14. Богин, Г.И. Концепция языковой личности: автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Г.И. Богин. – М., 1982. – 36 с.
15. Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – 219 с.
16. Боргер, Я.В. Парцеллированные конструкции как показатель речевой интенции адресанта / Я.В. Боргер // Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н.С. Валгиной. – М.: МГУП, 2007. – С. 39-44.
17. Бочарова, С.Н. Жанр повести в творчестве В.Г. Короленков контексте эстетических исканий рубежа XIX-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Бочарова. – М., 1994. – 131 с.
18. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 624 с.
19. Бутгаева, А.М. Выбор между мультикультурализмом и национализмом как проблема полиэтнического общества / А.М. Бутгаева // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 42. – С.84-90.
20. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – 653 с.

21. Ванников, Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Ю.В. Ванникова. – М., 1965. – 39 с.
22. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
23. Виноградов, В.В. Бодуэн де Куртенэ И. А. / В.В. Виноградов // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию / В.В. Виноградов, И.А. Бодуэн де Куртенэ. Том I. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 384 с.
24. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов // Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
25. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.: учебник / В.В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982. – 528 с.
26. Витт, Н.В. Речь и эмоции: учебное пособие к спецкурсу по психологии / Н.В. Витт. – М.: МГПИИЯ, 1984. – 76 с.
27. Власкова, М.В. Языковая личность, ее структура: некоторые мнения и оценки / М.В. Власкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2009. №4 (2). – С.21-23.
28. Воронович, О.Ф. Проблема читателя в творчестве В.Г. Короленко / О.Ф. Воронович. АКД. – Харьков, 1992. – 200 с.
29. Воскресенская, С.Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: дис. ... канд. филол. наук / С.Ю. Воскресенская – Тверь, 2007. – 149 с.
30. Гаврилова, М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов / М.В. Гаврилова // Политическая экспертиза: Политекс. – 2006. – №1. – Т.2. – С.98-108.

31. Гальцова, Д.Н. Коммуникативные особенности языковой личности диалектоносителя / Д.Н. Гальцова // КОНГРЕСС МАГИСТРАНТОВ – 2018: материалы Международной научно-практической конференции интегративного характера / Под общ. ред. О.В. Шаталовой. – Липецк, 2018. – 233 с. – С.163-165.

32. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

33. Гиоева, Л.Н. Антитеза и ее роль в линейных и вертикальных структурах художественного текста / Л.Н. Гиоева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. №3. – С. 131-134.

34. Глушкова, Н.М. Сравнительно-сопоставительное изучение лингво-культурного типажа как аспекта языковой личности (на материале лингвокультурного типажа «друг» в англо- и испаноязычных художественных произведениях): дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Глушкова. – Челябинск, 2015. – 210 с.

35. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка: учебное пособие / И.Б. Голуб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru> [Дата обращения: 22.08.2015 г.]

36. Горький А. М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 15. – М., 1955. // Lib.ru [Дата обращения: 14.11.2014 г.]

37. Горький, А.М. Время Короленко / А.М. Горький // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 131.

38. Грачева, Н.В. Лексико-грамматические особенности речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере текста оригинальных выступлений В. Путина) / Н.В. Грачева // Научный журнал «Апробация». – 2015. – №7 (34). – С.21-23.

39. Грот, Я.К. Филологические разыскания / Я.К. Грот. – СПб, 1899. // Lib.ru [Дата обращения: 3.12.2016 г.]

40. Гурьянов, А.С. Диалог М. Бахтина в коммуникативном, культурологическом и экзистенциальном измерениях / А.С. Гурьянов //

Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2011. – №2 (9). – С. 103-110.

41. Гусейнова, Т.С. Определение содержания дискурса / Т.С. Гусейнова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13 (194). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 26-33.

42. Даль, В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа / В.И. Даль. – СПб., 1997.

43. Данюк, А.Н. Основные принципы публицистической деятельности В.Г. Короленко / А.Н. Данюк, И.П. Щерблыкин // Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции (Пенза, 24-26 сентября 2014 г.); под ред. доц. Е.К. Рева. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 126 с. – С. 16-19.

44. Дмитриева, Е.Е. Метафора и метонимия в текстах петербургских газет / Е.Е. Дмитриева // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2015. XVII Всероссийская научная конференция: сборник научных трудов. – СПб., 2016. – С. 327-331.

45. Дробышевская, Д.А. Характер влияния стилей семейного воспитания на взаимодействие родителей и детей / Д.А. Дробышевская, Г.А. Качан // IX Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Витебск, 2015. – С. 299-301.

46. Елистратова, К.А. Поликодовая языковая личность поэта: лингвосемиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К. А. Елистратова // Научный диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 137–147.

47. Ефимов, А.И. Стилистика художественной речи / А.И. Ефимов. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 248 с.

48. Жилиякова, Н.В. Обсуждение профессиональных ценностей журналиста в переписке Ф.В. Волховского и В.Г. Короленко / Н.В. Жилиякова

// Журналистский ежегодник. – 2014. – С. 38-42. // cyberleninka.ru [Дата обращения: 15.02.2017 г.]

49. Завельская, Д.А. Смысловое и художественное единство текста в произведениях В.Г. Короленко: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Завельская. – М., 1999. – 187 с.

50. Залогина, Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского): дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Залогина. – СПб., 2004. – 180 с.

51. Замилова, А.В. Лингвосоционическое моделирование русской языковой личности: на материале интернет-блога: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Замилова. – Кемерово, 2013. – 26 с.

52. Зеленская, В.В. Репрезентативная сущность языковой личности в коммуникативном аспекте реализаций / В.В. Зеленская. АДД. – Краснодар, 2000. – 32 с.

53. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – Москва – Воронеж, 2001. – 429 с.

54. Иванова, О.И. Концептообразующие особенности образа Амги в «Истории моего современника» В.Г. Короленко / О.И. Иванова // Девятые Короленковские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию юбилею. – Глазов, 2013. С.26-31.

55. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дис. .... д-ра филол. наук / Е.В. Иванцова. – Томск, 2002. – 395 с.

56. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие с грифом УМО / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – 160 с.

57. Иванчикова, Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции / Е.А. Иванчикова // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис. Современный русский литературный язык. – М., 1968.

58. Ильин, М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. – М., 1997. – 432 с.
59. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
60. Иссерс, О.С. Речевое воздействие / О.С. Иссерс. – М.: Наука, 2011. – 224 с.
61. Казакова, О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Казакова. – Томск, 2004. – 241 с.
62. Калентьева, Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода / Т.Л. Калентьева – Иркутск: ИГУ, 1998. – 176 с.
63. Каракуц-Бородина, Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: Лексический аспект. На материале русскоязычной прозы: дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Каракуц-Бородина. – Уфа, 2000. – 247 с.
64. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
65. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. С. 3-8.
66. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов.– М.: УРСС, 2003. – 264 с.
67. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1988. – 223 с.
68. Колесов, В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2013. – 248 с.
69. Комиссарова, Л.М. Лингвосоциологическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений А. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака) / Л.М. Комиссарова: дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Комиссарова. – Барнаул, 2002. – 205 с.

70. Корешкова, М.Е. Полифония: от музыки к литературе / М.Е. Корешкова // Культурология: Дайджест. – 2002. – N 3 (23). – С. 107-116.
71. Корнилова, Л.А. Лексико-семантический анализ антитезы в сонетах В. Шекспира / Л.А. Корнилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. №1 (1): в 2-х ч. Ч.1. – С.104-108.
72. Коростова, С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография / С.В. Коростова. – Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2014. – 224 с.
73. Корюкина, Е.С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках / Е.С. Корюкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №5(1). С. 300-303.
74. Кочергина, И.В. В.Г. Короленко и литературная критика и журналистика конца XIX века: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Кочергина. – М., 1997. – 236 с.
75. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
76. Кривченко, Т.А. Психологические особенности использования индивидуального тезауруса внешности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Кривченко. – М., 1992.
77. Кройчик, Л.Е. Публицистический текст как дискурс / Л.Е. Кройчик // Акценты. Новое в средствах массовой коммуникации. – Воронеж, 2002. №5-6.
78. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – 419 с. – С. 141-169.
79. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. № 1. – С.6-17.

80. Кудинова, Т.А. Просторечие и диалект в языке А.П. Чехова (К характеристике языковой личности писателя): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Кудинова. – Краснодар, 2000. – 24 с.

81. Кузнецов, И.Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. по следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи / И.Н. Кузнецов // Вестник архивиста. – 2013. – №3 (123). – С. 215-226.

82. Кулишова, Н.Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик: дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Кулишова. – Краснодар, 2001. – 147 с.

83. Куприна, С.В. Устная и письменная монологическая речь одного лица / С.В. Куприна. – Саратов, 1998. – 186 с.

84. Лавринова, Н.И. Коммуникативно-речевые стратегии и тактики как стилеобразующий фактор в политическом интервью / Н.И. Лавринова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2015. – №30. – С.225-231.

85. Лаврова, И.Н. Речевой портрет ученого / И.Н. Лаврова // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. – С. 231-236.

86. Лазутин, С.Г. Поэтика русского фольклора / С.Г. Лазутин. – М.: Выс. шк., 1981. – 221 с.

87. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

88. Леденёва, В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: Средства номинации и предикации: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Леденёва. – М., 2000. – 481 с.

89. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул, Кемерово, 2006. – 435 с.
90. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. – Кемерово, 2009. – 383 с.
91. Лось, И. Бодуэн де Куртене Иван Андреевич / И. Лось // «Энциклопедический словарь Брокгауза и – Ефрона» // www.gatchina3000.ru/ [Дата обращения: 15.02.2015 г.]
92. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Online]/ Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998.– С.14-285. // www.gumer.info [Дата обращения: 24.02.2015 г.]
93. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 336 с.
94. Лыков, К.А. Фрагмент языкового портрета В. Познера: синтаксис, прагматика / К.А. Лыков. АДД. – Волгоград, 2015. – 21 с.
95. Лютикова, В.Д. Языковая личность: Идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук / В.Д. Лютикова. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.
96. Ляпон, Н.В. Языковая личность: Поиск доминанты / Н.В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Ин-т русского языка РАН. – М., 1995. – С. 260-276.
97. Магомедова, Д.М. Понятие «голоса» в эстетике М.М. Бахтина / Д.М. Магомедова // Новый филологический вестник. – 2005. – №1. – С. 194-201.
98. Марков, А. Личность за личностью / А. Марков // Новое литературное обозрение. – 2008. – №5. – С.343-348.
99. Маслова, В.А. Коды лингвокультуры: учебное пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
100. Мельник, Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка / Н.В. Мельник. – М., 1999. – С.200-207.

101. Минькова, Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (по материалам Б. Акунина) / Н.Н. Минькова. – М., 2005. – 175 с.

102. Мурашов, А.А. Личность и речь: эпоха кризисов: учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2005. – 504 с.

103. Наумова, Т.В. Влияние детско-родительских взаимоотношений на формирование личности подростка / Т.В. Наумова // Психология и педагогика: методика и проблематика практического применения. – Новосибирск, 2012. – С.41-44.

104. Некрасова, Е.А. Олицетворение / Е.А. Некрасова // Очерки истории языка русской поэзии XX в. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. – М.: 1994. – С. 13-104.

105. Немыка, А.А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: автореф. дис.... д-ра филол. наук / А.А. Немыка. – М., 2017. – 46 с.

106. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С.112-116.

107. Нерознак, В. П. Языковая личность / В.П. Нерознак, И.И. Халеева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. – М., 2005. – С. 587-591.

108. Никандрова, И.А. Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / И.А. Никандрова. – Коломна, 2010. – 226 с.

109. Парсамова, В.Я. Языковая личность ученого: на материале писем М.Ю. Лотмана / В.Я. Парсамова. Саратов, 2004. – 224 с.

110. Пихоя, Р.Г. Царь и народ: царская власть в общественно-политических представлениях горнозаводского населения Урала XVIII века / Р.Г. Пихоя // Социология власти. – 2005. – №4. – С. 96-113.

111. Плеханова, Л.П. «Слово, превосходное по своей выразительности...» (эскиз речевого портрета проф. В.В. Степановой) / Л.П. Плеханова // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 14-16 ноября 2007. – СПб.: САГА, 2008. – С. 35-40.

112. Полонский, А.В. Массмедийность как категория дискурса и текста / А.В. Полонский // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: I междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 1-4 апр. 2014 г. : сб. науч. работ / науч. ред.: Е.А. Кожемякин, А.В. Полонский. – Белгород, 2014. – С. 110-122.

113. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

114. Прокофьева, Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Прокофьева. – Барнаул, 2012. – 235 с.

115. Ребель, Г.М. Полифония: «лежащий камень» литературоведческого термина / Г.М. Ребель // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Литературоведение. – 2011. – №4. – С.3-7.

116. Русское богатство. 1906. № 5 [wikisource.ru] (Дата обращения: 14.11.2014 г.)

117. Русские ведомости. 1917. № 58 [wikisource.ru] (Дата обращения: 14.11.2014 г.)

118. Рыбакова, Г.Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Рыбакова. – Ростов н/Д, 1969.

119. Рычкова, И.А. Парцеллированные конструкции современного русского языка в коммуникативно-функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Рыбакова. – М., 1988.

120. Рябов, О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.

121. Рябов, О.В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России / О.В. Рябов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. №1. – С. 90-113.

122. Самигулина, Г.Ф. Грамматическая антитеза как средство объективации эмоционального смысла в дискурсе / Г.Ф. Самигулина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. – Вып.2. – С.71-79.

123. Сацюк, И.Г. Послеоктябрьская публицистика В.Г. Короленко / И.Г. Сацюк // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – №5. – С. 55-64.

124. Скреминская, Л.Р. Запад – Восток: Духовные и творческие искания В.Г. Короленко: дис. ...канд. филол. наук / Л.Р. Скреминская. – Бишкек, 2003. – 160 с.

125. Современный русский литературный язык: учеб. для филол. спец. ин-тов.; под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1988. – 416 с.

126. Соколов, Д.В. К проблеме генезиса концепта «национализм» / Д.В. Соколов // Вестник ТГПУ. 2014. №3 (144). – С. 138-144.

127. Соловьева, Н.В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира / Н.В. Соловьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – №4. – С.63-69.

128. Сорокин, Ю.А. Креализованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. С. 180-181.

129. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.

130. Стернина, М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: монография / М.А. Стернина. – Воронеж: «Истоки», 2014. – 115 с.

131. Стилистика и литературное редактирование: учебное пособие / Под ред. д-ра филол.наук Н.В. Малычевой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», Ростов н /Д: Наука-Спектр, 2011. – 288 с.

132. Табалова, Н.Г. Социальные стереотипы как форма категоризации действительности в лингвистическом, психологическом и социологическом аспектах / Н.Г. Табалова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 52-57.

133. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

134. Трепавлов, В. «Белый царь» и «большой хозяин» / В. Трепавлов // Родина. – 2013. – №2. – С. 38-41.

135. Тумина, Л.Е. Постоянный эпитет / Л.Е. Тумина [Электронный ресурс]. Режим доступа: dis.academic.ru [Дата обращения: 22.10.2016 г.]

136. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М., 1995. – 779 с.

137. Урысон, Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур», 2011. – 336 с.

138. Фам, Н.Л. Олицетворение имен существительных с немотивированным родом в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Фам. АКД. – М., 1999. [Электронный ресурс: Режим доступа. Дата обращения: 2.08.2015 г.]

139. Фатеев, А.Е. О языковой личности Владимира Набокова / А.Е. Фатеев // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2006. №14. Т.69. – С. 360-362.

140. Филлипс, Л., Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

141. Флоренский, П.А. Эстетический лик бытия / П.А. Флоренский. – М., 1990. – 64 с.

142. Фокеев, А.Л. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) / А.Л. Фокеев, Е.Г. Чеботарева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2009. №4 (2). – С.131-134.

143. Фолимонов, С.С. Использование народнопоэтических средств и приемов при создании образа Урала в цикле очерков В.Г. Короленко «У казаков» / С.С. Фолимонов // Вестник Каз.НУ им. Аль-Фараби. – 2001. – № 15. – С. 128-133.

144. Фолимонов, С.С. Народное красноречие в художественной системе уральских очерков В.Г. Короленко / С.С. Фолимонов // Филология и литературоведение. – 2014. – №9.

145. Фортунатов, А.Н. Нижегородские путевые очерки В.Г. Короленко: Проблемы мастерства писателя-очеркиста: дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Фортунатов. – Нижний Новгород, 1998. – 208 с.

146. Хамутаев, В.А. Нация и национализм как научная проблема / В.А. Хамутаев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. №8. – С. 69-73.

147. Хассан, Ш. // www.youtube.com [Дата обращения: 10.01.2015 г.]

148. Хлупина, М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Хлупина. – М., 2015. – 21 с.

149. Хованская, З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения / З.И. Хованская. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – 429 с.

150. Хутыз, И.П. Полифония и дейксис в академическом дискурсе: единая исследовательская плоскость / И.П. Хутыз // Вестник Майкопского

государственного технологического университета. – 2013. – №2. // <http://cyberleninka.ru> [Дата обращения: 21.08.2015 г.]

151. Чернавская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблема речевого воздействия / В.Е. Чернавская. – М.: «Флинта» - «Наука», 2006. – 136 с.

152. Чиговская, Я.А. Короленковедение в лингвистическом аспекте (на материале исследований кафедры русского языка ГГПИ) / Я.А. Чиговская // Шестые Короленковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. – Глазов, 2004. 69 с. – С. 26-28.

153. Чистов, К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв. / К.В. Чистов. – М., 1967.

154. Шапочкин, Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике / Д.В. Шапочкин // Вестник Челябинского университета. – 2013. – №10 (301). Серия: Филология. Искусствоведение. – №76. – С.101-107.

155. Шаталова, О.В. «Человек должен быть интеллигентен» (Языковая личность академика Д.С. Лихачева – синтаксическая интерпретация) / О.В. Шаталова // О русском языке в историческом, теоретическом и лингвокультурологическом аспектах. К 80-летию доцента Г.Л. Щеулиной. – Липецк, 2009. – С. 301-309.

156. Шаталова, О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности (монография) / О.В. Шаталова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – 200 с.

157. Шаталова, О.В. И.Л. Андроников: синтаксический эскиз к речевому портрету / О.В. Шаталова // Современное информационное пространство: коммуникация в рекламе и PR: материалы междунар. науч. конф. (9 апр. 2013 г.) / Под общ. ред. М.В. Ягодкиной. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – 128 с. – С.110-115.

158. Шаталова, О.В. Методика количественно-статистического анализа в теории языковой личности / О.В. Шаталова // Экология языка: сб. ст.

Х Междунар. науч. конф. (г. Пенза, 25 апреля 2017 г.) / под ред. Е.Н. Сердобинцевой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017 (I). С.27-31.

159. Шаталова, О.В. Семантико-прагматическая сущность понятия «национализм» в современном русском языке / О.В. Шаталова, М.Х.Т. Махмуд // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков: сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной педагогической и научной деятельности проф. Г.В. Звёздовой и приуроченной к ее юбилею.* – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017 (II). – Ч.1. – 299 с. – С. 124-128.

160. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 11.11.2014 г.]

161. Шахнарович, А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // *Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи* / А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1991. – С. 185-220.

162. Шахнарович, А.М. Онтогенез языкового сознания: Развитие познания и коммуникации / А.М. Шахнарович // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 22.11.2014 г.]

163. Шаховская, Н.В. В.Г. Короленко. Опыт биографической характеристики / Н. В. Шаховская. – М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 22.11.2014 г.]

164. Шевченко, Н.М. Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии / Н.М. Шевченко. АКД. – Москва, 2014. – 39 с.

165. Шевченко, О.Н. Языковая личность переводчика: на метриале дискурса Б.Н. Заходера: дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Шевченко. – Волгоград, 2005. – 255 с.

166. Ширина, Е.В. Языковая личность русских писателей-демократов XIX в. в контексте концептуальных оценок / Е.В. Ширина // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2009. №10.

167. Щурина, Ю.В. Комические креализованные тексты в Интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – №57. С.82-86.

168. Эпитет в русском народном творчестве. – М., 1980. – 142 с.

169. Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216 с.

170. Kjør A.L., Palsbro L. National identity and law in the context of European integration: the case of Denmark // Discourse and Society. 2008. Vol.19 (5). P. 599-627.

171. Kristeva J. Polilogue. Paris. 1977.

172. Mieroop Van de D. An integrated approach of quantitative and qualitative analysis in the study of identity in speeches // Discourse and Society. 2005. Vol. 16 (1). P. 107-130.

173. Shatalova Olga Vasilyevna. Grammatical Parameters of the Text as a Factor in Assessing the Personaliy under Condishions of Changing Socio-psychological Constants // INFORMATION An International Interdisciplinary Journal. Volume 20 Number 7 (A), July 2017, pp.4839-4848.

174. Slay H., Smith D. Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities // Human Relations. 2011. Vol. 64 (1). P. 85-107.

175. Wimmer F.M. Interkulturelle Philosophie: eine Einfuhrung [Interkultural philosophy: An introduction]. Wien. Austria: WUV, 2004.

Словари и справочники

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 17.04.2014 г.]

2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2004. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 03.07.2015 г.]

3. Большая российская энциклопедия в 35 томах, 26 том. – М., 2014. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 13.06.2015 г.]
4. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Второго издание, исправленного и значительно умноженного по рукописи автора. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. С.-Петербург – Москва, 1981. – Репринтное издание. М., 1956. Т.2. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 17.07.2016 г.]
5. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: ок.50000 слов [Текст] / И.Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1986. – 840 с.
6. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 17.04.2014 г.]
7. Краткий словарь литературоведческих терминов: кн. Для учащихся / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. 2-ое изд., дораб. – М.: Просвещение, 1985. [КСЛТ] Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 21.04.2015 г.]
8. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е издание, дополненное / Л.П. Крысин. – М.: «Русский язык», 2000. – 855 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 2002. [ЛЭС] – 709 с.
10. Литературный энциклопедический словарь (под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. : Л. Г. Андреев, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.biblioclub.ru [Дата обращения: 22.08.2015 г.] [ЛиЭС]
11. Ломов, А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
12. Новый словарь методических терминов и понятий [Online] / Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) http://methodological_terms.academic.ru/2437/ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ [НСМТиП]

13. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1984. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 21.04.2015 г.]
14. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1989. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 21.04.2015 г.]
15. Розенталь, Д.Э. Словарь – справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gumer.info [Дата обращения: 22.08.2015 г.] [ССЛТ]
16. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 510 с. [СЛТ]
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т.1. А – И. – М.: Русский язык, 1981. – 698 с. [МАС (I)]
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т.2. К – О. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с. [МАС (II)]
19. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т.3. П – Р. – М.: Русский язык, 1984. – 750 с. [МАС (III)]
20. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т.4. С – Я. – М.: Русский язык, 1984. – 794 с. [МАС (IV)]
21. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
22. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Online] / Стилистический энциклопедический словарь русского языка, URL: http://stylistics.academic.ru/273/Языковая_личность [СЭС]
23. Тимофеев, Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М., 1974.

24. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. В 3 т. – М.: Вече, Мир книги, 2001. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 11.11.2014 г.] [УШАКОВ]

25. Тумина, Л.Е. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Л.Е. Тумина. – М., 1998.

26. Хазагеров, Т.Г. Общая риторика и Словарь риторических приёмов / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. – Ростов н/Д, 1999.

27. Энциклопедия «Русский язык» / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая российская энциклопедия, Дрофа, 1998. – 721 с. [ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РЯ]

Список источников

1. Короленко, В.Г. Адъютант его превосходительства / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 04.02.2016 г.]

2. Короленко, В.Г. «Была бы жива Россия!»: Неизвестная публицистика. 1917 – 1921 гг. Сост. и коммент. С.Н. Дмитриева. – М.: Аграф, 2002. – 429 с.

3. Короленко, В.Г. Бытовое явление / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 11.11.2014 г.]

4. Короленко, В.Г. Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени. – М., 1917. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 16.09.2016 г.]

5. Короленко, В.Г. «Декларация» В.С. Соловьева. К истории еврейского вопроса в русской печати / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 19.03.2016 г.]

6. Короленко, В.Г. Дело Бейлиса / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 7.02.2015 г.]

7. Короленко, В.Г. Дневник. Письма. 1917–1921 / В.Г. Короленко. – М., 2001. // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 7.02.2015 г.]

8. Короленко, В.Г. Знаменитости конца века / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 21.06.2015 г.]

9. Короленко, В.Г. И.А. Гончаров и «Молодое поколение» (К 100-летней годовщине рождения) / В.Г. Короленко // Собрание сочинений. Том 5. Литературно-критические статьи и воспоминания. Библиотека «Огонек». Изд-во «Правда», Москва, 1953 // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 05.06.2017 г.]

10. Короленко, В.Г. Избр. письма: в 3 т. Т. 2. / В.Г. Короленко. – Л., 1960. // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 4.08.2016 г.]

11. Короленко, В.Г. К вопросу о прислуге / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 4.08.2016 г.]

12. Короленко, В.Г. Несколько мыслей о национализме / В.Г. Короленко // Короленко В.Г. Собр. соч. в 5 т. Т.3. – Л.: «Художественная литература», 1990. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 21.04.2016 г.]

13. Короленко, В.Г. Письма к Луначарскому / В.Г. Короленко // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. Сост. М. Вострышев. – М.: Современник, 1989. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 12.11.2015 г.]

14. Короленко, В.Г. «О “России” и о революции» / В.Г. Короленко // Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 23.02.2015 г.]

15. Короленко, В.Г. Письма из тюрем и ссылок 1879–1885 / В. Г. Короленко. – Горький : Гослитиздат, 1935. Режим доступа: Lib.ru [Дата обращения: 22.11.2014 г.]

16. Короленко, В.Г. Полн. собр. соч. Т. 6. / В.Г. Короленко. – СПб.: Товарищество А.Ф. Маркс, 1914.[wikisource.ru][Дата обращения: 14.11.2014г.]

17. Короленко, В.Г. Собр. соч.: в 10 т. Т.5. / В.Г. Короленко. – М., 1954. [Lib.ru] [Дата обращения: 14.11.2014 г.]

18. Короленко, В.Г. Собр. соч.: в 10 т. Т.6. / В.Г. Короленко. – М., 1954. [Lib.ru] [Дата обращения: 14.11.2014 г.]

19. Короленко, В.Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 10. / В.Г. Короленко. – М., 1954. [Lib.ru] [Дата обращения: 28.10.2015 г.]

20. Короленко, В.Г. Черточка из автобиографии / В.Г. Короленко // Сб. Русские ведомости. М., 1913.[wikisource.ru] [Дата обращения: 14.11.2014г.]

Приложение

Таблица №1.

Статистические показатели грамматико-стилистической организации текстов В.Г. Короленко

Стилистические группы и фигуры	Ангитеза		Метафора		Олицетворение		Др. группы и фигуры		Количество синтаксических единиц Общее количество (речь публициста / повествователя / автора)
	Количество синтаксическ их единиц, содержащих прием ангитезы	%	Количество синтаксичес ких единиц, содержащих прием метафоры	%	Количество синтаксичес ких единиц, содержащих прием олицетворен ия	%	Количество синтаксичес ких единиц, содержащих различные группы и фигуры	%	
Наименование публицистического сочинения В.Г. Короленко	42 (20)	~3,3	127 (60)	~10	46 (20)	~3,3	80 (37)	~6	1342 (600)
Бытовое явление	30	~4	68	~9	14	~2	38	~5	734
Война, Отечество и человечество	8	~5	19	~12	5	~3	9	~6	152
Несколько мыслей о национализме	18	~4	35	~8	13	~3	35	~8	435
Дело Бейлиса (№4)	9	~4	21	~9	8	~3	32	~14	235

Знаменитость конца века	2	~1	25	~12	4	~2	10	~5	203
Адьютант его превосходительст- ва	2	~3	5	~7	0	~0	14	~19	74
К вопросу о прислуге	6	~4	12	~8	3	~2	11	~7	152
Гончаров и «молодое поколение»	8	~4	17	~9	4	~2	15	~8	188
Падение царской власти	1	~0.2	37	~6.6	0	0	64	~11.4	563 (14)
Речь на митинге в Полтаве / «Была бы жила Россия!»	2	~2	1	~1	3	~3	42	~42	105 (42)
Украинский шовинизм	1	~2	4	~8	0	0	7	~16	42
«Декларация» В.С. Соловьева	1	~2	4	~8	0	0	5	~10	49

<i>Родина в опасности</i>	6	~10	7	~11	4	~6	16	~26	61
<i>О «России» и революции</i>	6	~7	4	~4,5	7	~8	5	~6	89 (68)
<i>Речь перед солдатами Полтавского гарнизона</i>	6	~6	5	~5	10	~9	5	~5	106
<i>О суде, о защите и о печати</i>	14	~7	10	~5	18	~9	28	~14	201
<i>О сложности жизни</i>	10	~4	20	~8	5	~2	18	~7	255

Таблица №2.

Статистические показатели

Стилистические тропы и фигуры	Антитеза		Метафора		Олицетворение		Эпитет		Градации		Общ. кол- во синт. ед-ц
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	
<i>Падение царской власти</i>	1	~0.2	37	~6.6	0	0	54	~9.6	10	~1.8	563
<i>Речь на митинге в Полтаве</i>	1	~1	1	~1	3	~3	15	~15	4	~4	105
<i>Родина в опасности</i>	6	~7	4	~4.5	7	~8	8	~13	3	~5	61